

РАБОТНИЦА

ISSN 0131—8047

№ 4 • 1982

И. БРОДСКИЙ. В. И. ЛЕНИН И МАНИФЕСТАЦИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

АПРЕЛЬ 1982 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Читайте в этом номере:

- У ПУЛЬТА ЕДИНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ.
- ЖИЗНЬ В ТАНЦЕ: ГАЛИНА УЛАНОВА И ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВА.
- ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ СТРОИТ ГРЭС.
- ОТХОДЫ — В ДОХОД.
- ТВОЙ ВЫПУСКНОЙ.

НА МАТЕРИНСКОМ ПОЛЕ

Заместитель Председателя Совета Министров Киргизской ССР, министр иностранных дел республики, кандидат в члены бюро ЦК Компартии Киргизии, председатель Республиканского совета женщин **ДЖАМАЛ ЧУЙБЕКОВНА ТАШИБЕКОВА** отвечает на вопросы нашего корреспондента **ТАМАРЫ АЛЕКСАНДРОВИЧ**.

Т. А. Когда приезжаешь в Киргизию, знакомишься с женщинами, невольно ловишь себя на том, что пытаешься разглядеть в них черты героинь Чингиза Айтматова — Толгонай из «Материнского поля» или Джамилы... Понимаешь, что это в общем-то наивно, а никуда не деться: сила искусства.

Дж. Т. Но не в глубокой ли правде сила поэтических образов писателя? Он понял душу киргизской женщины. Ведь сколько всего выпало в жизни каждой из его героинь! И, пройдя вместе с ними через все испытания, он восхитился нравственной силой женщины: душа-то ее уцелела, стала сильнее. Восхитился глубиной и чистотой ее чувства к мужчине, детям.

Т. А. Путь киргизки после Октября, путь к той высоте, которую она занимает сегодня в обществе, — ведь он тоже потребовал от нее силы духа, мужества.

Дж. Т. И немало мужества. Недаром же рядом со словом «раскрепощение» стоит слово «борьба». Кем была киргизка? Чем она отличалась от других женщин Востока? То же рабство. Вот разве что затворничества не знала, чадры и паранджи не носила — от них ее освободил кочевой образ жизни.

Т. А. Академик Орузбаева Бюбйина Омурзаковна популярно и образно мне объяснила: поставь-ка в парандже юрту.

Дж. Т. Вот именно. Женщина и юрту ставила, и все тяготы кочевого быта на ней лежали. За все с нее спрашивали, во всем одна бывала виновата. За все ее ждала расправа.

Т. А. А как же уважение к матери, которое издревле живет в киргизском народе?

Дж. Т. Да, мать почитаема. Это всегда внушалось детям. Но никогда прежде не было уважения к жене, к женщине как личности: «Ты ничего не стоишь, голоса не имеешь», — веками вдалбливалось в сознание. Как тут не уверовать, что на роду такое написано?

И вот все права киргизка получила, политика государства, политика партии обеспечила ей поддержку, казалось бы: иди, шагай в новую жизнь. А как себя переломить, как ринуться в неведомое, как силы собрать, чтобы шагнуть через устои? Мы преклоняемся перед мужеством первых. Сегодняшняя киргизка по натуре своей ищущая, устремленная вперед, и этот импульс идет от энергии женщин старшего поколения.

Т. А. Наверное, и на себе вы ощутили влияние старших, силу именно женского, может быть, материнского влияния?

Дж. Т. Маму я рано потеряла, а отец — он был рабочим, строителем, — умер еще раньше, когда мне едва исполнилось два года. Родителей нам с братом заменила тетя Шамшия, Шамшия Умарбаева. И ей я многим обязана. С самого раннего детства, как принято в киргизской семье, приучила меня к самостоятельности. Я и хлеб могла испечь и в доме все прибрать. Старалась управиться со всем побыстрее. Этого тоже Шамшия требовала: домашние дела обязательно, но в жизни много всего более важного и интересного.

Человеком Шамшия была не очень грамотным, но, как сейчас понимаю, талантливым. Работала на заводе; в войну, как и все, — день и ночь. Возглавляла в цехе партийную организацию. Она ведь — одна из первых коммунисток в Киргизии. Любила свой завод и нам, детям, передала глубокое уважение к рабочему человеку. Всегда говорила о его честности, надежности, справедливости, о том, как он болеет за дело и умеет правоту отстаивать. Помню, в институте — я училась в Московском технологическом — девчонки перед практикой волновались: как встретят на фабрике, не отнесутся ли рабочие с недоверием, не будут ли со смехом ловить на промахах? А я шла спокойно. В знакомую благодаря Шамшии среду. Особенно пригодились ее уроки, когда возвратилась во Фрунзе и стала мастером на швейной фабрике «40 лет Октября».

Встретили меня довольно настороженно. Взгляды, чувствую, критические, оценивающие. Некоторые откровенно проверяют: «Покажи, как это шить, как это»... Показывала и сама присматривалась. Много на участке было организовано не так, как нас учили. Время зря на операциях терялось. Подошла к технологю, сказала, а она обиделась. Я ее понимала, но молчать тоже не могла. Села вечером, записала все свои замечания и отдала тетрадку технологю. «Не обижайтесь, — говорю, — я вовсе не считаю себя умнее вас. Просто меня учили в вузе».

И еще жила в тете Шамшии огромная тяга к знаниям. Много читала, старалась разобраться в политических событиях и нам с братом объяснить: что происходит в мире, где и за что идет борьба, для чего создана Организация Объединенных Наций...

Т. А. Можно сказать, что уже тогда Шамшия готовила вас к работе в ООН?

Дж. Т. Ну, это если только ради красного словца... Кто же мог предполагать, что выпадет мне столь ответственная миссия. Я была членом советской делегации на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи.

Т. А. Выступали с докладом?

Дж. Т. Сделала пять докладов — в 3-м Комитете Ассамблеи, где я представляла нашу страну, — в том числе по правам человека и по Десятилетию женщины: что делается в рамках Десятилетия в СССР, где женский вопрос — часть государственной политики.

Т. А. Вам нередко приходится бывать за рубежом, встречаться с разными людьми. Они, вероятно, спрашивают и о республике и о вашей собственной жизни. Что их интересует, что удивляет?

Дж. Т. Когда скажешь: «Я киргизка», — тотчас приходится объяснять, что такое Киргизия, кто такие киргизы, кем были, кем стали. В ответ — гул удивления, бывает, что и недоверия, и вопрос: «А как мужчины относятся к тому, что вы, женщина, командуете, правите?» Нормально, говорю, относятся. Давно тут нет проблем. Я не первая, я не единственная. И мужчинам — коллегам — ничего другого не остается, как уважать женщин, гордиться ими. Действительно, мое поколение росло в то время, когда женщина-киргизка утвердилась во всех сферах жизни. Успехи уже не были исключительностью отдельных судеб.

Д. Ч. Ташибекова.
Фото Э. МАМАДАЛИЕВА.

Т. А. Но разве вашу собственную судьбу нельзя считать исключительной? Я знаю, что уже в 28 лет вы стали директором фирмы «Киргизия», крупного предприятия, а в тридцать с небольшим — заместителем председателя исполкома Фрунзенского горсовета. А сегодняшняя ваша должность...

Дж. Т. Нет, с этим не соглашусь. У нас в республике немало руководителей-женщин. Есть у кого учиться. Я, например, своим наставником считаю Джумагуль Нусуповну Нусупову.

Т. А. Министра культуры?

Дж. Т. Да, но когда мы познакомились, она была первым секретарем Первомайского райкома партии. Часто приходила на нашу фабрику. Надо было видеть, как она с людьми разговаривает, как слушает их. И пошутит — ум острый, и отчитает, но и при этом поднимет настроение. С кем-то поговорила хоть раз — не забудет ни человека, ни его забот. Такая память, наверное, — свойство души. И меня приметила. Вы, говорит, молодой специалист. Глаз свежий, знания свежие, все ли вас устраивает на фабрике? Что стоило бы изменить, усовершенствовать?

Т. А. Интересно было ознакомиться с «женской» статистикой Киргизии. За последние тридцать лет число женщин-специалистов с высшим и средним образованием выросло в республике почти в 11 раз.

Работа — самовыражение, общественное проявление личности. Без этого нет ощущения полноты жизни. Исследования социологов говорят: немногие женщины отказались бы от работы и при полном достатке семьи. Для детей тоже важна материнская деятельность вне дома. В одной книге я встретила недавно результаты опроса старшеклассников. Психологи просили ребят перечислить те качества родителей, которые они считают наиболее ценными. И честное отношение к труду, доброжелательность к людям, общественная активность были на первом месте.

Дж. Т. Роль матери извечна для женщины, но она усложнилась. Жизнь сегодня многого требует от матери — последить за учебной школьницей, понять педагогические установки, суметь направить интересы своих быстро развивающихся детей, не отстать от них, наконец. А не отстать, мне кажется, можно, лишь работая.

Т. А. Сегодняшний день отмечен новыми важными государственными

ми мерами по облегчению условий труда женщины-матери, усилению помощи семье. Как осуществляется такая помощь в республике?

Дж. Т. За последние два года десятой пятилетки улучшены условия труда 130 тысячам работниц. За счет механизации, автоматизации, реконструкции предприятий, цехов, участков. Но проблемы, к сожалению, остаются. Например, в строительстве: машин, механизмов здесь немало, а доля ручного труда все еще велика, и она в основном на женщин ложится. Поэтому девушка после школы охотней пойдет на какой-нибудь приборостроительный завод, чем на стройку. Нелегко труд женщины и в сельском хозяйстве, особенно в табаководстве.

Из года в год растет в республике число детских дошкольных учреждений. Сегодня их посещают 150 тысяч ребят, но 42 тысяч мест пока не хватает. Все никак не победим мы отношения к строительству детских садов как к делу несрочному, второстепенному.

Озабочены мы и положением с молочными кухнями. Недавно открыты новые кухни в Араванском, Базар-Курганском, Кара-Суйском районах. Но их еще не хватает.

Т. А. Трудности тут, вероятно, связаны с многодетностью семей. Ведь и десять детей в киргизском доме не редкость.

Дж. Т. Матерей-героинь в республике больше четырнадцати с половиной тысяч. Многие из них и на работе заслужили почет. Вот, например, Кульсара Сулайманова. Одиннадцать детей у нее, а она много лет руководит звеном в колхозе имени Панфилова, Герой Социалистического Труда.

Уважение уважением, а как живут наши матери-героини, в чем нуждаются? Было решено побывать в их семьях. Во всех областях создали специальные бригады: учитель, врач, юрист, представитель местной партийной организации. В бригады входили работники и ЦК партии, Верховного Совета, министры, руководители профсоюзов... Я тоже участвовала в обследовании. Мы столкнулись с тем, что не все женщины знают свои права. Порой по вине органов социального обеспечения, исполкомов местных Советов несвоевременно оформляются пособия — и семьи недополучают значительные суммы.

В иной дом зайдешь — сразу видишь: тесно живут. Давно ждут очереди на квартиру, но не учли в исполкоме особых обстоятельств семьи. Некоторые хотели бы новый дом построить или старый расширить, обращались с просьбой о выделении стройматериалов, но просьба осталась без внимания. Были жалобы на очереди в поликлиника, на то, что мало детских товаров, не всегда купишь необходи-

мые... Результаты этой недавней проверки рассматривались на бюро Центрального Комитета Компартии Киргизии, в Совете Министров республики. Намечена система мер в помощь многодетной семье.

Матери-героине предоставлены особые дополнительные льготы. Например, первоочередное обслуживание в поликлинике. Всех матерей-героинь решено взять на диспансерный учет. Предоставлен им бесплатный проезд на всех видах городского транспорта, кроме такси, в сельской местности — на автобусах, в том районе, где каждая живет. Прудумовано дальнейшее улучшение производственно-бытовых условий работающей матери, торгового и бытового обслуживания, расширение сети профилакториев, детских учреждений.

Не могу сказать, что в республике не уделялось внимания выпуску культурно-бытовых, хозяйственных товаров, облегчающих домашний труд, но сейчас решено наладить их производство в таком объеме, который бы полностью удовлетворил потребности населения уже в этой пятилетке.

Работы предстоит много. К ней подключаются женские советы. Постоянный контроль за строительством детских садов и молочных кухонь, за тем, как претворяются в жизнь решения, касающиеся помощи семье, — их святое дело.

Т. А. На недавнем VIII съезде женщин Киргизии, который избрал вас председателем Республиканского совета женщин, прозвучал упрек в адрес некоторых женсоветов, ограничивающих свою деятельность лишь собраниями, вечерами отдыха. А порой круг дел, которые берут на себя активистки, так широк, что невольно задаешься вопросом: не дублируют ли женсоветы деятельность профсоюзных, комсомольских организаций? Не случается ли подмены?

Дж. Т. Подмены, о которой вы говорите, уверена, нет. А то, что работа идет на одном фронте, — естественно. Женсоветы — проявление общественной инициативы. Они помощники партии в решении главных задач общества, в идейном, нравственном воспитании женщин, в воспитании трудовой активности. Такова их роль. И на нашем женском съезде разговор шел прежде всего о задачах женсоветов республики в свете решений XXVI съезда КПСС.

Т. А. И все-таки продолжу свой вопрос. Например, воспитание трудовой активности. Не воспитываем же мы женщин отдельно от мужчин. Ценным починам и рабочий и работница следуют наравне...

Дж. Т. Безусловно. Но иногда женщину может зачесть лишь пример другой женщины. Когда наша Саадат Ногоева освоила хлопкоборочную машину, ее имя узнала вся республика: редкостью это было лет двадцать назад. А сколько последовательниц появилось у нее! В десятой пятилетке шесть с лишним тысяч девушек получили профессию механизаторки. В закреплении молодых кадров на селе немалая заслуга женских советов. Они и перед девушками открывали перспективы развития хозяйств, стало быть, их личные перспективы и родителей настраивали соответствующим образом, опираясь на

национальную нашу черту: киргизы любят, чтобы дети, вырастая, оставались дома, чтобы, выучившись, возвращались домой.

Или еще пример женской эстафеты. В Киргизии сегодня работают 500 молодежных девичьих бригад и звеньев — на полях, на заводах, на фермах, на фабриках. А первую такую бригаду — «16 девушек» — организовала в своем хлопководческом колхозе Олмосхон Атабекова. Олмосхон уже несколько десятков лет руководит колхозом, Герой Социалистического Труда. Воспитатель, наставник прекрасный.

И вместе с тем у нас еще немало женщин, особенно в южных районах, которые не заняты в общественном производстве. А есть же такие удобные для женщин-матерей формы труда, как надомничество, неполный рабочий день. Мы стараемся их развивать. Недавно открыто два швейных комбината, основанных на надомном труде. Требуем сейчас от нашего «Кыяла» — объединения народно-художественных промыслов, чтобы он привлек как можно больше мастериц. Ведь все прекрасные шырдаки — войлочные ковры, циновки из чия, которые украшают музеи, сотворены руками женщин. Исконное искусство, исконное ремесло.

Дойти до каждой незанятой на производстве женщины, выяснить, что она умеет, какая работа ее больше всего устроила бы, объяснить условия надомничества — кто как не активистки на местах лучше справятся с этим делом?

Т. А. Джамал Чуйбековна, у вас большой опыт работы в женских коллективах, можно ли здесь говорить о какой-то психологической специфике?

Дж. Т. Для женщины особенно важно, что за обстановка взаимоотношения в коллективе. Если хороший коллектив, она, как правило, считает: «У меня прекрасная работа». И, когда на предприятии женсовет заботится о микроклимате, старается влиять на него, — это ценно.

Т. А. Коллектив, в котором добрые отношения, и успехов добивается больших. Нравственные нормы, нравственная основа человека и его общественная активность — здесь, очевидно, прямая связь?

Дж. Т. Я об этом немало думала, когда только начинала работать. Подружилась с мастерами Анной Захаровной Суворовой и Айнек Айткуловой. Обе старше меня. Анну Захаровну некоторые побаивались: резка. При знакомстве сурово сказала: «Знаем мы вас, молодых специалистов, немного в цехе повертись да в контору сбежишь». Потом видит — работаю, стараюсь, стала подходить, советы давать, моего мнения спрашивать. Признала. Сама человек до щепетильности честный, не могла она никому ни прощать, ни спускать плохой работы. Мне дорого, что именно она рекомендовала меня в партию.

Айнек Айткулова другая совсем. Легкая, открытая. Работает азартно, и все за ней тянутся. У нее многое от доброты шло: ко всем внимательна, всем поможет. До сих пор Айнек на фабрике, получила звание Героя Социалистического Труда.

Т. А. Женскими свойствами принято считать заботливость, доброту. А всегда ли эти свойства находят общественное проявление? В сфере обслуживания, например, большинство работающих — женщины, а мы как раз жалуемся на недостаток доброты этой службы.

Дж. Т. Люди разные. Мы же с вами не вычисляем среднеарифметическую женщину. Но вы правы, как хочется иногда напомнить повзрелой, который кормит детей в детсаду или школе, медсестре в больнице, продавщице за прилавком не только о профессиональном долге, но и о ее женской сути. Роль женсоветов в нравственном воспитании может быть очень велика. И потому, что собирают в них самых авторитетных, уважаемых женщин, и потому, что жизнь сталкивает их с различными нравственными ситуациями, заставляет вживаться.

Вот ко мне, случается, придет посетительница, а я вижу: не по адресу она, объясняю, что эти вопросы я не решаю, есть другой товарищ, он ее обязательно примет. А она отвечает: «Знаю, но я пришла к вам как женщина к женщине»... Наверное, женщина женщину скорее поймет. Поэтому в женсоветах часто обращаются с личными, семейными делами. Наши женсоветы ведут работу среди молодежи, семейные конфликты помогают разрешать. Ведь в маленьком поселке, например, в селе каждая семья на виду.

Важна и просветительная деятельность активисток, особенно в селах, — собрать матерей на беседу врача, учителя, поговорить о событиях, которые происходят в стране.

Село сейчас живет хорошо, растут доходы семей. А вот распорядиться ими не все умеют. Детям порой отзываются в необходимом, а накопленные годами выбрасывается на застолье по поводу какого-нибудь праздника. Демонстрируется «широта» души. И в городе наблюдаешь подобные байские замашки, противоречащие нашему образу жизни, нашей морали. Пережиткам лучше всего противостоит общественное мнение. И женские советы помогают его формировать.

Т. А. Поражаешься неумоимости активисток, самоотверженности. Они достойны самого высокого уважения. Работа, дети, дом да еще общественные хлопоты. Остается ли хоть какое-то свободное время?

Дж. Т. А что такое время для себя? Любимое занятие, общение с интересными для тебя людьми, то, что душе нужно. Активность, идущая от нравственной высоты человека (образно говоря: я хочу, чтобы не только мой сад цвел, но чтобы весь мой поселок стал садом), тоже чаще всего потребность души. Разговариваешь с женщиной, которая несколько лет в женском совете, и понимаешь, как она любит эту беспокойную работу, сколько она приносит ей удовлетворения.

Вероятно, труднее всего писать о самом себе. Я родился в 1915 году в Донбассе, в городе Луганске (теперь Ворошиловграде). И ныне в этом городе сохранились живые свидетели и участники великих событий и огненных лет гражданской войны.

Отец мой работал фотографом. Однажды, в начале двадцатых годов, в наш город пришел бронепоезд со стремительным названием «Большевик». Отец заснял бойцов и их командира на фоне бронепоезда, на темном тендере которого алыми буквами было начертано: «Еще многие лягут костями, но идея Коммунизма не умрет».

...Трудные годы. Вся страна тогда была похожа на большую строительную площадку. Мне было девятнадцать, когда я пришел на строительство цеха Луганскостроя в качестве десятника. Вот почему я считаю Донбасс первой школой, которую мне пришлось пройти в жизни.

В 1935 году я приехал в Москву, в Литературный институт имени Горького. Этот институт, милые, оставшиеся навсегда верными друзья, первые учителя, которые научили нас беречь и ценить слово,—все это стало моей второй школой.

В конце учебы в Литинституте вышла первая книга стихов «Моя родословная», и, естественно, она открывалась стихами о донецком детстве.

Закончив институт, я поступил в аспирантуру ИФЛИ, где под руководством замечательного ученого-литературоведа Николая Калининича Гудзия написал диссертацию, посвященную поэтическому стилю древних русских воинских повестей. Защищать диссертацию мне уже не пришлось: началась война, и в первой группе писателей я отправился на Западный фронт в качестве военного корреспондента. Но защита диссертации все же состоялась, только с некоторым нарушением традиции — без диссертанта.

В годы войны у меня вышло несколько стихотворных сборников — «Фронт», «Когда шумит Ильмень-озеро», «Слушая Москву»...

После войны я начал работать над песней. Моей первой стала песня «Вернулся я на родину», написанная в сотрудничестве с композитором Марком Фрадкимым.

Не знаю более массового, доходчивого и доступного поэтического жанра, чем песня. Песня сопровождает человека всю жизнь, с раннего детства, ее знают, ценят и любят даже люди, не приучившиеся читать стихи. Может быть, вы помните «Школьный вальс», «Молчание», «Летите, голуби»? Они написаны вместе с И. О. Дунаевским. А автором музыки к «Балладе о солдате», «Подмосковным вечерам», «Солдат всегда солдат» стал В. П. Соловьев-Седой. Писал я песни с Тихоном Хренниковым, Оскаром Фельцманом, Александрой Пахмутовой...

Большая творческая дружба связывает меня и с ленинградским композитором Вениамином Баснером. Это с ним написали «Безымянную высоту», «С чего начинается Родина», «Березовый сок» и многие другие. Мы часто пишем с ним песни для кинематографа.

В последние годы увидели свет книги стихов — «Все, что мне дорого», «Как поживаешь, земля?», «Суть». А в журнале «Знамя» была опубликована первая моя прозаическая работа «Семейный альбом». Не берусь определить ее жанр. Это и не мемуары и не рассказы. В 1982 году книга выйдет отдельным изданием.

Но, как говорится, «лиха беда начало». Собираюсь написать повесть. О теме и сюжете рассказывать не спешу, не столько из суеверия, сколько из желания все задуманное доверить бумаге за письменным столом. И, конечно, продолжу писать стихи и песни.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

Собрание совета ветеранов

Февральским днем в Москве темнеет рано. И рано надо лампы зажигать. Собрание совета ветеранов Идет в подвале жэка номер пять.

Здесь те, кого судьба огнем пытала, Им никакой надежды не суля. Кто начинен осколками металла Не меньше, чем валдайская земля.

Кто в годы службы ничего не нажил Сверх честного армейского пайка. Кто выжил потому, что пуля вражья Прошла правой или левой виска.

Кто на себя в прозябшем эшелоне Натягивал шинельное сукно. Кто на холмах Полисти и Шелони В могиле общей мог бы спать давно.

Кто падал навзничь, веруя в Победу, Кто для Победы воскресал опять. Кто в жизни сделал все, чтоб слово это С заглавной буквы мы могли писать.

«Сим удостоверяю, что Шарлотта Мюллер из Берлина, родившаяся 5/ХІ—1901 года в Берлине, из концентрационного лагеря освобождена отрядами Красной Армии. Теперь находится в пути в город Берлин. Путешествие со стороны меня не имеет препятствий. Проезд разрешаю. Военный комендант» (подпись неразборчива).

Стали стареть мандаты, стали стираться даты. Многое не упомнить, всех не сыскать следов. Встаньте пред нами снова, русские коменданты, Судьи и адвокаты маленьких городов.

Прямо из медсанбатов, не завершив лечения, Не отряхнув от пыли сбитых своих сапог, Вы получали с ходу новые назначения, Знавшие по-немецки только лишь: «Хенде хох!»

Как за столом дубовым вы восседали хмуро. Силясь на все вопросы правильнаты дать ответ. Вы и комендатура, вы и прокуратура, Вы и отдел снабженья, вы и политпросвет.

Вам нелегко давалась горькая та наука, Вы открывали настужь тюрьмы и лагеря, Вас целовали в губы женщины Равенсбрюка, В вашем лице Россию робко благодаря.

Вы еще находили в жерлах печей угрюмых Пепел, недавно шедший на удобренье нив. Вы возвращали людям право дышать и думать. Подписью и печатью слово свое скрепив.

Вам приходилось в мае так, как отцам когда-то. Все открывать сначала, все постигать впервой, Здесь и сегодня помнят, русские коменданты, Добрые ваши очи с волжскою синевой.

(Из поэмы «Голоса Равенсбрюка»)

Песня о девушке из Бреста

На плече твоём сумка тяжёлая,
В ней лекарства, бинты и вода.
Через рвы и воронки снарядные
Приходила ты чудом сюда.
Добиралась к защитникам крепости
Средь обломков и каменных груд.
Ничего о тебе не узнали мы,
Только знали, что Надей зовут.

Где робели и самые смелые,
Ты ползла на рубеж огневой.
И солдата, от ран умиравшего,
Ты поила водою живой.
Ты являлась в подвалы разбитые,
И светлей становилось окрест,
И упорней сражался пылающий,
Но врагу не сдававшийся Брест.

Помню синий твой взор под косынкою.
Помню косы, сплетенные в жгут.
Ничего о тебе не узнали мы,
Только знали, что Надей зовут.
Но когда ты, вставая и падая,
К нам на помощь под пулями шла,
Ты не только Надеюшою. Надею—
Ты надеждою Бреста была.

Есть слова пострашнее, чем порох,
Чем снаряд над окопными рвами.
Я советую людям при ссорах
Осторожнее быть со словами.

Мир устроен на этой основе,
И достаточно, в общем, серьёзно:
О любом опрометчивом слове
Пожалеете рано иль поздно.

Вы к словам проявляйте терпенье,
Не берите в расчёт кривотолков,
Ведь от них остаются раненья,
Как от мелких, но острых осколков.

Поздравляю тебя с утра
С дробной россыпью топора,
Ударяющего по слегам.
С первым робким ещё дождем,
Редко сеющим за окном
Вперемежку с последним снегом.

Со скворечником на сосне,
С расколовшейся в тишине
Хрупкой лужицей ледяною.
С птичьим хором во всей красе,
Что аукнется на шоссе,
А откликнется за Десною.

С электричкой до Снигирей,
С флотом, снявшимся с якорей.—
Так что только волна вдоль борта.
С новой свежестью старых слов
И с побелкою всех стволов
Мелбы, штрейфлинга и апорта.

С запрещеньем ходить по льду,
С разгребаньем листьев в саду
До того, что зудит ключица.
С распечаткой сырых террас,
С ожиданием, что сейчас
С нами что-то должно случиться.

Поздравляю тебя с утра
С горьковатым дымком коистра,
Что любых ароматов слаще.
С той березой, дающей сок.
С солнцем, бьющим наискосок,
В пропилях сосновой чащи.

И, конечно, с весенней, той
Первозданною чистотой,
С той прозрачностью акварели,
С ветром, дующим в ивняке,
С быстрым паводком на реке,
С днем тринадцатого апреля.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат
Государственной премии СССР

ПУСТЬ ПАМЯТНИКОМ СТАНЕТ САД!

В тот апрельский день 1870 года Илья Николаевич знакомил шестилетнюю дочку Аню и четырехлетнего сына Сашу с новым членом семьи, новорожденным Володей. Туго запеленутый, похожий на белоснежный кокон, он лежал рядом с мамой и спал. На полу плясали солнечные зайчики, а стены маленького деревянного флигеля содрогались от грохота, треска и громовых раскатов. Мария Александровна открыла глаза, улыбнулась мужу и детям, прислушалась.

— Волга-матушка ледяной панцирь ломает, на волю рвется,— сказал Илья Николаевич и, опустившись на колени перед кроватью, осторожно огладил ладошкой маленький кокон, прошептал:

— Спасибо, Машенька, спасибо, родная моя, за сына, за счастье, что ты даришь нам...

Мария Александровна Ульянова.

То был светлый день в семье Ульяновых...

Теперь день 22 апреля стал праздником всей трудовой планеты, ленинизм стал надеждой, могучим оружием в руках обездоленных людей и знаменем, под которым идут народы, освободившиеся от капиталистического и колониального ига. Союз Советских Социалистических Республик—великое содружество наций, которого не знала еще история человечества, созданное Лениным, отмечает в этом году 60-летие. Все свои дела и помыслы советские люди сверяют по Ленину.

Трудовой народ Земли с чувством великой благодарности отдает дань почитания

Марии Александровне Ульяновой, воспитавшей детей-революционеров, ставшей из просто «мамы», умного педагога и наставника еще и единомышленником своих детей.

6 марта (22 февраля) 1885 года Мария Александровна встречала свое 50-летие. Пятьдесят лет—близилась старость. Но она ее не страшилась. Старость обещала быть спокойной, как теплые ясные дни бабьего лета. Рядом добрый и любящий муж, дети—на верном пути. Всех их связывает чувство братства, дружбы, доверия.

— У нас удачные дети,—говорил Илья Николаевич,—честные, трудолюбивые, способные. Мы—счастливые родители.

И не думала, не ведала тогда Мария Александровна, сидя за праздничным столом, что пройдет всего десять месяцев, и она потеряет мужа, друга, кормильца семьи. Но горе не должно сокрушить ее, надо выстоять—у нее шестеро детей, ни один из которых не стал еще на ноги. Выдержать еще два года, а там Саша станет ученым, заменит отцу. Аня окончит Бестужевские курсы и будет педагогом. Володя через год окончит гимназию и поедет учиться в Петербургский университет. Оля заменит Аню на Бестужевских курсах.

— А в марте 1887 года новый, страшный удар обрушивается на мать, на семью Ульяновых. Саша и Аня в тюрьме... Им грозит смертная казнь.

В день совершеннолетия Александра Ульянова, 31 марта 1887 года, прокурор подписал постановление о предании Александра и его товарищей суду Особого Присутствия Правительствующего Сената. Металась по казенным присутствиям мать, каждый день возила передачи в Петропавловскую крепость и в тюрьму на Шпалерной. Писала прошения, просила, молила сохранить детям жизнь. «Милости, государь, прошу! Пощады и милости для детей моих!» Царь наложил резолюцию: «А что же она раньше смотрела?» Александра казнили 8 мая. Анне назначили пятилетнюю ссылку в Сибирь... Для больной Анны, потрясенной трагической гибелью брата, это было равносильно смерти. И мать, сама смертельно раненная, идет в бой за жизнь дочери и добивается замены сибирской ссылки поселением в селе Кокушкино под Казанью.

Откуда мать черпала силы? Это еще никем не раскрытая тайна могущества материнского сердца и духа.

Семья переехала в Казань. Володя поступил в университет. Золотая медаль за гимназию. «Весьма талантлив»—значилось в характеристике. Матери надо теперь найти сил еще на пять лет и поставить на ноги больную Аню. Дочь должна выжить. Мать снует как челнок из Казани, где учатся ее четверо детей, в Кокушкино к Анне, где она отбывает ссылку.

Три месяца проучился Володя Ульянов в университете. В первые же дни вступил в кружок, по характеристике полиции, «крайне вредного направления» и 4 декабря принял участие в студенческой сходке в знак протеста против полицейского режима в университете.

1919 г. «Май, ранее 20. Ленин принимает делегацию из Мелитополя, сопровождавшую эшелон с зерном».

Владимир Ильич ЛЕНИН. Биографическая хроника, т. 7.

ХЛЕБ НА РУШНИКАХ

Эшелон, груженный зерном, тяжело подкапывал к станции.

— Неужто Москва?—подал голос из угла теплушки Яков Кириллов, председатель Кизиярского волревкома.

— Пока только Люблино,—ответил от полуоткрытой двери Сергей Степанов, поправляя наброшенный на плечи матросский бушлат.

От красного станционного здания к эшелону направлялась группа военных, а от эшелона навстречу военным спешила невысокого роста девушка в большой, не по ней, шинели желез-

нодорожника, с красной косынкой на непокорных черных волосах.

Степанову было видно, как сошлись на середине перрона военные и комендант эшелона Надя Яшиш. Военные взяли под козырек. Надя протянула им бумагу. Несколько затяжных минут разговора, и вот—тревожный знак: Надя срывает с головы красную косынку.

Ни документы Нади Яшиш, секретаря Мелитопольского уездного комитета помощи голодающей Великороссии, ни мандат Степанова, уполномоченного крестьянского схода Кизиярской волости, ни командировочное предписание представителя Мелитопольского желдорревкома не могли поколебать упорства военных властей станции Люблино.

— Весь хлеб должен быть немедленно сдан,—настойчиво повторял командир продовольственного заградительного отряда.—А уж куда он попадет—решат в Народном комиссариате продовольствия.

Приезжие стояли на своем. Хлеб собирали для голодающих детишек, на сельском сходе

был дан наказ: сдать хлеб лично Надежде Константиновне Крупской.

— Да что вы мне голову морочите?—возмущается командир отряда.—Сейчас же сдать хлеб, иначе...

Но он не успевает договорить. Из теплушек выпрыгивают люди с винтовками и выстраиваются цепочкой вдоль хлебного эшелона.

— Так вы партизаны!—Военный настороженно оглядывает разношерстное войско, одетое в крестьянские армяки, железнодорожные шинели.

— А вы думали, нам Григорьев и Махно зелеными фонарями светили, пока мы хлеб по Украине везли?—наступает на командира Надя Яшиш.

После получасовых препирательств командир смягчился, пообещал не трогать вагоны с хлебом, пока мелитопольцы не доложат о зерне лично Крупской.

Отцепили локомотив. Кириллов с товарищами остались охранять состав, а Яшиш и Степанов поднялись на паровоз. Он тронулся в сторону Москвы.

— Смотрите в оба!—Надя помахала косынкой остающимся на станции...

Паровоз мчался вперед, пыхтя и разбрасывая клочья дыма.

— Тысячу верст прошли под огнем, а тут—отдай!—крикнул на ухо Наде Степанов.

...Хлебный эшелон нелегко прорывался через Федоровку, Пришиб, Александровск, Синельниково, отбиваясь от наскоков банд. То и дело останавливались: ждали, пока мелитопольские комсомольцы Степан Бензин, Иван Федоренко, Александр Кудряшов ремонтировали развороченные пути.

На конкурс

И вот Володя в Казанской тюрьме. Что грозит ему? Судьба старшего сына всегда перед глазами матери. И, наверное, именно в те дни она отрешилась от бога, поверила в предначертание детей своих, которых они с Ильей Николаевичем, сами того не подозревая, готовили для «борьбы и для труда». «Спи, дитя, собирайся с силой для борьбы и для труда» — это ее колыбельная, которую она пела детям.

Володю исключили из университета, сослали в село Кокушкино под полицейский надзор.

Он он должен учиться. Он не может сидеть без дела в деревне. Ему предстояла забота о младших. Силы, казалось, покидали мать. А надо снова вступить в бой. Во что бы то ни стало восстановить право на поступление сына в высшее учебное заведение. И опять поездки по присутственным местам, в министерство просвещения, департамент полиции, письма в университеты... Два года вела она борьбу за право сына учиться. И он получил наконец разрешение сдавать экзамены экстерном за юридический факультет Петербургского университета. А Оля поступила на Бестужевские курсы.

И снова беда. 8 мая 1891 года, в день четвертой годовщины со дня казни Александра, умерла от брюшного тифа любимика семьи Оля. Ей было 19 лет. В ее тетрадь мать нашла конспект «Капитала» Карла Маркса...

Владимир Ильич в это время сдавал экстерном экзамены за пятилетний курс университета. блестяще сдал. Установил связь с петербургскими марксистами, но вернулся с матерью в Самару. Слишком слаба она была, и он не мог ее оставить. В Самаре Владимир Ильич много и упорно занимался, изучая марксизм, работал помощником присяжного поверенного и... считал, что ему надо быть в Петербурге. И мать тонким чутьем поняла, что не защита отдельных людей от произвола интересует сына, а судьба народа, и сама высказала желание переселиться с младшими детьми в Москву, а ему посоветовала ехать в Петербург.

Через три года Владимир Ильич опасно заболел воспалением легких. И мать едет в Петербург, выхаживает сына, а еще через год получает известие, что Владимир Ильич арестован и заключен в тюрьму. И снова мать отправляется в Петербург, город, ставший для нее чудовищем, поглощающим ее детей...

Готовясь в свое время стать матерью, Мария Александровна, понимая ответственность материнства, уселась за книги, учебники, самостоятельно подготовилась и успешно сдала экзамены на звание домашней учительницы. Эти знания ей были нужны для воспитания своих детей.

Теперь, защищая своих детей от полицейского произвола, добиваясь права на получение ими образования, борясь за освобождение их из тюрьмы, ссылки, Мария Александровна принималась за изучение юриспруденции, внутреннего распорядка в тюрьмах и прав заключенных на свидания, передачи, прогулки. Она училась конспирации — писать письма эзоповским языком, была связным, хранителем нелегальной литературы, корректором, переводчиком.

Десять арестов членов семьи пережила она. И часто, услышав ночной звонок в дверь, первая шла навстречу опасности, стараясь выиграть время, чтобы дать возможность детям уничтожить компрометирующие материалы, заложить в тайник партийную корреспонденцию, собраться с мыслями.

Степанов не переставал удивляться Наде: ей только девятнадцатый год, а каким уважением пользуется в уезде! Сколько в ней отваги, воли!

В семье смотрителя зданий Бориса Яшиша было восемь детей. Надю в четырнадцать лет отдали ученицей ретушера в частную фотографию. С утра до ночи просиживала она в полутемной комнатке за работой. С фотокарточек на нее презрительно, как ей казалось, смотрели сытые глаза коммерсантов, владельцев магазинов, купцов.

А Наде виделась совсем другая жизнь. О ней она слышала на сходках, где выступали смелые люди — большевики. Во весь голос говорили они о революции, которая принесет настоящее счастье таким беднякам, как она. На одном из собраний девушку впервые услышала имя — Ленин. А потом она и сама вступила в партию большевиков. Во время австро-германской оккупации и белого террора в Мелитополе действовал подпольный партийный комитет, членом которого была Надя Яшиш. В помещении фотографии, где она работала, подпольщики устроили явочную квартиру.

А когда Красная Армия очистила город от белогвардейцев, Надю назначили секретарем уездного комитета помощи голодающей Великороссии.

Вот с какой боевой девушкой прибыл в Москву на паровозе моряк Степанов.

...В Наркомпросе мелитопольцы Надежду Константиновну не застали, был уже поздний час. Дежурный созвонился с ней по телефону.

— Скажите, дело срочное! — просила Надя Яшиш. — Эшелон хлеба!

Всегда в дороге, всегда с белым узелком в руках или с очередным прошением в конверте. Теперь уже не мольбой и отчаянием, а гневом и верой в правое дело детей звучат ее прошения. Так, в августе 1904 года, когда в Киеве были арестованы Анна, Мария, Дмитрий и его жена Антонина, Мария Александровна пишет прокурору Киевского окружного суда:

«Не могу не высказать глубокого убеждения своего, что дети мои были арестованы единственно вследствие предубежденного взгляда на семью нашу, как было 3 года тому назад, в Москве, когда во время беспорядков в городе забрали семейных моих и после нескольких месяцев заключения отчислили их от дела. Убеждение это подтвердилось замечанием, сделанным мне в Киевском жандармском управлении, куда я явилась тотчас после ареста детей и где мне указали на старшего сына, прибавив, что он сильно скомпрометирован.

Старший сын мой (речь идет о В. И. Ленине. — З. В.) живет больше 10 лет отдельно от семьи и несколько лет за границей и, если он и действительно скомпрометирован, то не думаю, чтобы сестры и брат его должны были отвечать за его поступки».

Сколько достоинства в этих строчках, а ведь Мария Александровна — старая и больная — осталась совсем одна и каждый день носила в Лукьяновскую тюрьму четыре узелка с передачей.

Она была всегда там, где больше всего нужна была детям. В ее паспорте только за последние двадцать лет жизни сорок одна прописка. Сорок один раз снималась с места, упаковывалась, переезжала. И никогда не жаловалась. Не роптала. И везде, где была возможность, выращивала цветы, сажала вишневое деревце, ягодные кусты. Наверно, и сейчас из тех семян, посеянных когда-то Марией Александровной, цветут цветы в Ульяновске и Кокушкине, Казани и Алакаевке, Куйбышеве, Феодосии, Бердянске и Вологде, Подольске и Липитино, в дачных поселках Ленинграда и Москвы...

Умерла она 12 июля 1916 года, немного не дожив до победы Октября.

Великая мать. Великого сына.

В письмах, которые я получаю от женщин, да и не только женщин, все чаще высказывается мысль о создании памятника матери Ленину Марии Александровне Ульяновой.

Мне представляется этот памятник не в виде мраморного или бронзового монумента, а как большой национальный, даже интернациональный парк-ансамбль материнской славы. Радостный и светлый, из плодоносящих деревьев и цветов, как символ Любви, Жизни, Мира и Счастья — составных высокого призвания Материнства.

Создать этот парк, кажется мне, лучше всего на народные средства. Чтобы каждый мог внести свою лепту — посадить плодородное дерево в честь матери, прислать семена, саженцы.

В парке может быть сооружено здание для народных собраний, женских форумов со скульптурой Марии Александровны Ульяновой.

Где же должен быть этот парк? Думается, в Подмоскovie, ведь все дороги ведут в Москву. Торжественную закладку парка материнской славы хорошо бы приурочить к 150-летию со дня рождения матери Ильича — 1985 году.

А что думаете по этому поводу вы, товарищи читатели?

Дежурный передал ей телефонную трубку, и Надя торопливо заговорила:

— Надежда Константиновна? Здравствуйте! С вами говорит секретарь Мелитопольского уездкома помощи голодающим. Мы привезли эшелон зерна для детей... Эшелон стоит в Люблино. Да, в Люблино. Дальше не пускают... Что? Ехать в Кремль? Сейчас?..

Председатель Совнаркома Ленин был крайне озабочен продовольственным вопросом. Контрреволюционеры всех мастей пытались помешать вывозу хлеба с Украины. Из Екатеринослава пришла тревожная телеграмма о мятеже атамана Григорьева, о сложных переговорах с Махно. А голод свирепствовал. Особенно страдали дети. И в этих тяжелых условиях Совнарком по предложению Ленина принимает Декрет о бесплатном детском питании. Ленин дает указание Луначарскому соглашаться на условия поставки и оплаты продуктов из Америки для голодающих детей.

В тот вечер Владимир Ильич работал у себя в кабинете. Позвонила Надежда Константиновна: прибыла делегация из Мелитополя, сопровождающая эшелон с хлебом. Владимир Ильич попросил сейчас же проводить делегатов к нему.

До малейших подробностей запомнила Надежда Яшиш разговор с Лениным. Владимира Ильича интересовало все. Как отдавали крестьяне хлеб — под нажимом или добровольно? И Степанов рассказывал, что у бедняка и середняка меняли хлеб на мануфактуру, нитки, гвозди, керосин. Не без нажима, конечно, расставались с хлебными запасами кулаки. Владимир Ильич очень оживился, узнав, что на хлебозаготовках работают питерцы. Каково

влияние мелитопольских партийцев на крестьян, расспрашивал Ильич. И Надя, сначала смущаясь, а потом все смелее рассказывала о том, что уездный съезд Советов принял специальную резолюцию по продовольственному вопросу. И тут же вынула из внутреннего кармана шинели свернутый лист бумаги, протянула его Ленину. Это был текст резолюции: «Целиком и полностью одобрить и поддержать продовольственную политику Советской власти. Избрать из своего круга Комитет помощи голодающему Северу». «Хорошая резолюция», — отметил Ильич.

Наде хотелось рассказывать еще и еще — может быть, оттого, что Владимир Ильич слушал с большим вниманием и уважением к говорящему, не пропуская ни одного слова.

Закончив беседу, Владимир Ильич позвонил в Наркомпрод и попросил удовлетворить просьбу мелитопольцев — хлеб направить детям.

...Обратно в Люблино Надя и моряк ехали в машине с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Мелитопольцы, охраняющие эшелон с хлебом, окружили машину, заговорили наперебой. Кто-то побежал к теплушке за подарками и вскоре вернулся, неся на вышитых украинских рушниках хлеб домашней выпечки и сало.

Надежда Константиновна поблагодарила за подарок.

— Хлеб и сало, — сказала она, — с вашего разрешения отошлем в детский дом, а один рушник я возьму на память об Украине...

Марк ШЕВЕЛЕВ

г. Запорожье.

РАЗУМ ДОЛЖЕН ВОСТОРЖЕСТВОВАТЬ!

Нынешняя вашингтонская администрация за год с небольшим своего правления сумела настолько осложнить ситуацию в мире, что невольно вспоминаются худшие дни «холодной войны». Непомерное раздувание в США военных расходов, сотни американских военных баз и сотни тысяч американских солдат по всему миру, решение о производстве нейтронного, бактериологического и химического оружия — вот неопровержимые факты. И все это сопровождается оголтелой клеветнической кампанией против стран социализма. Особенно остервенели враги разрядки в связи с последними событиями в Польше. И странное дело! Когда Польша находилась на грани братоубийственного кровопролития и национальной катастрофы, за океаном не проявляли особого беспокойства о судьбе польского народа. Но как только положение в Польше начало стабилизироваться, вашингтонская администрация забеспокоилась. Пошли в ход и угрозы, и клевета, и санкции, и другие попытки вмешаться во внутренние дела суверенного государства, скомпрометировать социализм.

В своей речи во время недавнего официального визита партийно-государственной делегации ПНР в Москву Л. И. Брежнев говорил о том, что судьба Польши, стабильность в Европе, да и в целом мире оказались бы под ударом, если бы польские коммунисты уступили дорогу контрреволюции. Планы врагов социализма в Польше рухнули. Вот почему за океаном так истошно вопят о «правах человека», якобы нарушаемых в Польше. И это в то время, когда Соединенные Штаты оказывают помощь самым реакционным режимам, в том числе в Сальвадоре, где каратели военной хунты стирают с лица земли целые деревни, уничтожают их население, всех — от мала до велика. А Вашингтон официально заявляет, что хунта добилась прогресса в соблюдении прав человека! Что это: двойная мораль или отсутствие морали вообще?

Нет, к политике (как и к жизни в целом) нельзя подходить с таким цинизмом. Нельзя предполагать, что планируемая в Вашингтоне «ограниченная» ядерная война может произойти в Западной Европе, но не затронет сами Соединенные Штаты. Нельзя по указке из-за океана превращать Западную Европу в ракетный полигон.

Суть агрессивного курса Вашингтона невозможно скрыть за дымовой завесой пропагандистской демагогии. «Сравнение предлождений Л. И. Брежнева с речью Рейгана по проблеме разоружения позволяет сделать много выводов, — пишет западногерманский журнал «Блеттер фюр дойче унд интернационале политик». — В то время, как советская сторона предлагает конкретные соглашения и обязательства сторон, при этом пытаясь также учесть интересы безопасности Запада, Рейган предлагает, если посмотреть внимательно, сокращение ядерных вооружений средней дальности исключительно для другой, советской стороны. Что же касается американской стороны, то президент угрожает новым, якобы опасным лишь для СССР, но не для США, витком в гонке вооружений и, как известно, уже принялся за претворение этой угрозы в жизнь, наращивая вооружения всех видов».

Недавно в далекой Австралии в газете «Нэшнл таймс» было опубликовано открытое письмо, адресованное Л. И. Брежневу и Р. Рейгану. В нем выражена та же тревога. Написано оно от имени австралийской организации, выступающей за международное сотрудничество и разоружение. Это обращение привлекает внимание своей актуальностью, конкретностью и краткостью. В нем четыре призыва: подтвердить обязательство никогда не применять первым ядерное оружие; заявить о своем стремлении подписать любое серьезное соглашение по разоружению; прекратить все испытания ядерного оружия; рассмотреть без предубеждения все предложения другой стороны по разоружению.

В ответе Л. И. Брежнева на это письмо говорится, что наша страна никогда не применит ядерное оружие против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения ядерного оружия и не имеют его на своей территории; что мы готовы и в договорном порядке дать соответствующие гарантии и призываем все другие ядерные державы взять на себя такие же обязательства. Более того, известно, что Советский Союз выступил с важной инициативой, имеющей целью добиться, чтобы никто и никогда не применил первым ядерное оружие.

В своем ответе Л. И. Брежнев подтверждает, что СССР считает первоочередной задачей достижение быстрого и конструктивного результата на советско-американских переговорах в Женеве о ядерном оружии средней дальности в Европе. Он говорит о необходимости ускорить возобновление советско-американских переговоров об ограничении и сокращении стратегических ядерных вооружений. В ответе подчеркивается, что СССР готов договориться не только о прекращении испытаний ядерного оружия, но и его дальнейшего производства, а потом и полной ликвидации его запасов. Советский Союз готов рассмотреть без предубеждений все предложения другой стороны по разоружению.

Выступая на XVII съезде профсоюзов СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев сообщил, что, стремясь облегчить достижение справедливого соглашения о крупном сокращении ядерных средств обеих сторон в Европе, руководство Советского Союза приняло решение ввести в одностороннем порядке мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР, приостановить здесь до определенного времени замену старых ракет на более новые. Советский Союз намерен уже в этом году, если не будет нового обострения международной обстановки, сократить по своей инициативе известное количество своих ракет средней дальности. Глава Советского государства предложил правительству США в ближайшее время приступить к переговорам по ОСВ, а до их возобновления взять на себя взаимное обязательство не развешивать крылатые ракеты большой дальности морского и наземного базирования. Он выразил также готовность договориться о взаимном ограничении действий военно-морских флотов и распространении мер доверия на акватории морей и океанов, чтобы возможно большая часть Мирового океана уже в ближайшее время стала зоной мира.

«...Наша партия и Советское правительство добросовестно выполняют наказ, полученный от народа, делают все, чтобы оправдать надежды трудящихся нашей страны, да и всего человечества на прочный мир, на чистое небо над мирной планетой Земля», — сказал Л. И. Брежнев. Эти конструктивные предложения вызвали огромный интерес и горячее одобрение всей мировой общественности.

В памятный 1922 год, когда по воле народов нашей страны был создан Союз Советских Социалистических Республик, произошло событие, имевшее важное значение для становления молодого Советского государства. Была введена в действие первая в стране линия передачи электрического тока на дальнее расстояние — линия Кашира—Москва. Только что пущенная Каширская электростанция — первенец плана ГОЭЛРО, — за строительством которой так пристально следил Владимир Ильич Ленин, стала передавать по проводам ток на невиданно большое расстояние — 120 километров — заводам Москвы. Впервые передавался ток и под таким высоким напряжением — 110 киловольт! Прошло 60 лет. Неизмеримо выросла, далеко продвинулась вперед в социальном и экономическом развитии наша Родина. Энергетика — отрасль, где особенно наглядно видны успехи в развитии того единого народнохозяйственного комплекса, который, как отмечено в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР», является материальной основой братской дружбы народов Советского Союза. В одиннадцатой пятилетке начато строительство линий электропередач напряжением в 1150 и даже 1500 киловольт, которые понесут энергию от Экибастузского топливно-энергетического комплекса в Казахстане за многие тысячи километров — в кольцо Единой энергетической системы СССР. Несколькими номерами этого журнала посвящены энергетикам. Старший диспетчер ЕЭС СССР Ольга Иванова, начальник строительства Ново-Ангренской ГРЭС Ирина Шигильчева, руководитель лаборатории управления режимами энергосистем Казахского филиала института «Энергосетьпроект» Ольга Гаршина живут и работают в разных республиках Союза, и все они участвуют в дальнейшем развитии и осуществлении ленинского плана электрификации страны.

А. ЛЕВИНА

ДЫХАНИЕ РОДИНЫ

— Мы, энергетики, имеем дело с особым видом народного достояния: электроэнергию нельзя, однажды выработав, сохранить впрок, положить на склад. Ее надо использовать немедленно, в тот момент, когда она произведена,—объясняет мне Ольга Вениаминовна Иванова, женщина в строгом синем форменном костюме, на эмблеме которого скрестились три ярких буквы «ЕЭС».—Единая энергетическая система СССР.

Пожалуй, можно сказать: именно для того, чтоб ни одна драгоценная частица электроэнергии, в каком бы конце Союза и в какое бы время суток ее ни выработали, не пропала, а была бы израсходована с наибольшей пользой и там, где она в данный момент нужнее, создана Единая энергетическая система страны. В пультовом зале Центрального диспетчерского управления этой системы мы и ведем разговор со старшим диспетчером Ольгой Вениаминовной Ивановой.

— Видите, перед нами — весь Советский Союз,—говорит Ольга Вениаминовна и обводит взглядом огромную, выгнутую полукругом схему на многометровом пространстве противоположной стены. Здесь все 700 крупнейших электростанций Союза — гидростанции, тепловые, атомные, все объединенные энергетические системы, входящие в ЕЭС,—Сибирь и Казахстан, Урал и Средняя Волга, Центр и Северо-Запад, Северный Кавказ и Закавказье. Красные и синие линии электропередач, словно кровеносные сосуды, соединяют эти системы, раскинувшиеся на площади в 10 миллионов квадратных километров, в единый организм. Мощностю богатыря, имя которому ЕЭС,—210 миллионов киловатт. А сердце его, несомненно, бьется здесь, в ЦДУ. Сюда из самых дальних точек ЕЭС поступают сведения о количестве выработанной энергии. И на схеме каждую секунду меняются цифры и направления потоков энергии. Впрочем, в данном случае вряд ли верно само название «схема». Схема — нечто мертвое, застывшее, а тут...

— Все это живое, все дышит,—говорит Ольга Вениаминовна.—Знаете, здесь, за пультом нашего ЦДУ, как бы ощущаешь дыхание Родины.

Рядом с дежурным старшим диспетчером Ивановой у пульта ЦДУ я решила провести четыре часа. Почему четыре? В справочнике о работе ЕЭС СССР меня поразила такая цифра. Оказывается, за 1922 год, год образования Союза Советских Социалистических Республик, 60-летие которого мы готовимся отметить, во всей стране, где только начал осуществляться ленинский план ГОЭЛРО, было про-

изведено столько электроэнергии, сколько сегодня электростанции страны вырабатывают за четыре часа. Весь 1922 год — и четыре часа года 1982-го!

Но какие четыре часа суток из жизни ЕЭС выбрать, чтоб были они часами высшего напряжения, максимальной отдачи? Об этом я спросила Иванову и услышала в ответ:

— Такие четыре часа выбрать трудно. Наша страна так велика, в ней столько часовых поясов, что в ЕЭС, а значит, и у нас здесь, в ЦДУ, можно сказать,—постоянный максимум. Возьмем любой час суток,—и Ольга Вениаминовна развернула передо мной график, на каждой странице которого тянулись вверх кривые максимумов потребления.

— Скажем, в Москве три часа ночи. Погасли в квартирах лампочки и экраны телевизоров, остановились троллейбусы. И хотя работают ночные смены на заводах, движутся поезда, потребление энергии значительно сократилось. Затишье? Как бы не так! В Сибири уже 7 часов утра, зажглись миллионы ламп в домах и школах, бегут трамваи, включаются станки на заводах и доильные аппараты на фермах. Здесь потребляется максимум энергии. Мы, диспетчеры, так и говорим — утренний максимум. В часы «пик» на помощь Сибири направляется энергия Урала: там пока ночь. Но вот прошло 3—4 часа, в Сибири уже светло — гаснут лампы, отключаются станки — обед. А на ЦДУ передышки нет. В зону максимума вошли Западный Казахстан, рабочий Урал. Предъявили свои требования на энергию заводы Свердловска и Челябинска, карьеры Рудного. И теперь по линиям электропередач потоки энергии идут уже не с запада на восток, а с востока на запад. Наконец, в рабочее утро вступает индустриальный Центр — сотни заводов, фабрик, ферм. Теперь все резервы — сюда. Подняли нагрузку тепловые станции Северо-Запада, мобилизовали мощности ГЭС Днепровского каскада. А как только минуют зону максимума Центр и Юг, начнут трудовой день наши соседи и друзья — страны СЭВ, с которыми мы связаны энергосистемой «Мир». Энергия Енисея и Волги спешит к станкам Будапешта и Праги.

«Максимум прошли!» — сообщает Прага, где находится Центр управления системы «Мир». Но в Москве, в Центральном диспетчерском управлении, напряжение не спадает: надвигается вечерний максимум — он вот-вот наступит в Сибири. Там первая рабочая смена, сдав станки и мартены второй, уже отправилась по домам, в квартирах зажглись миллионы лампочек и электроплит, засветились голубые экраны.

— Вот так и получается, что у нас, на ЦДУ, передыха не ощущаешь,—заклучает Ольга Вениаминовна.—Постоянный максимум. Но за это я и люблю свою работу. Прекрасно жить по вечному максимуму!

А как велика отдача Единой системы! Энергетики подсчитали: если бы не было тех возможностей взаимопомощи и маневра, которые открывает ЕЭС, потребовались бы дополнительно электростанции мощностью 12 миллионов киловатт. Создание ЕЭС уже обеспечило народному хозяйству экономию более 2,5 миллиарда рублей капиталовложений и снижение ежегодных эксплуатационных расходов почти на миллиард рублей. Но сумеет ли ЕЭС реализовать все свои возможности, зависит от того, насколько умело и оперативно управляют ею специалисты ЦДУ.

— Ответственность на диспетчере такая,—признается Ольга Вениаминовна,—что постоянно думаешь: как много тебе доверено!

Ольга Вениаминовна нажимает призывно замгавший рычажок на пульте.

— Ивановна слушает! Северный Кавказ? Пускаете парогазовую установку на Невинномысской ГРЭС? Нужна помощь? Газ на пуск? Сейчас свяжемся с газовиками.

А через минуту, оценив показания приборов, отдаст распоряжение:

— Алма-Ата! Для разгрузки связей Урал — Северный Казахстан поднимите двести мегаватт на Бухтарминской ГЭС!

Разумеется, Иванова на смене не одна — рядом старший диспетчер Виктор Филиппович Шинкарев (сегодня он за центральным пультом, в другой раз за этим пультом будет Иванова) и третья в смене диспетчер Антонина Ивановна Рогачева. У диспетчеров надежные помощники — все службы Центрального диспетчерского управления. Служба режимов рассчитывает оптимальные, наиболее экономичные режимы для всех тепловых и гидроэлектростанций. Служба связи поддерживает с ними непрерывный двусторонний контакт. Вычислительный центр и служба математического обеспечения обрабатывают всю информацию, и в любую минуту, нажав кнопку на пульте, диспетчер может узнать из таблицы на экране особого прибора, как изменились показатели после выполнения его команды.

— Видите,—поясняет Ольга Вениаминовна возникшую на экране таблицу,—машина опросила станции. Сейчас посмотрим, каковы изменения нагрузки за минуту.

А противоаварийная автоматика? На всех электростанциях и линиях электропередач в полной боевой готовности зотны автоматических систем, чтоб, если нужно, прийти на

помощь и отключить, изолировать временно поврежденный участок...

Вот сколько помощников у диспетчера! Но тогда так ли уж много зависит от него самого, так ли важны личные качества того, кто сегодня за пультом? Оказывается, очень важны!

— В чем достоинства Ивановой как диспетчера? — задумчиво повторяет мой вопрос один из руководителей диспетчерской службы, В. Н. Михайлов. — Четкая, волевая, собранная, сосредоточенная. Обладает обширными познаниями и большим практическим опытом. Уравновешена. И никогда не теряется в сложных, критических ситуациях. А они бывают...

Да, никакие графики не могут предусмотреть заранее всех случайностей реальной жизни. Вот на табло аварийной информации бегут тревожные зеленые буквы по черному полю: «Температура в Магадане — минус 51°C», «В Куйбышеве — минус 20°C», похолодание, сильный ветер, обледенение. Почему Гидрометцентр первым делом передает свои сводки сюда, в ЦДУ? Потому что похолодание — значит, увеличится нагрузка, подключатся сотни тысяч тепловых приборов; ветер, обледенение — возможны обрывы проводов. Или другая неожиданность: срочного ремонта потребовал генератор на тепловой станции. И тут многое зависит от диспетчера, от быстроты его реакции, от его умения применить гибкий маневр: увеличить нагрузку на гидростанцию, но распределить ее таким образом, чтоб не допустить перерасхода драгоценной воды, ведь до паводка еще далеко и гидроресурсы надо беречь. А если время нереста — учесть и это обстоятельство, чтоб не повредить рыбе, идущей на привычные нерестилища.

Даже программу телевидения изучает перед сменой диспетчер — сегодня хоккейный матч «СССР — Канада» или на экране детектив, значит, с 19 до 21 часа будут работать едва ли не все телеприемники, надо готовиться к пику нагрузки. Но вот уже и 21 час, хоккеисты снимают доспехи, закончили следствие «знатоки» — вроде бы все, можно перевести дух, но нет: опять вырос пик потребления. Почему?

— «Кухонный эффект», — улыбается Ольга Вениаминовна. — Все телеприемники остались включенными: сейчас будет программа «Время», а хозяйки пошли на кухню греть чай, щелкнули миллионы выключателей, и зажглись дополнительно миллионы ламп...

Я призналась Ольге Вениаминовне, что после часов, проведенных в диспетчерском зале ЦДУ, я уже не могла привычно бездумно зажечь свет в комнатах и на кухне. Каждый раз рука, прикасавшаяся к выключателю, трепетно медлила — я представляла, как от этого моего движения, множенного на миллионы подобных, подскочит цифра потребления у нее на пульте. Я стала нетерпима к домашним и к себе: «Почему горит свет в кухне, когда там никого нет?» Ольга Вениаминовна выслушала меня с улыбкой:

— Как бы добиться, чтоб такой же трепет перед выключателем появился у каждой хозяйки? Сюда, на ЦДУ, всех не приведешь. Может, прочувствуют, прочтав статью в «Работнице»? А то ведь людям кажется — подумай, горит лишняя лампочка, какие-то копейки! Но электричество, как хлеб, хотя цена на него дешевая, добывается оно трудно, и в ту минуту, как где-то оно тратится зря, в другом месте его не хватает.

Именно эту задачу — как сделать, как сманеврировать, чтоб, невзирая ни на какие неожиданности, электроэнергия была у всех, кому она нужна, — решает диспетчер ЦДУ.

И притом энергия высокого качества. Потому что у электроэнергии, как у всякого другого вида продукции, есть свой основной критерий

качества — частота. Сложные современные машины требуют тока определенной частоты. И диспетчер не должен допустить, чтоб частота упала ниже заданной нормы.

Вот почему ежесекундно следят Ольга Вениаминовна и ее товарищи за цифрами на крупном табло в самом вершине схемы: это показатель частоты. Дрогнули зеленые цифры на табло — значит, неожиданно резко увеличилось число потребителей: и в энергетике качество и количество в нерасторжимой диалектической зависимости! И надо срочно найти резервы, ввести их в действие. Ольга Вениаминовна резким движением берет телефонную трубку с пульта, нажимает клавишу вызова:

— Средняя Волга! Добавьте пару сотен на Саратовской!

И снова через минуту:

— Юг! Энергосистема «Мир» увеличила прием. Подымите триста мегаватт на Днепровском каскаде!

...В этом году исполнилось 10 лет, как Иванова в ЦДУ. Конечно, пост старшего диспетчера ей доверили не сразу. До этого были годы работы в системе Мосэнерго после окончания энергетического института, строгий всесторонний экзамен при поступлении в ЦДУ. Но на этом ее подготовка не закончилась. Работа в ЦДУ такая, как, как говорит Ольга Вениаминовна, «экзамен каждый день». Сама жизнь, ситуации, которые не предусмотреть заранее, экзаменуют диспетчера без права пересдачи.

— Приходящий на смену — 36 часов тебя здесь не было, — и за эти часы обязательно перемены: включились новые мощности, новые линии, дополнительная автоматика, связь. Надо их изучить, понять.

Вместе с Ольгой Вениаминовной сдают эти ежедневные строгие экзамены и другие диспетчеры ЕЭС. И среди них немало женщин — Мария Семеновна Володина, Антонина Ивановна Рогачева — диспетчеры ЦДУ; Бируте Микеловна Лиепина — в объединенном диспетчерском управлении (ОДУ) Северо-Запада и Виктория Юрьевна Соболевская — в ОДУ Юга. А в Ташкенте, в ОДУ Средней Азии, которое пока еще работает отдельно от ЕЭС, но скоро будет к ней присоединено, во главе диспетчерской службы стоит Галина Дмитриевна Попельнюк. Она командует энергетической системой четырех республик Средней Азии, включающей такие гиганты, как Нурекская и Токтогульская ГЭС.

— Работа в диспетчерской службе нелегкая, но самая интересная из всех, — так ответила Галина Дмитриевна Попельнюк на вопрос, который мне разрешили задать ей по внутренней связи ЕЭС. — Работа живая, ничего нет застывшего. Система растет. Только что подключили новые агрегаты Марыйской ГРЭС. Изменения каждый день.

Многие диспетчеры ЕЭС и ОДУ никогда не виделись, но все узнают друг друга по голосам. Запомнился расказ Ольги Вениаминовны Ивановой, как встречала она нынешний, 1982 год, здесь, на дежурстве в ЦДУ.

— Представьте, Новый год идет по стране, и все диспетчеры, докладывая обстановку, нас поздравляют. Сначала Сибирь, потом Казахстан, Урал. Каждый час по связи слышится: «С Новым годом! Мы уже в восемьдесят втором! Новый год пошел к вам!» И мы Новый год словно со всеми встречаем, на каждом часовом поясе. А дежурство идет, максимум-то не прекращается: вся «непрерывка» работает, и мартены, и химия, и транспорт, да еще «Новогодний огонек»! Успевай поворачиваться! Ко-

гда в Москве пробило двенадцать — совсем рядом, на Спасской башне, посмотрела я в окно, а из него видно здание первой электростанции на Раушской набережной. И на нем светится ленинский лозунг: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»...

И снова призывное мигание на пульте...

— Иванова говорит! Волгоград! Подключите из резерва четыре машины на Волжской ГЭС!

...Волжская ГЭС, Волгоград... И вдруг выплыло из глубин памяти... 1952 год. Самое начало строительства Волжской ГЭС. Еще нет ни плотины, ни даже котлована. Только геодезисты делают разметку, расставляя свои знаки... И вот правый берег Волги, севернее Мамаева кургана. Война кончилась всего семь лет назад, и на кургане еще нет мемориала. Вся его земля состоит из осколков. Зачерпнешь в горсть, а на ладони железные, кроваво-ржавые осколки, гильзы, куски обоймы. На этом волжском берегу мы с моей подругой Люсей, студенткой энергетического, проходившей практику на строительстве ГЭС, обнаружили небольшой холмик с трехгранной фанерной призмой и красной звездой наверху. Братская могила, одна из сотен на многокилометровой сталинградской земле. Подойдя ближе, мы заметили рядом с холмиком вбитый в землю колышек геодезистов, на котором, кроме цифр, были выведены два слова: «Основная ось». Метров через сто был еще один такой колышек, дальше виднелась целая цепочка их. Люся, как будущий гидротехник, объяснила мне, что колышки (их называют пикеты) — отметки основной, главной оси будущей ГЭС — линии, от которой ведется разбивка всех сооружений. Эту линию проводят по расчетам геологов и гидрологов, и ее нельзя переместить ни вправо, ни влево даже на полметра. Вот и получилось, что один из колышков-пикетов стоит рядом с братской могилой. Мы долго молчали с Люсей у этой могилы. Думали о наших ровесниках, что стояли здесь насмерть в 1942-м, чтоб потом возводились на этом волжском берегу не дзоты, а гидростанции. Вчитывались в фамилии на фанерной дощечке: «Гаджибеков, Антоненко, Айрапетян, Половников, Гелаури...»

А через несколько дней в первом, размещаемом еще в дощатом бараке, клубе «Гидростроитель» практикантка Люся срывающимся от волнения голосом читала «Стихи про основную ось».

...От всех республик делегаты.

Одной дивизии солдаты...

И долго, протяженно, как эхо, звучали над притихшим залом последние строки:

И здесь понять мне довелось:

Сквозь этот холм с трехгранной призмой

Проходит основная ось

Сооружений коммунизма!

...Почти тридцать лет прошло с тех пор. Давно построена Волжская ГЭС, и ее энергия вливается в общий поток Единой энергетической системы вместе с энергией сотен других электростанций, тепловых и атомных, что поднялись с тех пор на нашей земле. Но сегодня здесь, в диспетчерском зале ЦДУ ЕЭС, мне ясно вспомнился тот волжский берег у Мамаева кургана и неволью подумалось: именно братство народов, трудом и битвой, жизнью и смертью доказанное, и есть основа, фундамент всего, что уже построено и еще будет построено в Союзе Советских Социалистических Республик!

У пульта Центрального диспетчерского управления ЕЭС — старшие диспетчеры О. В. Иванова, В. Ф. Шинкарев, диспетчер А. И. Рогачева.
Фото Н. МАТОРИНА.

5 1615

ПОТРЕБА, СЕВ. КАЗК. СР
ОЭС ЦЕНТРА
В. РАСТ. СЕЧЕНИЕМ. С
ВА 3. УЖР. ЗАПРЕМЕН
КУБИРСКАЯ ГРЭСИСР
ПОТРЕБА, ЗАКАВКАЗЬ, СР

ТЕМПЕРАТУРА ВОЗДУХА
НА 08-00 15 ФЕВРИЯ 1978
МОСКВА - 5 П. ГОРЬКИИ
ВОЛГОГРАД - 7 П. ВОРОНЕЖ
РИГА - 2 П. ВЕНИНГРВА
ТБИЛИСИ - 5 П. ПЯТИГОРС
СВЕРДЛОВ. - 1 О. КУВЧИВЕР
КЕМЕРОВО - 14 П. ЛАВЛОДИЯ
КРАСНОЯР. - 20 Я. ИРКУДСК
ТАШКЕНТ - 0 П. ЯКУТСК
ХАБАРОВСК - 9 О. ПАГЛАНИ
ТЕМПЕРАТУРА ЭЭС ПРИВЛЕЧЕНА
70410 07.00 15.00 17.00

Т. КОСТЫГОВА

МАСТЕР И БАЛЕРИНА

Я пришла к Большому театру за полчаса до назначенного срока. Волновалась, как в юности перед свиданием. Впрочем, мне и предстояло свидание. Свидание с собственным детством.

...У Юрия Нагибина есть цикл рассказов «Старые переулки», где оживает старая Москва, ее забытые коммуналками дома, просторные дворы, узкие булыжные мостовые — далекая страна детства. Есть среди этих рассказов один — «Меломаны» — о внезапно вспыхнувшей в мальчишечьих душах страсти к опере, об их каждодневных, упорных, в ущерб урокам, дежурствах у Большого театра, бесстыдном проныривании мимо зазевавшихся билетерш, упоительном, кружащем голову погружении в мир музыки. Почему вспыхнула и так ярко разгорелась эта страсть? Не знаю, отвечает писатель, просто организму в какой-то момент стало не хватать музыки, как необходимого для жизни вещества.

Ну, а для нас, девчонок послевоенной Москвы, выросших в тех же старых чистопрудных переулках, откуда уходили на фронт нагибинские «меломаны», таким вот необходимым для жизни «веществом» стал балет. Была в этой страсти, на несколько лет подавившей и отодвинувшей все другие детские увлечения, неистребимая жажда

Народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола Екатерина Сергеевна Максимова.

Фото А. КОНЬКОВА.

Галина Уланова
ведет репетицию.

праздника. Мы росли в суровое время, когда в общем-то было не до праздников. Самым большим лакомством считали бублики и розовые липкие подушечки, которые выдавали в школе на завтраки. А здесь, в театре, был вечный праздник, здесь открывался пленительный мир, наполненный романтикой, любовью, благородством, здесь царили законы гармонии и красоты, в которых нуждались наши души.

Разумеется, мы знали всех ведущих (и неведущих) танцовщиков того времени, щеголяли именами и балетными терминами. Но все меркло перед явлением Улановой. Сейчас даже немножко совестно вспоминать то обожание, которым мы ее окружали. Нет, мы не поджидали ее у театрального подъезда, не провожали домой, не выпрашивали автографы и фотографии. В таком жалком топливе не нуждалась наша великая любовь. С нас было довольно пронзительного восторга, замиранья сердца, когда бежала—нет, летела по сцене навстречу гибели Джульетта и плащ стелился за ее спиной, как тень судьбы. Когда томительно медленно, долго-долго соскальзывала по колонне сраженная кинжалом Мария из «Бахчисарайского фонтана». Или когда тихо поднималась из могилы Жизель и вдруг стремительно начинала кружиться на месте, вновь ощущая жизнь, а с нею боль...

Было много Джульетт, много Марий—прекрасных, трагических, но в моей памяти, как в памяти всех, кому хоть раз посчастливилось увидеть на сцене Уланову, эти образы навсегда связаны с ней, с чистотой и светоносностью, которую излучал весь ее облик. Уланова сумела выразить в танце свое время, мечту и надежду зрителей, всего народа, залечивающего раны войны. Так понятие народная артистка применительно к балерине, представительнице условного и не самого массового искусства, обрело глубокий смысл.

Большой художник приходит тогда, когда он нужен. И, воплотив в своем искусстве чаяния времени, сам начинает влиять на современников, участвовать в формировании их идеалов, нравственных и эстетических ценностей. Уланова несла израненным войной душам красоту, пронизанную высокой духовностью. Ее героини—хрупкие, почти бестелесные, однако просвечивала в них твердая нравственная основа, несгибаемая верность любви, долгу. Их можно сломать, уничтожить, но нельзя победить. Нравственный идеал, утверждаемый балериной, был близок, больше того—необходим зрителям, сливаясь в их сознании с характером советской женщины, жены, невесты, который только что так резко выявила и проверила на прочность война.

О целительной, очищающей силе улановского искусства много писали ее знаменитые современники—Прокофьев, Эйзенштейн, Пастернак. Мы же, дети, не подозревая обо всех этих сложностях, инстинктивно ощущали потребность в «необходимом веществе», воспитывались в свете прекрасных идеалов гуманизма, верности, любви. Кто знает—может быть, серьезность и сдержанность девушек моего поколения—то, что кажется «старомодным» нашим более раскованным дочерям,—это тоже от нее, от Улановой?

Но здесь, пожалуй, пора остановиться, прервать путешествие в прошлое. Уланова предупредила: у нее очень мало времени, и говорить будем только о деле. К тому же мне доподлинно известно, что она—с ее вошедшей в легенды скромностью—тщательно оберегает свой мир от посторонних вторжений и, наверно, в этом права.

А пришла я к Улановой, чтобы задать несколько вопросов о другой замечательной балерине, ее ученице и воспитаннице—Екатерине Максимовой.

...Максимову принято считать счастливицей. В ее жизни, как и во всякой жизни, наверное, хватало разного, но творческая, сценическая судьба и впрямь складывалась счастливо. Ее заметили и полюбили еще в школе. Рассказывают, бельгийская королева Елизавета приез-

жала посмотреть на восходящую звезду. Едва окончив училище, Катя уже получила ведущую партию в «Каменном цветке», была зачислена в труппу Большого театра, танцевала под сплошные аплодисменты и у нас и за рубежом. «Маленькое чудо», «Принцесса из сказки»—как только не называли ее западные газеты! Первая премия на Всесоюзном и Международном конкурсах балета, почетная премия Анны Павловой в Париже...

Максимовы и в самом деле была восхитительна. Изящная, звонкая, покоряющая праздничной, лучезарной юностью. Ее танец знатоки называли хореографической колоратурой—хрустальной, искрящейся, прозрачной.

Ну, а если говорить о везении—то всерьез, по-настоящему Кате Максимовой повезло трижды. Во-первых, с педагогом. Елизавета Павловна Гердт дала юной балерине высокий академизм русской исполнительской школы. Знатоки узнают учеников Гердт с первых тактов танца—аккуратного, отчетливого, четко проработанного в каждом движении. Техника Максимовой настолько безупречна, что кажется незаметной. Известно ведь: надо очень много работать для того, чтобы блеснуть техникой, но еще больше, чтобы ее скрыть.

Второе везение—или счастье?—судьба распорядилась так, что Максимовой не пришлось искать партнера. Владимир Васильев, выдающийся танцовщик, «бог танца», как называли его критики, был рядом с первых дней в школе. Они вместе танцевали выпускной спектакль, вместе были зачислены в труппу Большого театра, вместе выходили на аплодисменты в Москве, Париже, Нью-Йорке, в один день получили почетное звание народных артистов СССР. Васильев поставил балеты «Икар», «Эти чарующие звуки», в которых она танцует, сейчас они вместе готовят новый телебалет «Анна на шее».

И, наконец, третье везение—может быть, главное в творческой биографии Максимовой. Однажды ее подозвала Галина Сергеевна Уланова и сказала: «Теперь, Катя, мы будем работать вместе».

Так в судьбу балерины вошел Мастер.

Что значила для Кати встреча с Галиной Сергеевной, пожалуй, объяснять не надо. Она ведь тоже из поколения московских послевоенных школьниц, воспитанных светом улановской духовности. Но мы смотрели на Уланову издали, а для Максимовой она была рядом. Как все девочки из хореографического училища, она мечтала «стать Улановой», не подозревая, что ей уготовано другое: стать Максимовой. Но это через годы. А пока, отталкивая друг друга, они смотрели в дверную щелку, как репетирует Уланова, гордились, когда танцевали с ней рядом, на той же сцене, изображая балетных зверюшек и птичек.

Вот что значило для юной балерины имя Мастера. Но что значила Катя для Улановой? Почему самой первой своей ученицей она выбрала именно ее?

— Почему Максимову? Елизавета Павловна Гердт сказала: обрати внимание на эту девочку, а я привыкла во всем доверять Гердт. У Максимовой совершенно уникальные для балета данные, «мягкие» ноги, которые гнутся, как угодно, и при этом красивы. Она самобытна, ни под кого не подделывается, ей надо до всего самой докопаться, самой понять и пережить. Она интеллигентна и взыскательна, благородна даже в комедии, в гротеске. Конечно, на первых порах нам обоим было нелегко, она была уже немного избалована успехом, но работы не боялась.

Нет, работы она не боялась. Она боялась самой Улановой. Ее высокой требовательности. Боялась: вдруг не смогу? Вдруг она во мне разочаруется?

Очень скоро страх исчез. Уланова никогда не поучала, не настаива-

ла на своем. Она размышляла вместе с ученицей: как лучше? Что ей ближе? Помогала обрести себя.

«Бывает, — рассказывает Максимова, — придешь на репетицию уставшая, в плохом настроении. Ничего не хочется, никаких сил нет. А Уланова: «Ну, хорошо, не будем заниматься. Только сделай вот это движение, тебе же спокойней будет». И еще одно. И еще. Так незаметно втягиваешься и проходишь всю партию».

В работе Уланова беспощадна. В оценках строга и, пожалуй, скуповата. Даже сейчас, когда за спиной почти двадцать лет совместной работы с Максимовой, редко ее похвалит, всегда заметит какую-то погрешность в танце, найдет, над чем надо еще поработать. Каждый раз, прежде чем Максимовой выйти на сцену Большого театра, в новом ли спектакле или старом, много раз оттанцованном, они снова встречаются в репетиционном зале, и все начинается сначала.

— К каждому спектаклю надо готовиться заново. Бывает: что-то не удалось, не получилось в спектакле предыдущем. Следующий надо сделать интереснее, чище, глубже. А человек не машина, не может, не должен он раз и навсегда все выучить и делать одинаково. Для чего нам тогда работать? Порой наши репетиции с Катей начинаются трудно, первое движение дается туго, а иногда вдруг вообще перестает получаться. Вы можете это предположить, когда видите Катю на сцене? Наверняка нет. А я знаю Катю на репетициях. Не уверена, что о них можно рассказать словами, — надо пережить и перечувствовать.

Это Уланова говорит сегодня о самой прославленной из своих учениц. Так, как сказала бы и о себе с взыскательностью и вечной неудовлетворенностью истинного Мастера.

Они подготовили вместе партию Жизели. Потом Марии, Джульетты — да что перечислять, все, что Максимова с тех пор танцевала в Большом театре, — их совместные работы.

Лучшие свои создания Уланова передавала ученице. И та, сохраняя внешний рисунок ролей, неузнаваемо меняла их изнутри, наполняя собой, своим жизненным опытом, своей личностью. «Ищи себя», — говорила Уланова. И Максимова искала, навсегда отказавшись от подражания прекрасным, но чужим образцам.

Взяв ту же светловую тему юности, что и Уланова, Максимова наполнила образ девочки-женщины живым, лукавым, озорным теплом. Максиму не назовешь «обыкновенной богиней», как называли Уланову. В ней зрители видят не далекий идеал, а свою современницу. Вместо сдержанной отстраненности — открытость, почти исповедальность в выражении чувств и при этом ироничность, умение пошутить над собой, найти забавное в серьезном, даже печальном. Она, как и Уланова, танцует любовь, но любовь более земную. В ней нет жертвенности и обреченности, она борется не за право высоко погибнуть — за право жить. Даже в драматических ролях звучит тема праздника, расцвета юной женской души, созданной для счастья и умеющей, если понадобится, за это счастье бороться.

Эта максимовская нота заметна уже в первом общем создании балерины и Мастера: в «Жизели», которую Максимова продолжает танцевать по сей день. И вот что удивительно: роль не застыла в раз найденной, доведенной до совершенства форме, она развивалась, возросла вместе с самой балериной. Жизель первого акта сразу покорила трогательной искренностью и простодушием. Эта маленькая крестьяночка любила всем своим существом, открыто, доверчиво — и погибла, разбившись о первое в жизни предательство. Теперь же, через годы, в исполнении Максимовой особенно важен второй акт, когда Жизель-виллиса, бесплотный дух погибшей девушки, вступает в неравную борьбу за любимого и спасает его беззаветностью своего чувства. Даже в этом туманном мире, среди призраков, героиня Максимовой утверждает жизнь, потому что нет смерти, пока жива любовь.

Такой же, полной тепла и света, была Фригия в «Спартаке». Не просто нежная девушка, смятая вихрем событий, а стойкая, умеющая по-земному чувствовать женщина, готовая на подвиг ради любви.

Этальной для Максимовой стала Китри в «Дон Кихоте». «Зачем братья не за свое дело, — говорили ей, — ты не Китри, ты Жизель, ты создана для лирических ролей, не для комических...» Но Максимова любит рисковать. Партия Китри — одна из самых технически сложных в классическом балете. Но казалось, для Максимовой этих сложностей попросту не существует. Ее виртуозный танец был естественным, как дыхание. Балерина на мгновение касается носком пола, и снова прыжок, словно в воздухе ей удобнее. Знаменитые тридцать два фуэте. Она могла бы повторять это ликующее вращение еще и еще, до бесконечности. В кипящем веселье праздника раскрывался обаятельный образ девушки из народа, бесстрашной и свободной, лукавой и остроумной.

Перечислить роли Максимовой — значит назвать почти весь репертуар Большого театра за последние двадцать лет. И при этом она никогда не повторяла себя. Не успевали привыкнуть к одной Максимовой — как появлялась другая, непохожая на предыдущую. И каждый раз говорили: вот наконец балерина нашла себя! Вот именно эта роль, эта палитра красок наиболее близка ее дарованию! Но как его определить, это дарование? Лирическое? Или драматическое? Или комедийное, ярко характерное, движущее до экцентричности? Может быть, именно в непрерывном движении — особенностью и своеобразие Максимовой?

— Когда меня спрашивают, какая роль самая любимая, — признается балерина, — перечисляю все. Ведь каждая из них — это я сама.

А Уланова говорит так: «Катя обрела свободу и раскованность мастера. Она может все. Хорошо, что к характерным ролям она шла через серьезный классический репертуар — укрупнилась ее способность в легком комедийном образе обнаружить психологическую глубину».

Казалось бы, Максимова научила нас ничему не удивляться. И все-таки ее последние работы на телевидении поразили даже выдавших виды балетных знатоков. Телефильмы «Галатее» и «Старое танго» создавались специально для Максимовой, с учетом ее индивидуальности, как когда-то создавался для Анны Павловой «Умирающий лебедь», для Улановой «Ромео и Джульетта», для Плисецкой «Кармен-сюита». Максимовский интерес к эксперименту счастливо совпал с исканиями хореографа Дмитрия Брянцева и режиссера Александра Белинского в молодом жанре телевизионного балета.

Все здесь ново, все непривычно. Фантастическая — на грани акробатики — сложность хореографического языка: балерина встает на голову, складывается пополам, гнется во все стороны, как резиновая. Угловатая, по-мальчишески резкая пластика, каким-то чудом слитая с мягкой женственностью, заразительный максимовский юмор, ее умение одновременно смешить — и трогать почти до слез. Наконец-то — спасибо телевидению — мы увидели крупным планом лицо Максимовой, ее детскую улыбку, огромные глаза, способные выразить все оттенки чувств.

Балерина, обладающая незаурядным драматическим даром. Или иначе: драматическая актриса, умеющая танцевать. И то и другое встречается достаточно редко, а тут, на радость миллионам телезрителей, слилось воедино в одном имени.

Они совсем не похожи — дерзкая и независимая уличная цветочница из «Галатеи» и наивная героиня «Старого танго», по несчастью, надевшая грубый комбинезон и башмаки мальчишки. И хореографический рисунок разный: гротесковый, почти пародийный в «Галатее», во втором фильме он более лиричен, напоминает пластику немого кинематографа чаплинских времен. Мы легко вовлекаемся в озорную стихию танца, смеемся над остроумными трюками и забавными приключениями и сами не замечаем, как, когда веселье оборачивается обжигающим сердцем сочувствием к смешным девчонкам, таким одинокому, таким беззащитным в холодном и жестоком мире, который принадлежит богатым. Им не дожидаться счастья и справедливости. Рухнувшие надежды, обиды — все придется им вынести. Но унижить свое достоинство они не позволят никому.

Так неожиданно и в этих балетах прозвучала лирическая, улановская нота одухотворенной любви. В чем-то главном они все-таки близки: Мастер и самая непохожая на нее ученица.

...В просторной останкинской студии среди толпы мальчиков и девочек в телесных трико, накинувших сверху кто свитер, кто теплую куртку, не сразу различаю небольшую фигурку Максимовой в ярком желтом спортивном костюме и толстых шерстяных носках. Режиссеры Наталья Касаткина и Владимир Василев снимают новый телевизионный фильм «Адам и Ева» по балету Андрея Петрова «Сотворение мира». Сегодня идет одна из последних сцен: сотворение человечества. Пока что «человечество» — артисты ансамбля «Московский классический балет» разбрелись кто куда, курят, жуют бутерброды, подправляют косметику. А прародительница Ева, маленькая желтая фигурка в толстых носках, отойдя в сторонку, разминается, разогревается перед началом съемок.

Проходит час, затем второй, третий. Выясняется, что перегорела самая главная лампа. Ищут и не могут найти электрика. Заело пленку в камере. Нервничали режиссеры. Роптало уставшее от ожидания «человечество». Только Максимова, внутренне отгородившись от всей этой суеты, сосредоточенно работала. Я знаю: сейчас к ней лучше не подходить. Улыбнется приветливо, но ничего не услышит. Все ее существо обращено внутрь себя, все силы напряжены, чтобы сохранить, не расплескать раньше времени состояние творческой готовности. Ей предстоит сегодня танцевать сложное, может быть, самое ответственное в этом балете адажио, которое должно выразить душевное возрождение Евы, преодолевшей тоску по утраченному раю.

Несколько дней назад я видела, как готовила она это адажио, как после репетиции болезненно морщилась, растирая натруженные ноги. Бледное, осунувшееся лицо, прилипшая ко лбу черная челка...

И так каждый день, всю жизнь. Утром — что бы ни случилось, как бы поздно ни легла накануне — ровно в одиннадцать надо быть в классе, у станка. Днем репетиции. Вечером спектакль. А еще съемки, гастроли. Через неделю надо ехать в Ленинград — там снимают «Анну на шее», затем заканчивать «Еву»... Жизнь, состоящая из непрерывного преодоления трудностей, из запретов и ограничений. Единственно возможная для нее жизнь.

...Всех позвали на сцену, и она, тихая, все еще погруженная в себя, раскрыла сумку, набитую розовыми балетными туфельками, выбрала пару, подышала в них, чтобы согреть, расправила атласные ленты.

— А теперь, Катя, представь себе, — говорит Василев, — что у тебя чудесное настроение. Ты не провела здесь без обеда целых день. Не нервничала, не уставала. Ты Ева, первая хозяйка только что сотворенного мира. Готова? Начали!

И. Шигильчева
и мастер И. Кульбаев
на одном из участков строительства.
Фото Р. Шамсутдинова

Лариса КУЗНЕЦОВА

КВАДРАТ ШИГИЛЬЧЕВОЙ

Пейзаж, который я набросаю, снежный, морозный и ветренный. Такое в этих краях случается редко — мы с вами в Узбекистане. На огромной, раскинувшейся на многие гектары стройке Ново-Ангренской ГРЭС, что километрах в шестидесяти от Ташкента в сторону городка Ангрена. В Ангрене добывается бурый уголь, на ГРЭС его будут сжигать. Место предгорное и, как понимает читатель, щедро меченное сейсмичностью и ветровой нагрузкой. Поэтому дымовая труба ГРЭС — а высота той трубы будет аж 330 метров, диаметр у основания 40 метров — должна стоять как вкопанная, иметь тело литое и крепкое, чтобы никакие баллы ей не были страшны. Пока что этот трубный небоскреб торчит из земли только на треть своей высоты, но уже виден издали. Работы здесь идут полным ходом — бетон не любит передышек. А ветер такой злой и снежный, что наверняка тем людям, которые там, наверху, наращивают тело трубицы, хочется оказаться где-то возле любой другой, совсем скромной трубы, лишь бы она была связана с теплом и покоем... Но на больших стройках не до покоя. Там планы, сроки, незавершенка, с которой надо бороться.

И вот я сижу на «штабе» (точнее — рабочем совещании), где и идет разговор о планах и сроках. Заседание «штаба» на этой стройке — каждую пятницу. Во главе длинного стола — Ирина Алексеевна Шигильчева, начальник строительства Ново-Ангренской ГРЭС, делегат XXVI съезда КПСС. Нет пока на нашей земле другого строительства подобного размаха, где бы руководителем была женщина. Помещение «штаба» — временный передвижной домик, «пздеушка», как говорят строители, я бы сказала — вагончик. Внутри — что зал заседаний: уютно, даже в чем-то торжественно, а мне — так еще и интересно, потому что по макетам, чертежам и рисункам, которые здесь

в изобилии — все стенки завешаны, — я могу представить, какой она будет в конце концов, эта ГРЭС, каким будет жилой поселок при ней, названный Нурабад — Город Света и уже имеющий около двух тысяч жителей.

В «пздеушке» холодно. Вездесущий горячий чай здесь приходится кстати — хоть руки о пилу обогреть. Чай подает женщина, третья, кроме меня и Шигильчевой, в этом вагончике. Вдоль стола — двадцать семь мужчин. Все эти люди — как бы мозг стройки, но главная ответственность и решающее слово за Ириной Алексеевной. Каждый из докладывающих говорит о своем — кто о подземном хозяйстве турбинного отделения, кто о сливных водоводах, кто о бетонировании фундамента под угольную мельницу. Выясняется, что из-за отсутствия малярных кистей рамы и двери приходится красить рогожей, а рогожа так впитывает краску, что ее уходит в десять раз больше.

Скорее всего, разговор на этом «штабе» типичен для многих строек. Контраст между смелыми проектными решениями, иные из которых строители ГРЭС осуществляют впервые в отечественной практике, сложнейшей техникой, энтузиазмом людей, их трудовой выучкой и этой отсутствующей — хоть плачь — малярной кистью, недостатком анкерных болтов, гаек, теглогреек нужного размера и еще кучи каких-то мелочей. На Ново-Ангренской ГРЭС главный дефицит — арматурная сталь. Узкое место — штукатурный раствор. Но характер разговора обо всем этом, его темп, ритм на «штабе» у Шигильчевой особые, она «ведет вопрос», если так можно выразиться, на большой скорости. Зная положение дел на «шахматной доске» своего строительства, она как бы прогнозирует партию на два, а то и на три хода вперед.

Начальник строительства не признает чер-

новиков ни в чем — решает вопросы набело, понимая, что сейчас, когда речь идет о подземном хозяйстве турбинного отделения или бетонировании фундамента под мельницу, закладывается основа будущей ГРЭС. Успехи и неудачи грядущего пуска в том, как будет сработано все, что потом уйдет под землю, под облицовку, краску. Работа должна быть сделана сразу набело — это и дает в конечном счете самую великую экономию — экономию человеческой энергии. И второе наблюдение за характером решений. Решения тактических вопросов отданы тем людям, которые и должны заниматься тактикой: Шигильчева не «подогревает» под себя все, хотя и имеет характер властный. Она уважает чужие решения, лишь бы эти решения в самом деле что-то решали... Разобравшись в наличии «боеприпасов», Ирина Алексеевна находит наиболее выгодное направление строительного удара, уточняет диспозиции.

Известный советский психолог Б. М. Теплов, рассуждая о таланте полководца, приводит образное сравнение: в основе полководческого таланта лежит как бы квадрат, одна сторона которого — ум, другая — воля. Удлинение или уменьшение одной из сторон ведет к исчезновению квадрата, исчезновению таланта. Остаются способности, пусть даже выдающиеся, ум, пусть даже редкостный, или такая же воля, но что воля без ума, а ум без воли?

Конечно, нам, женщинам, полководчество вряд ли суждено, но многие уже освоенные нами руководящие должности требуют от нас именно того самого «квадрата ума и воли», о котором говорил Теплов и который — беру на себя смелость подобного утверждения — есть у Шигильчевой. Она человек талантливый.

В одном из коридоров треста «Узбекгидроэнергострой», в системе которого начала и продолжает работать Шигильчева, есть своего

рода Доска почета, озаглавленная «Они молодыми специалистами пришли в трест». На Доске среди многих других портрет Шигильчевой. За каждым из этих людей — история их собственного профессионального роста, помноженная на историю треста. Ему в этом году исполняется 50 лет, он один из крупнейших и старейших энергостроительных трестов страны.

Судя по профессиональной судьбе Шигильчевой, атмосфера треста, где она выросла и где ее взрастили, прежде всего деловая. Умеешь работать — работай. Можешь руководить — руководи. Влияние этой атмосферы на людей как бы разлито и в воздухе стройки ГРЭС. Ни команд, ни громких приказов здесь не слышать. Шигильчева никогда не произносит грубых слов, но так умеет иронизировать и поддевать, что только держись. При этом она как-то особенно катает звук «р»: «Собе-р-рем еще раз и поагитируем друг друга»... «Какой мудр-рец пр-ринял неиспр-равный кр-ран?»

Главный инженер треста Лев Борисович Брискин, портрет которого тоже на той Доске, отзываясь о Шигильчевой чрезвычайно уважительно, все-таки заметил: «Да, конечно, и добрая, и старательная, и справедливая... Но я-то знаю, что она и злая бывает. Главное в ней — умная она, отличный мозг! Потому-то и побеждает в конечном счете высшая справедливость — работа. Для результативной работы не всегда надо в добренькие записываться. Иногда быть злым — добрее окажется».

Что верно, то верно. Вот простейший пример, когда Шигильчевой пришлось быть злой. Полы в детском саду... Типовой проект, который осуществляли строители, предлагал детскому саду бетонные, крытые линолеумом полы. И это в условиях резкой континентальности климата! Шигильчева понимала, что применять бетон в данном случае нельзя. Понимал это и начальник второго участка строительства ГРЭС М. С. Коган, командующий жилищным строительством. Но вы представляете себе, что такое изменение проекта? Ведь это не фасон перефасонить, а изменить техническую документацию! Все надо увязать, согласовать и утрясти. Шигильчева проявила злое упорство, и полы в детском саду деревянные. За подобного рода твердость только доброе слово можно сказать.

Была я в этом детском саду. Он укомплектован не до конца, потому что сам поселок Нурабад еще не вышел из подросткового возраста. Но в этом детском садике особенно зримо проступает то, что характерно вообще для этой стройки в самом центре Средней Азии. Многонациональный ее характер. Надо оказаться в детском саду, когда ребята только встают после дневного сна и — кто в колготках, кто в одной тапочке, а кто и вовсе босиком — топают к своим стульчикам, где оставлена их одежда. Какой разный цвет волос, кожи. Какие разные разрезы глаз, какие они разные! И тут вспоминаешь, что ведь и их мамы и папы, которых я видела на стройке, тоже люди разных национальностей. И начальники всех четырех участков строительства тоже все разные: Мамедов Кенебай — казах, Коган Михаил — еврей, Попов Владимир — русский, Петренко Александр — украинец.

Сама Ирина Алексеевна — чувашка. Отец ее, выходец из бедной чувашской семьи, был военнотрудовым, комиссаром, политработником. Мать она потеряла, когда была еще девочкой. Так что главное, насколько я могу судить, удивительно сильное родительское влияние — отцовское. Портрет отца до сих пор

в ее комнате. Видимо, этот, уже ушедший от нас человек воистину был создан для работы с людьми и даже свою отцовскую миссию осуществил как истинный комиссар. И дочь вослед ему — и в школе и в институте — была комсомольским заводилой. Школу окончила с золотой медалью, поступила на энергетический факультет Среднеазиатского политехнического института в Ташкенте и, получив диплом, пошла работать в «Узбекгидроэнергострой», в его монтажное управление. Спустя девять лет она уже начальник монтажного управления специализированных работ треста, еще спустя девять — заместитель управляющего трестом, откуда добровольно уходит на Ново-Ангрентскую стройку, где мы и знакомимся с ней в эту ташкентскую зиму.

Кондиционеры на «пэдеушке» обвисли с наружной стороны большими сосульками, но летом здесь без кондиционеров тяжело — духовка, пекло. А сейчас кругом бело, и на Ирине Алексеевне высокие черные сапоги и черная каракулевая кепка, отделанная серой норковой полоской, что превращает кепку в шляпу. Очечник, который всегда лежит рядом с ее деловыми бумагами, имеет вид длинного шелкового кошелька с изображением большой розы в центре. А в жилой «пэдеушке», где Ирина Алексеевна иногда ночует (на стройке ведь всякое случается), небольшое хозяйство: сковородка, холодильник, чайник, соленые огурцы в банке, все какое-то походное, торопливое. Зеркало в форме обрезаемого овала — в пыли, видно, тут не до зеркал... И все же Ирина Алексеевна умеет одинаково ловко носить и спортивные брюки и платья, отделанные кружевом. Ее руки хорошо знают строительные механизмы, могут быть черны от мазута и, если надо, дров наколют, но на них обязательно маникюр.

В создании самого проекта строящейся ГРЭС, как, впрочем, и подавляющего числа энергетических сооружений нашей страны, принимали участие многие города и республики. Ташкент, Москва, Ленинград — адреса проектировщиков. Узбекистан, Киргизия, Украина, Казахстан — адреса поставщиков. В сооружение электростанции вовлечено 16 различных организаций, с каждой из которых свои особые отношения, не всегда гладкие... На стройку пишут со всех концов страны, даже из Владивостока: просят на работу, в коллектив.

Скажите, можно ли угадать по письму, какого человека вы возьмете в свой коллектив, если уважите его просьбу? Здесь ошибиться легче, чем не ошибиться. Шигильчева внимательно читает письма, идущие на стройку, пытаюсь за скупым изложением фактов — «умею малярить, штукатурить» или «работая на кране, детей двое, с мужем в разводе» — угадать личность. В конце концов начальник строительства руководит не подъемными кранами, а людьми. И здесь тоже нужен свой квадрат таланта — знать, что требовать от людей, и уметь это требовать. Институт ли дал ей это умение, университет ли марксизма-ленинизма, сданный ли кандидатский минимум, или отец — гадать тут нечего, ибо человек, чье время долгие годы было спрессовано до отказа, приобретает умение уважать время чужое и точно планировать свое. Шигильчева не любит «бабьего», как она говорит, начала в человеке. Что за этим словом скрывается, каждый из нас понимает по-своему, но в ее устах — это нечто равно относимое и к мужчинам и к женщинам, когда слишком много эмоций и «выяснений отношений» в ущерб делу.

Что же до дела, то здесь, на стройке, женщины занимают немало ключевых постов и

прекрасно справляются.

Не одна Шигильчева. Секретарь партийной организации и начальник планового отдела тоже женщина. Венера Ахмедовна Котилловская. Назову еще и Маргариту Александровну Губанову, которая двенадцатый год работает в жилищном строительстве и все бригадиром, назыву членов ее бригады коммунистов А. Матюкову, Л. Васильеву, З. Юлдашеву. Но «бабье начало» проявляется здесь и в другой, благородной его сущности. В особом внимании к социальным проблемам, связанным с женщинами. Заметьте, первым крупным социально-бытовым учреждением Нурабада оказался комбинат ясли-сад. Но это лишь начало. А школа? Пока школьники Нурабада учатся в соседнем поселке. И уже принято решение возить ребятню автобусом до школы. Или взять здравоохранение. Поликлиники в поселке нет. Нет и парикмахерской, нет и химчистки... Все это будет, обязательно будет, но и это мает душу Шигильчевой. Сама мать и хозяйка, она прекрасно понимает, как все это нужно людям, женщинам особенно. И потому не исключает из своего «квадрата» и подобные заботы.

В доме у Шигильчевой полный порядок. Дружная семья. Муж, Эдуард Мазитович Таджиев, — крупный инженер, тоже энергостроитель. Дочь окончила школу с золотой медалью, но по стопам родителей не пошла, она будущий медик. Сын — школьник, увлекается домашним аквариумом и всех пытается сделать приверженцами своего хобби: книжки показывает, рассказывает сюжеты из жизни своего аквариума — и у рыб, оказывается, непростые отношения... Домашнее хозяйство в этой семье ведется силами самой семьи. А хозяйство немалое. Отдельный дом, небольшой сад при нем, даже несколько кур, пара индюков, смешной лохматый пес Марсик и розы... Переведем возможные заботы обо всем этом в часы и минуты — и вылетим за пределы суток. А семья не вылетает. Все у них как-то спокойно идет, без утирания пота со лба, без битой в спешке посуды, без сердитого постукивания родительского ногтя по циферблату часов, чтобы дети поворачивались. Все поворачиваются, и опять же не слышно ни окриков, ни распер. Тайна, думаю, вот в чем: в высокой квалификации обоих супругов, привыкших на работе решать большие организаторские задачи, так почему же им с домом своим не управиться?

В семье, о которой веду речь, мужчина умеет и готовить, и покупать, и подавать, и воспитывать. Я бы с удовольствием написал об Эдуарде Мазитовиче с таким публицистическим прицелом: какие мужья и отцы формируют семью дружную и как формируются в подобных семьях сами.

«Умение работать всегда сопряжено с рабочей радостью» — вот кредо Шигильчевой. Сама Шигильчева откровенно признается: она так любит свое строительное дело, что никак не может взять в толк, как иные люди «отбывают» работу или «надрыбаются» на ней. Поэтому она может, прихватив семью, приехать на стройку в праздник, если там «сели» отопительные котлы, может работать сверх меры, но числить себя в героях при этом она не будет — не та человеческая основа.

Все обыкновенно, даже в чем-то и легко. Но это «обыкновенно» жидется в конечном счете на культуре работника. И не случайно, что именно отечественное энергостроение, образцовая и налаженная отрасль, выдвинуло из своих рядов женщину такого масштаба, как Шигильчева.

Рисунок В. СКРЫЛЕВА

Рассказ

ВАРЬКА

Римма КОВАЛЕНКО

Я не забывала Варьку, но, когда она явилась, не сразу узнала. Все мы изменились за двадцать три года, но все-таки не так, как Варька. Кто располнел, кто усох, а Варька, словно назло нам и природе, решила стать красавицей. И это ей удалось. Правда, два передних зуба торчали по-прежнему, как у зайца, они-то ее мне и выдали. А сначала я подумала: кто такая и почему себя ведет так вызывающе? Мне и в голову не пришло, что она моя сверстница, мелькнула даже мысль, что передо мной подруга дочери. Пальто на ней было какое-то немисливо узкое, оно ее так стягивало, что пуговицы казались пришитыми неровно.

— Хочешь, лягу на пол и умру?—спросила Варька и улыбнулась.

Тут я ее и узнала.

— Не надо,—голос мой, наверное, прозвучал скучно, потому что Варька осуждающе покачала головой.—Садись на стул, Варвара. И расстегнись. Что это ты так затянулась?

— «Варвара».— кажется она меня передразнила,—а тебя прикажешь величать по отчеству? Отдельный кабинет! Табличка на двери—«Директор»! Слушай, тебе не страшно сидеть за такой дверью?

Мало того, что она кричала во все горло, так она еще сняла и швырнула свое пальто через весь кабинет в угол.

— Не так громко, пожалуйста, и повесь свое пальто на вешалку.

— А оно мое? С чего ты взяла, что у меня может быть такое пальто?

Началось...

— Это пальто мне выдали взамен моей шубы. Выхожу из вагона и влетаю в историю. Хватает меня за рукав какая-то крашеная блондинка... Короче говоря, через три часа меня в этом пальто будут снимать на киноплёнку. Представляешь?

Я ничего не стала представлять, просто

вспомнила: Варька в своем репертуаре, опять врет.

— Закрывай свой кабинет, и пошли.—Варька махнула рукой в сторону двери.

— Куда?

— На вокзал.

— Меня же никто не хватал за рукав, что я там буду делать?

— Посмотришь. Возьми паспорт. Если им подойдешь, то тоже снимешься.

— Сколько тебе лет, артистка?

— Сорок четыре. А что?

— А то, что про детей лучше расскажи. Сколько не виделись. Не представляю, какие они сейчас.

— Вымахали,—Варька улыбнулась,—я им по плечо.

— Вот видишь. Дети уже не молоденькие, а ты все порхаешь.

— Как это дети не молоденькие?—возмутилась Варька.—Очень даже молоденькие, а я просто молодая.

...Варька родила на третьем курсе. Напротив родильного дома был городской пионерский лагерь. Половина нашей группы проходила в этом лагере летнюю практику. Мы по очереди торчали под Варькиными окнами. Однажды кто-то принес белый халат, я надела его и пробралась к Варьке в палату. Она лежала у окна. Увидела меня, сказала:

— Садись.

Я села. Варька в моих глазах была погибшим человеком, никто не мог ее уже спасти, но я стала уверять ее в обратном.

— Не вешай нос, Варька, мы выбили тебе через профком материальную помощь. И вообще не горюй, поддержим.

— Я тетку боюсь.—ответила Варька,—приходи, когда меня будут выписывать.

Я пришла. И тетка ее пришла, немолодая, уставшая женщина с белым узелком в руках. В

узелке лежали одеяльце, пеленки и распашонки для новорожденного. Тетка передала узелок в окошечко приемного покоя, и мы с ней молча стали ждать, когда на крыльце покажется Варька с младенцем.

Она вышла из двери, и тетка поднялась на крыльцо, взяла ребенка и, не оглядываясь на нас, понеслась по больничному двору. Мы с Варькой—за ней.

— Давай такси возьмем,—сказала Варька, когда тетка приблизилась к трамвайной остановке.—У меня деньги есть, мне материальную помощь выдали.

— Лучше бы тебе голову новую выдали,—ответила тетка.

...Мы столько не виделись, а она сидела, поглядывала на часы и несла какую-то ерунду, потом поднялась и сказала:

— Мне пора. Еще увидимся, я тебе позвоню.—И стала натягивать свое неимоверно узкое пальто.

— Постой, где ты остановилась?

Варька назвала лучшую в городе гостиницу.

— Но я еще там не была,—сказала,—чемодан у меня в камере хранения.—Постояла, глядя на меня, и вдруг спросила:—А у тебя дети есть?

— Есть. Дочь. И зять, как сын.

— Не представляю тебя матерью.

Тут кто-то из сотрудников открыл дверь. Варька посторонилась. А я не успела ответить: «Зато мне, Варенька, ничего представлять не надо. Я просто помню, какая ты мать». Вошедший сотрудник не знал, что у двери стояла не просто посетительница, а Варька, и пока мы решали с ним, каким должен быть ответ на один из запросов, поступивших в архив, она ушла.

И только после того я поняла, что случилось. Возникла из небытия Варька! Явилась молодая, красивая, непохожая на ту, какой была, и

на ту, какой должна была стать. А я, как чужая, глядела на нее, не понимая, что это мое прошлое вошло в кабинет вместе с ней. Как я могла так ее встретить? Упустить Варьку! То, что Варька не позвонит, не вызывало никаких сомнений. Для того мелькнула, чтобы задать задачку еще на многие годы.

...Имя, которое она дала мальчику, возмутило нас. Жан! Мало того, что безотцовщина, явился на свет неожиданный, незванный, так еще и Жан! Варька принесла его в общежитие, положила на свою койку, загородила подушкой и куда-то ушла. Нас в комнате жило двенадцать человек. Не скажу, что это было двенадцать ханжей, но два тяжелых характера там были. И эти две, с географического факультета, две Анны—Аня и Нюра—втянули нас в такой злобный диспут, что через полчаса весь наш этаж ходил ходуном. А Варька вернулась как ни в чем не бывало, сняла платье и стала кормить младенца. Потом собрала пеленки и пошла, как была в трусах и лифчике, в умывальную стиральную. Когда вернулась, за столом у нас сидел комендант.

В тот вечер я опять провела Варьку к тетке. Она с ребенком ждала в палисаднике, пока я вела переговоры.

— Я ее не выгоняла,—говорила тетка,—я только совет дала определить мальчика в Дом ребенка. Я работаю, кто за ним тут будет приглядывать?

Варька была позором нашей группы. Еще до рождения Жана мы с ней натерпелись. При поступлении в институт она написала в анкете, что ее отец — министр нашей республики. Когда обман раскрылся, было собрание, разбирались. Оправдываясь, Варька наворачивала новые горы вранья. Ее простили, но вскоре опять вспыхнуло «персональное дело» Варвары Шурыгиной. На городских лыжных соревнованиях она вдруг показала рекордное время, попала в газеты, отхватила приз. Но при регистрации рекорда были повторно исследованы отметки на контрольных пунктах, и оказалось, что Варька с половины дистанции повернула к финишу. Опять ее обсуждали, клеймили.

Жана Варька все-таки определила в Дом ребенка. Мы этого простить ей не могли, хотя и не видели другого выхода. В воскресенье она принесла мальчика в общежитие, с полчаса агукала над ним, а потом незаметно исчезла. Жан просыпался, начинал плакать, и мы, посылая на Варькину голову проклятия, меняли ему пеленки, носили по комнате, укачивали. Когда она появилась, орала:

— Зачем ты егоносишь? Ты не мать, а чудовище!

— Специально приношу, чтобы вас немножко очеловечить. А то ведь лошади. Если бы не стучали так своими копытами, он бы не проснулся.

Она еще нас и оскорбляла! Вряд ли мы снесли бы такое оскорбление от кого другого, но все, что делала и говорила Варька, не принималось всерьез. Мне она однажды сказала:

— Если бы ты мне была настоящим другом, я бы открыла тебе свою тайну.

Тут она не врала, у нее действительно была тайна — отец ребенка. Никто ничего не знал о нем, Варька молчала, как рыба. Если бы я не была у нее в родильном доме, не провела оттуда, я бы тоже, как многие, сомневалась: ее ли это ребенок? Не только потому, что Варька оказалась плохой матерью, но и потому, что у нее не было ни одного романа, никакой любовной истории. Варька после лекций скакала у волейбольной сетки, могла три сеанса подряд отсидеть в кинотеатре, есть мороженое в зимний день, но на танцах или на свидании Варьку представить было невозможно.

Я не была ей настоящим другом. Кровати наши стояли рядом, тумбочка — одна на двоих. Это соседство по-родственному связывало

нас. Когда на Варьку ополчалась вся комната, я бросалась ее защищать.

— Еще неизвестно, будут ли у нас дети. А у Варьки уже есть, и ничего тут ззорного, что ей помогает пока государству. Во всяком случае, лучше быть матерью-одиночкой, чем старой девой.

Такой поворот остужал головы, «стародечество» почему-то казалось реальным и пугало многих.

Тогда я думала, что Варька доверила мне свою тайну из благодарности: я меньше других обличала ее и даже защищала. Отцом Жана оказался директор фабрики, на которой работала Варькина тетка.

— Он молодой?

— Не очень.

— Ты любила его?

— Безумно. И сейчас люблю. Он до сих пор не знает, что у него есть сын.

— И тетка не догадывается, кто отец Жана?

— Она бы его в крошки изрубил, если б догадалась.

Есть разные тайны. Эта тайна не могла принадлежать только Варьке и мне. Мужчин-подлецов, ничего не знающих о своих детях, щадить нельзя.

— Варька, он женат?

— Не знаю. Прикидывался неженатым.

До сих пор ужас охватывает меня при воспоминании, как я напугала этого директора. Мы пошли к нему целой делегацией. Даже Аня и Нюра, обвиняя в легкомыслии одну лишь Варьку, решили взглянуть на предмет ее преступной связи. Женат этот директор или холостой, нас не волновало. Мы не собирались будить в его сердце любовь и женить на Варьке. В наши планы входило «прижать» его. Это слово нам очень нравилось: «Прижмем. Пусть узнает, что у него есть сын, и раскошеляется, дает деньги на воспитание».

У фабрики было мирное и немного смешное название — бисквитно-макаронная. Но перед нами она предстала бронированной вражеской крепостью. Вахтерша в будке возле ворот преградила нам путь. Долго мы ее уламывали, наконец она сняла телефонную трубку.

— Тут студентки. Десять штук.

Разрешили пропустить одну. Все поглядели на меня, и я пошла.

Директором оказался немолодой, по тогдашним моим представлениям, мужчиной, может быть, лет сорока. В кабинете у него находились люди в белых халатах, и я растерялась.

— Слушаю вас.

Глаза у него были светлые и трусливые.

— Я подожду, когда вы освободитесь. У меня особый разговор.

Когда мы остались одни, я сказала:

— Вам известно, что у Варьки родился сын?

Он не закричал: «У какой Варьки?! Не знаю никакой Варьки!», — а задумался, и это поначалу запутало наш разговор. Я продолжала:

— Варька живет на одну стипендию. Мальчик в Доме ребенка. Я не буду говорить о моральной стороне всего этого, но материально отец обязан помогать ребенку. Вы женаты?

— Женат,—ответил он.

— И дети есть?

— Двое. Давайте ближе к делу: в каком цехе работает отец Варькиного ребенка?

О, эти трусливые глазки были еще и хитрыми.

— При чем здесь цех? — Голос мой зазвучал грозно.— Зачем вам надо разыгрывать, будто не знаете Варьку?

— Значит, это она у нас работала?

Ну, ничего не хотел понимать, и очень натурально у него это получалось.

— Вы отец ребенка!

— Я? — Он даже не взъерился, взглянул на дверь и шепотом приказал: — Вон отсюда, шантажистка.

Я поднялась, он тоже поднялся и вдруг замахал короткой ручкой.

— Садитесь. Давайте разберемся. Я слушаю вас, рассказывайте.

Я стала рассказывать, уже зная, что Варька опять запутала нас и я зря отнимаю время у этого человека.

Директор оказался широким человеком, достал из ящика письменного стола коробку конфет и подал мне.

— Мы соревнуемся с кондитерской фабрикой «Луч». Это образец их новой продукции. Передайте от меня вашей Варьке.

Я вышла из проходной, держа перед собой эту коробку. Девчонки окружили меня.

— Варька права,—сказала я,—мы доверчивые лошади.

В общежитии мы раскрыли коробку, вскипятили чайник, водрузили его на стол и молча, ничего не говоря друг другу, стали уничтожать конфеты, подаренные Варьке. В самый разгар пирушки заявилась Варька, схватила кружку, подсадила к столу.

— Варька,—сказала я,—когда это кончится, когда ты перестанешь врать?

Варькины глаза остановились, и я вдруг увидела, как они защелкали, отвергая один за другим варианты правдоподобных ответов. Наконец нашли.

— Никто не врал. Я тебя просто проверяла: умеешь ли ты хранить тайны.

...Назавтра я позвонила в гостиницу. В этой гостинице останавливались депутаты, когда приезжали на сессию, иностранные гости, участники всяких конгрессов и форумов. Варьке там делать было нечего. Но, может быть, она по своему неведению затесалась туда? Мне непременно надо было ее разыскать, избавиться от чувства вины: Варька явилась, а ты ее не приветела. А что, если судьба не просто нас свела, а устроила тебе проверочку: стала ли с годами доброй и великодушной?

Справочная гостиницы ответила, что Варвара Шурыгина «не останавливалась». И еще эта справочная спросила девичьим голоском: «А откуда она приехала?» Этого я не знала, и новой Варькиной фамилии, если она у нее появилась, тоже не знала. Вспомнила каким-то чудом Варькино отчество и взмолилась: «Девушка, поищите среди поселившихся Варвару Кирилловну. Прошу вас, это так важно». Через несколько минут мне стало известно, что Варвара Кирилловна Зуева «остановилась» в двести четырнадцатом номере. И я тут же позвонила в этот номер.

— Привет,—отозвалась Варька,—а я только что собралась тебе звонить. Так закрутилась с этими съемками. Если когда-нибудь увидишь объявление, что требуются статисты для массовых сцен, обходи этот призыв, беги и не оглядывайся.

Она опять попыталась запутать меня, задурить голову всякими несуществующими кино-съемками, но на этот раз ей не удалось.

— Я к тебе сейчас приеду, Варька.

— Нет, нет.—Варька отказалась быстро и категорически.—Завтра приезжай. Завтра Володя прилетит с Сашкой, и мы предстанем перед тобой в полном составе.

— Что за Володя?

— Муж.

— А Жан не прилетит?

— Он здесь, из-за него мы, собственно, и собираемся в этой гостинице.

У этого всего был прочный сюжет, но все-таки придуманный. Иначе, почему бы Варьке не повидаться со мной сейчас, с чего она так решительно запротестовала: нет, нет.

— Муж Володя, надо полагать, это тот морячок, что висел у тебя над кроватью?

Варька не почувствовала в моем голосе иронии, обрадовалась.

— Помнишь?! Но того морячка давно нет. Теперь это солидный, с довольно крутым характером контр-адмирал.

Конечно же, контр-адмирал! Я и Варькиного «папу-министра» не забыла.

— Значит, завтра мы все тебя ждем. Приезжай пораньше, часиков так в двенадцать.

Я положила трубку, сняла с вешалки плащ, вышла на улицу, остановила такси и через десять минут была возле гостиницы.

...Наша студенческая жизнь катилась от сессии к сессии, мы сдавали экзамены, а Жан рос. После летних каникул он уже прохаживался между койками в нашей комнате на собственных ногах. Мы полюбили его. Мальчик был на редкость хорош: черноглазый, обстоятельный. Он подтверждал поговорку, что у плохих матерей вырастают хорошие дети, и мы наперебой старались заменить ему его плохую мать.

В это время, после летних каникул, Варька повесила на стене в изголовье портрет морячка в белой бескозырке. Морячок улыбался белозубой плакатной улыбкой, и эта улыбка мешала определить, умный он или не очень, красивый или так себе.

— Папа,— сказал однажды Жан, поглядев на фотографию.

Мы не придали значения этому высказыванию, Жан пугал этим словом многих мужчин на улице, а в общежитии — коменданта.

Варька переводила свой взгляд с фотографии на нас и мстительно улыбалась. Ждала, когда мы накинемся с расспросами. Но не дождалась. Мы уже перестали любить ее на слова, пусть врет, если иначе не может. Если не вмешиваться, ее вранье никому не мешает.

Впрочем, о том, что мы пришли к такому выводу, Варька не знала. Рассказывала про Балаклаву, где она якобы жила летом с Жаном в пансионе «Мать и дитя».

— Уймись, Варька,— отмахивались от нее.— Балаклава на Черном море, что же вы приехали оттуда белые, как картофельные ростки?

— Кто это сказал «белые»? — Варька тут же стала снимать кофту.— Если это вам не загар, тогда протрите глаза.

Однажды ночью она разбудила меня.

— Хочешь, доверю настоящую тайну?

— Не нуждаюсь. Спи.

— Через пять месяцев у меня будет еще ребенок.

— Поздравляю. Предупреди работников Дома ребенка, пусть готовятся к пополнению.

Второй мальчик, которого Варька назвала Александром, родился накануне государственных экзаменов. Я пришла к ней только на третий день и столкнулась в больничном дворе с двумя Аннами. Они послали Варьке передачу с письмом и ждали ответа.

— Хотим забрать у нее Жана и усыновить.

— Вдвоем?

— Запишем на Нюру, а воспитывать будем вместе,— сказала Аня.— Так и Жану и Варьке будет лучше.

Обе Анны получили распределение в одну сельскую школу. Видимо, село было большое, раз школе требовались два географа. Я боялась, что Варька пришлет Аннам ругательный ответ, и стала отговаривать.

— Во-первых, Варька не отдаст, во-вторых, что за паника? У вас свои дети будут.

— Не такие,— ответила Нюра,— такой, как Жан, рождается один раз в тысячу лет.

Варька прислала достойный ответ: мол, спасибо, Аня и Нюрочка, вы настоящие люди, но дело в том, что у Жана есть родители. И если, по вашему мнению, мать плохая, то этого вы не можете сказать об отце, так как его не знаете...

— Опять врет,— сказала Аня.

Я вошла в вестибюль гостиницы и поднялась в лифте на шестой этаж. За высокой белой дверью гудели голоса. Постучала, но никто не ответил. Тогда я открыла дверь и вошла. И сразу увидела, что ошиблась дверью. В комнате, освещенной лучами заходящего солнца, было полно молодых людей, они сидели, сто-

яли, что-то энергично обсуждая. Я вернулась в коридор: нет, не ошиблась, на двери была цифра Варькиного номера.

— Извините. Мне нужна Варвара Кирилловна.

И тут с кресла поднялся и подошел ко мне Жан. Если бы прошло еще двадцать три года, я бы и тогда его узнала. Те же красивые черные глаза, та же, не смытая временем, детская сосредоточенность в них. Он поглядел на меня и крикнул:

— Мама! К тебе!

Из спальни вышла Варька. Не удивилась, не набросилась: мы же договорились на завтра.

— Пришла, значит, пришла,— сказала она.— Но завтра тоже приходи.

Мы прошли в спальню. Варька села на кровать и, раскачиваясь, стала глядеть на меня. Я не сразу заметила, что слезы текут у нее по щекам.

— Ты что, Варька?

Варька улыбнулась, вытерла со щек слезы, открыла сумочку и достала фотографию. Черноглазый, похожий на Жана парень, улыбался, выставив белые зубы. Улыбка была знакомая.

— Все равно я вас всех обманула: сама молодая и сыновья молодые. Ты ведь так и не видела моего младшего, Сашку.

Сашку я в Дом ребенка не стала отдавать, тетка жалилась, взяла нас к себе. Потом приехала из деревни Нюры и увезла Жана. А вскоре и мы с Сашкой туда поехали. Короче говоря, диплом мой накрылся, и высшее образование не закончено по сей день.

Я спросила про морячка: почему же он был в стороне? Ведь Варька вполне могла поехать к нему, а не в деревню к Аннам.

— Он понятия не имел, что у него два сына.

Я почувствовала, что краснею. Редко, но бывает, что приходится краснеть за других.

— Варька, не надо,— попросила я,— не мог отец, если он не подонок, не знать о своих детях.

— Интересно! — Варька вспыхнула.— А как он мог узнать, если служил на корабле на Черном море. И незачем ему было раньше времени знать.

Тут открылась дверь, и нас позвали в комнату, где были Жан и его товарищи. Красивые, статные парни стояли, как на приеме, с бокалами в руках. Никогда я не видела сразу столько, как на подбор, первоклассных молодых мужчин. Они не походили на студентов, у тех молодость не отмечена таким завидным здоровьем. Мы с Варькой присели у журнального столика.

— Мама, твой тост.

Варька поднялась и сказала, что желает им всем счастья. Пожелала беречь друг друга, потому что работа у них начинается ответственная и опасная. С сегодняшнего дня они уже не мальчики, не курсанты.

— Кто они? — шепнула я Варьке, когда она села.

— Военные летчики.

Я по-новому взглянула на Варькиного сына и его товарищей. Никогда не видела военных летчиков в такой вот обстановке и вообще не видела, разве что в кино да по телевизору. Я тоже произнесла тост:

— Я помню Жана, когда он только родился, мама его была в то время студенткой. Жизнь очень длинная, когда ты молод, и короткая, когда глядишь на нее с высоты прожитых лет. Но какой бы она ни была с разных точек обзора, лучше ее ничего нет... — И еще что-то сказала, после чего возник общий разговор.

Потом они ушли, а мы с Варькой остались. Я глядела на нее с какой-то такой точки, которая превращала прожитое время в миг. Только что мы с Варькой и ее теткой везли в трамвае Жана из родительного дома, и вот уже этот новорожденный — военный летчик. Меня поразили летчики, их славное братство, юмор, осязаемая чистота, которую они излучали. Прекрасны были их улыбки, интересен разго-

вор, ушли, и ни одного окурка в пепельнице, ни одной соринки на ковре.

— Похоже, что летчики — особая ветвь человечества,— сказала я Варьке.— У меня дочь и зять — художники, но у них с друзьями нет такой сплоченности, дружат, но какая-то дружба без преданности.

— Может быть, ты их просто не знаешь, ни детей своих, ни их друзей? — спросила Варька.

И тут я увидела, что рядом со мной сидит совсем незнакомая Варька. В молодости я ее знала и час назад, казалось, тоже. И вдруг как прозрение: да, не знаю я ее совсем. Когда-то, поступая в институт, она придумала себе папу-министра. А мы ведь тоже далеко от нее не ушли, придумали себе должности судей. Судили Варьку, веря в свою безгрешность и право судить ее.

На столе лежала фотография младшего Варькиного сына. Он был и на нее похож: два передних зуба выдавались чуть-чуть вперед, как у зайца.

— Заканчивает геологоразведочный,— сказала Варька.— Я рада, что они не пошли по нашей стезе, а выбрали себе настоящие мужские профессии.

«По нашей стезе». Кем же работает Варька, не окончившая институт? Что-то не давало мне спросить об этом. Вдруг Варька ответит: «Директором совхоза», «эстрадной певицей», и я опять ей не поверю.

Шла я от нее, как побитая. Что же это делается: почему мы о других больше, чем о себе, знаем? Точно знаем, кому можно верить, кому нельзя. У кого может быть муж контр-адмирал, а у кого не может. Почему я до сих пор не верю, что тот морячок, что смеялся у Варькиного изголовья на фотографии, ее муж, не говоря уже о том, что стал он контр-адмиралом?

Утром я сказала себе: «Не нагораживай. Варька не могла так измениться, что-то тут не то». В двенадцать часов в вестибюле гостиницы я вдруг повернула к окошку администратора, встала в очередь, уже зная, каков будет ответ: уехала. Предчувствия редко накатывают на меня, а это было даже не предчувствие, а уверенность: Варьки нет. То, что Варькины дети вырастут хорошими людьми, ни у кого не вызывало сомнений. Но вся эта история с мужем-морячком, ставшим контр-адмиралом,— мистика.

— Скажите, в каком номере остановилась Варвара Кирилловна Зуева? — спросила я у администратора.

Она раскрыла журнал и ответила:

— В двести сорок четвертом. Но два часа назад она выписалась.

Вот и все. Я даже почувствовала, что дышать стало легче, словно сбросила с себя непосильный груз. Варька осталась Варькой. Можно было идти домой, но я все-таки поднялась на этаж, где был двести сорок четвертый номер, и подошла к дежурной.

— Скажите, Зуева из двести сорок четвертого не оставила письма или записки?

Дежурная протянула мне конверт.

— Она должна была уехать завтра,— сказала,— но приехал муж с младшим сыном, и она сразу сдала номер.

— Муж — контр-адмирал?!

Дежурная пожалала плечами.

— Кажется. В черном. Я подумала, что прокурор. А может, адмирал. В чинах я не разбираюсь.

В конверте была записка:

«Извини, что так получилось. Жан уезжает раньше намеченного срока, мы едем его провожать, в гостиницу уже не вернемся. Когда выйдет на экраны фильм «Куда же вы, граждане?», сходи. Там я с двумя чемоданами в знакомом тебе пальто буду лезть на крышу вагона. Хорошо, что ты тогда со мной не пошла. А то бы я тебя на эту крышу затащила. Рада была тебя повидать. И помни: это я тебя нашла, а не ты меня. Прощай. Варька».

Пройдет всего лишь месяц, и радиоволны разнесут по стране:

— К выносу Красного знамени Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи прощу встать...

И, волнуясь, поднимутся делегаты девятнадцатого комсомольского съезда. Особым настроением и смыслом наполнится в этот день труд 40-миллионной армии Ленинского Союза Молодежи. С вниманием будут следить за съездом и ребята из средней школы № 1 старинного подмосковного города Коломна.

Я познакомилась с ними в один из последних дней зимы. Мальчики были сдержанны и подтянуты, девочки — нарядные, в парадных белых фартуках. И хотя до съезда оставалось почти три месяца, приподнятость и волнение учеников были связаны именно с этим событием. Подводились итоги Ленинского зачета, посвященного XIX съезду ВЛКСМ, заканчивалась общественно-политическая аттестация. Собрание проходило во всех старших классах, но я пришла в 10-й. Интересно было послушать уже взрослых ребят, к тому же именно в этом классе учится Людмила Снытникова, которую в Коломенском горкоме комсомола мне рекомендовали как секретаря одного из лучших школьных комитетов ВЛКСМ. Хотелось накануне съезда дать слово на страницах «Подружки» комсомольскому вожаку. А раз так получилось, что мой приезд совпал с завершением общественно-политической аттестации, то первый вопрос, естественно, коснулся именно этого события.

Московский городской слет юных борцов за мир. Эти игрушки и книги, купленные на денюжки, заработанные комсомольцами и пионерами, будут отправлены афганским школьникам.

Фото И. ГОЛЬДБЕРГА.

Председатель совета ветеранов комсомола Люблинского района Москвы Н. Н. Стрелков вручает комсомольский билет семикласснице 519-й средней школы Дарье Дьяченко.

Фото В. МАРИНЬО.

Спроси с себя

ПОДРУЖКА

Монолог секретаря школьной комсомольской организации ЛЮДМИЛЫ СНЫТНИКОВОЙ, записанный журналисткой НАЕИ РОЖНОВОЙ.

— У каждого из наших комсомольцев есть вот такой дневник. — Людя раскрыла обычную школьную тетрадь, на первой странице которой ее аккуратным почерком было выведено: «Личный комплексный план участницы Ленинского зачета, посвященного XIX съезду ВЛКСМ». — Этот план действительно личный. Из него можно узнать, как каждый из нас изучает произведения В. И. Ленина, что прочел о жизни замечательных революционеров. Есть в дневнике и такая страничка — «Борьба за качество знаний». Сюда мы вписываем оценки — те, что «планируем» для себя, и те, что получаем в полугодии. В плане по дням отмечено, в каких делах мы участвовали. Здесь и встречи с ветеранами битвы под Москвой, и спортивные соревнования (наша школа многолетний спортивный лидер в городе), и ежегодная осенняя выставка «Природа и мы», и традиционный весенний фестиваль искусств. Многообразен и перечень наших трудовых дел. Прежде всего это работа в совхозе — летнем лагере труда и отдыха. Затем ремонт школы. Не просто генеральная уборка, а именно ремонт: побелка, покраска, реставрация мебели, оформление классов и кабинетов. Может быть, в школах, которые ремонтируют специалисты-отделочники, ровнее лежит краска на панелях и дверях, зато мы сами решаем, где и каким цветом красить, как отделать вестибюль, мастерские, кружковые комнаты. Поэтому нам кажется, что наша школа самая уютная и красивая.

Все трудовые дела мы планируем вместе с руководством школы. Комитет комсомола на равных с директором решает вопрос, куда расходовать средства, заработанные учениками в совхозе и на воскресниках, сборе металлолома, макулатуры. Именно на эти деньги куплены новые станки в мастерские, приобретены радиоаппаратура, оборудование для лингафонного кабинета и кружка «Умелые руки». Кстати, радиофицирована школа руками наших мальчиков.

Самая последняя страничка личного плана называется «Умение воспитывать себя». Тут мы открыто пишем, с какими чертами характера хотели бы расстаться и какие приобрести. Могу прочитать то, что записала для себя я: «Воспитать такие качества, как усидчивость, умение начатое дело доводить до конца».

Несколько раз в год тебя вызывают на комсомольское бюро и смотрят по твоему плану, как ты участвуешь в общественной жизни, как выполняешь задуманное и обещанное. Если бюро или собрание класса не принимает зачет, то через некоторое время комсомольцу приходится передавать, но уже на комитете. Группе моих одноклассниц, например, с сентября было поручено шефство над 5 «а». Девочки поначалу загорелись, но скоро забыли туда дорогу. На бюро комсомолкам довольно строго напомнили об их шефских обязанностях. И они зачастили к пионерам: проводят сборы, беседы, классные часы, а сейчас вместе с ребятами придумали и готовят

фотоальбом о пионерском детстве своих учителей.

Вы знаете, и Ленинский зачет и общественно-политическая аттестация очень влияют на ребят. Взрослее становимся, ответственнее.

Собрание, на котором я оказалась, подвело итоги сделанному, обсуждались характеристики, написанные самими же ребятами и адресованные не в приемную комиссию вуза, не в отдел кадров будущего места работы, а лично тем, о ком они написаны. Особенно горячо и долго спорили, кому присвоить звание отличника Ленинского зачета.

— Он не работает по-настоящему над собой.

— Она добросовестно выполняет то, что поручат, а инициативы проявить не спешит.

— Победитель олимпиады по физике! А чем помог товарищам?

— Учеба хорошая, а поведение?

Думалось, после такого собрания обид да косых взглядов не избежать. Нет. Все по-прежнему доброжелательно, расходиться не спешат, кое-кто еще в запальчивости спорит. А равнодушных нет, мнение коллектива каждому дорого.

— Знаете,— продолжает Люда,— я считаю, когда человеку кажется, что у него все прекрасно, он или сам себя обманывает, или неинтересен как личность. Если честно оценивать, например, мою работу, то надо сказать: в ней немного побед, больше борьбы за эти победы. Помню одно заседание комитета, неудачное. В комитете комсомола — 17 человек, пришли 11, да и у тех настроение оказалось мягко говоря, несерьезное. Принимали в комсомол семиклассников. Они волнуются, а члены комитета засыпают их вопросами то явно не по силам, то вообще каверзными. Прервала заседание. А мне возражают: «Ты же сама все время говоришь, что к приему надо подходить строго»... «Строго, но без придирок,— возмутилась я.— Поставьте себя на их место». Очень важно сохранить в ребятах тот высокий настрой, с которым они вступают в комсомол.

Я часто вспоминаю нашу восьмиклассницу Свету К. Когда ей задали вопрос, почему она решила стать комсомолкой, Света ответила: «Все вступают, и я». Комитет ее не принял. Спустя какое-то время я подошла к Свете, спросила, думает ли она снова вступать в комсомол. «И не собираюсь»,— с обидой отрезала Света. Я до сих пор не знаю, правильно мы тогда поступили или нет. Надо было с девочкой еще раз спокойно поговорить. А может быть, не раз и не два. Происшедшее со Светой считаю укором себе.

Как не просто бывает разобраться во всем. Первый мой друг и советчик — мама. Характер у мамы мягкий. На днях она подала на работе

заявление об уходе. Очень уж далеко ей приходится ездить. А тут место нашло рядом с домом. Вызвал маму начальника цеха: «Вы у нас кадровая рабочая — 20 лет заводу отдали». Ну и убедил. Наверное, убеждать ее долго не пришлось. Я вот тоже не могу отказаться, когда просят что-либо сделать. Скажем, мне на завтра химию учить, точно знаю — спросят, а тут братишка прибегает с жалобой: их шефы, восьмиклассники, обещали организовать хоккейную встречу, вся мужская половина четвертого «а» на льду, а шефов нет. Бросаю уроки, иду, собираю ребят из 8-го класса. А на другой день по химии четверку хватаю.

Вот научиться бы мне успевать во всем, как моя мама. Если ей работать в первую смену, то она уходит из дому в шесть утра. Заводит для нас с братом будильник. Завтрак на столе, обед на плите. С работы придет — первый вопрос с порога: «Ели?» Второй: «Как дела в школе?» Перекусит и бежит по своим общественным делам. Она у нас депутат горсовета. Все время в заботах. Мама любит повторять: «Что отдаешь — то твое».

И это очень верно: когда видишь пользу от своей общественной работы — такая радость, что не жалко ни сил, ни времени. Радуюсь, когда хорошо комсомольское собрание пройдет, удачным окажется школьный вечер, не ленясь поработают ребята на субботнике. Памятным для меня было собрание на тему «Твоя жизненная позиция». Копья скрестились в споре об отношении к общественным обязанностям. Поначалу тон задал самый громкоголосый из десятиклассников. «Главное для нас учеба, экзамены, а общественные дела только отвлекают»,— заявил он. Но вот поднялась комсорг 10-го класса и спросила: «А тебе не стыдно жить только для себя? Да и жаль тебя: ты только брал, но ничего не дал коллективу — о таких быстро забывают». Ребята кричали с места, перебивали друг друга. Кто-то пожаловался, что ему родители не советуют отвлекаться от занятий на общественную работу, кто-то признался, что он сам под любым предлогом отлынивал от нагрузок. «На кино, дискотеку, прогулки мы часов не жалеем, почему же помехой оказывается дело, обращенное на пользу всех?» — запальчиво выкрикнула комсорг. Активное участие комсомольца в общественной жизни не может зависеть от сезонов и личного настроения — таким было решение собрания. За него голосовали дружно и искренне.

Если бы с пассивностью некоторых учеников можно было бороться только голосованием! Как это было бы просто и легко. А то ведь больше всего сил комсомольский комитет школы, классные бюро и комсорги тратят как раз на то,

чтобы растормозить тех, кто любит отсиживаться в сторонке, прятаться за спиной активистов.

— Был у нас в 8-м классе Игорь К. Ленивый, с места не сдвинешь. Однажды собирали мы макулатуру. Я предложила мальчишке самый ответственный «пост» — принимать и учитывать каждый килограмм. Следуя привычке открячиваться от поручений, Игорь буркнул: «Буду я еще на улице стоять, мерзнуть». Повернулся и пошел. Потом смотрю: стоит на улице, мерзнет, но все придирчиво взвешивает, старательно записывает. Похвалили его. С того дня стал Игорь бессменным организатором сбора макулатуры и металлолома. А главное — наш актив еще одним человеком пополнился. Эта простенькая история многому меня научила: не командуй, не только требуй дела, а предлагай его. Тогда, может, увлечешь и тех, от кого не ждут никакой работы. Игоря не сам сбор макулатуры привлек, ему ответственность понравилась, ощущение собственной необходимости.

Вот еще о чем я хочу сказать. Есть ребята, которые, прежде чем согласиться на какое-то дело, начинают прикидывать: «А что это мне даст?» Я из себя выхожу, когда слышу такое. В нашем Коломенском горкоме комсомола не так давно рассматривалось персональное дело. Секретаря комсомольского комитета одной школы исключали из комсомола за развал работы. Собрания там не проводились, взносы не собирались, приемом в комсомол не занимались. Зачем он тогда соглашался, чтобы его избрали на такой беспокойный пост? Выяснилось, что парень этот собирался поступать в мореходку и очень рассчитывал получить направление от горкома комсомола... Но разве можно строить будущую жизнь по расчету? Да еще прикрывать свои небескорыстные интересы комсомольским билетом!

...Да, все мы сейчас накануне своего будущего. В октябре мне исполнится восемнадцать. Кажется, много прожито, а ничего еще не сделано. Даже не решила еще, кем быть. Я-то считаю: главный вопрос, каким быть. А кем — второй. Мама говорит: «Поступай на исторический, в пединститут». А вдруг я чужое место займу? Одно знаю точно — работа в комсомоле прояснила — дело мое там, где надо постоянно быть среди людей, работать с ними.

Я фотографией увлекаюсь. Больше всего мне нравится проявлять и печатать. Это так интересно, когда на бумаге появляется изображение. Сначала контур. Потом все четче-четче. А вот в жизни у нас как все сложится, пока неясно. Один контур. Каким получится готовый «снимок» — неизвестно. От нас самих все зависит...

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

«К сожаленью, день рожденья только раз в году», — поется в известной детской песенке. Свой собственный — да. А дни рождения друзей, близких? Вспомните то особое настроение, когда вы достаете из гардероба выходное платье, заворачиваете подарок.

Подарок... «Папа, дай денег на подарок маме». А через некоторое время: «Мама, дай денег — я куплю подружке подарок: у нее день рожденья». Поверьте, в любом возрасте самую большую радость доставит самодельный подарок, особенно если знать, что любит, чем интересуется именинник. Но что и как сделать?

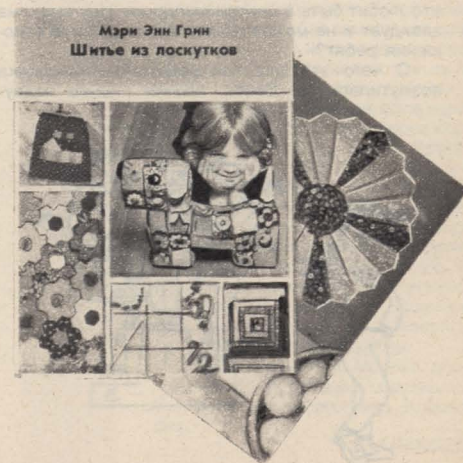
Попробуем обратиться к книгам.

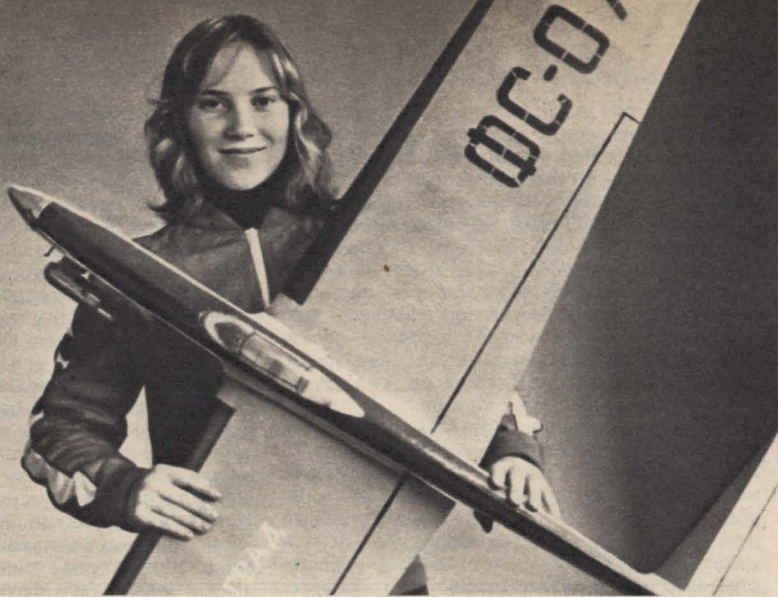
В издательстве «Просвещение» вышло несколько богато иллюстрированных книг-альбомов для учащихся, переведенных с английского языка: П. Негри «Учись вязать», Дж. Джексон «Поделки из бумаги», И. Грей «Мягкие игрушки, куклы и марионетки», Б. Мейнард «Плетение», М. Грин «Шитье из лоскут-

ков». Изданы они многотысячными тиражами, но вряд ли задержались на прилавках магазинов. Спросите эти книги в библиотеках — в школьной, клубной, районной. Поиски нужной книги всегда следует начинать с библиотеки. Если там ее не окажется, ваша заявка должна быть передана в библиотеку областную, республиканскую.

В каждом доме найдутся обрезки, кусочки, остатки материала. Книга М. Грина «Шитье из лоскутков» предлагает дать им вторую жизнь. Попробуйте воспользоваться ее советами. Работа предстоит несложная: подготовить, то есть выстирать и выгладить лоскутки и, выбрав модель, нарезать их по шаблону, а затем сшить, или, что быстрее, прострочить на швейной машинке. Мечтающим о собаке можно смастерить очаровательного тряпчатого друга, малышам — лоскутную куклу или большие мягкие кубики. Маму обрадуют веселые занавески или скатерть, а старшую сестру, подругу — летняя сумка или модная сейчас стеганая безрукавка. Подробно о том, как сшить безрукавку и собаку, рассказывается в приложении к этому номеру.

Т. ДИМИТРОВА,
библиотекарь.

Летать можно и не отрываясь от земли, считает Светлана Филиппова, пятнадцатилетняя школьница из Ленинграда. Ее авиамодель с бензиновым мотором отлично выполняет все фигуры высшего пилотажа, и не случайно на Всесоюзном юношеском первенстве по авиамоделлизму Светлана, единственная девочка в числе соревнующихся, завоевала второе место.

Увлечение не мешает Светлане хорошо учиться, много читать, заниматься в секции фехтования.

И. ЦУКИНА

Фото М. ШИРМАНА.

«Я ЗАВИДУЮ? НИЧЕГО ПОДОБНОГО!..»

Вот-вот, зависть как раз тем и отличается от прочих других человеческих слабостей, недостатков и пороков, что в ней никто и никогда не признается, даже сам себе. Сколько самокритичных исповедий приходит мне: «Я несдержанна...», «Я бываю грубой...», «Я ленива до ужаса...», «Я безвольна...». Но не помню, чтобы кто-то огорченно сообщил: «Я завистлива». Хотя писем от тех, кто страдает из-за чужой зависти, немало.

«Я заболела и почти два месяца пролежала в больнице. Меня постоянно навещали ребята из класса. Иногда почти все являлись в больничный скверик. Я была очень тронута, не думала раньше, что ко мне так относятся. В школу вернулась в прекрасном настроении. Ко мне и домой теперь приходят многие — послушать музыку, поболтать. Иногда мы вместе занимаемся. Приятно. Но вот самую близкую подружку я потеряла. Света вдруг перестала навещать меня в больнице. И сейчас почти не замечает. Спрашиваю: что произошло? Пожимает плечами: «Ничего». Света не скрывает, что любит быть в центре внимания. Неужели она завидует и не может простить мне доброго отношения ребят?»

«С чего это она так решила?! — наверняка возмутилась бы Света, прочтя письмо подру-

ги.—Чему тут завидовать? Если бы ее полюбили за какие-то заслуги — другое дело. А то ведь просто жалеют...»

Завистливый человек чаще всего уверен, что он правдолюбец и поборник справедливости.

Разбирали в классе сочинения, и учительница литературы сказала: «Лучшая работа у Кати Ивановой — и по глубине мысли и по стилю. Мы должны поздравить Катю с успехом». Катю сочинение читали вслух, на перемене многие выражали ей свое восхищение: «Ну ты и выдала!», «Почти Белинский!». Но отличница Маша поспешила внести трезвость в столь незрелые оценки: «Такое многие могли бы написать. Тематическая, примитивная, тут и думать нечего. Сильные ученики взяли за сочинения по-сложнее...»

Неприятно испытывать на себе чью-то зависть. Можно утешиться лишь одним: если завидуют, значит, ты действительно в чем-то преуспел. И при этом... пожалеть завистника. Ему-то, бедному, во сто крат тяжелее. Ведь что такое зависть? Жгучее чувство досады из-за чьих-то успехов, чье-то везения. Из-за своих собственных неприятностей страдай, да еще из-за чужих радостей мучайся. Сплошные терзания: «Почему это досталось ему? За какие-то заслуги? Он что, лучше меня?» И если уж невозможно не отметить чьих-то достоинств, завистник их преуменьшит донельзя, зато недостатки всегда разглядит в лупу. «Да, Петрова пользуется успехом у мальчиков, с ней весело... Но ведь она вульгарна, глупа, слова умного не услышишь...» «Да, Сидоровой новое платье идет, но как она толста и неуклюжа...»

Почему мы говорим о зависти? Какое отношение она имеет к правилам этикета, хорошим манерам, о которых мы обычно ведем речь в этой рубрике?

Зависть — это же свойство души. Да, и как раз именно из-за этого свойства некоторые ведут себя неприлично.

Вся команда поздравляет новую чемпионку с победой, а чемпионка бывшая нетерпеливо кричит своей подружке: «Таня, что ты там раскудасалась?! В буфет опоздаем!» И потом ей же, наедине: «Нашла кого поздравлять! Если бы я не упала, а у тебя лыжа не сломалась — не видать бы ей первого места». Скажи экс-чемпионка своей преемнице лишь два слова: «Молодец! Выстояла.» — у всех бы на душе потеплело и, главное, самой бы стало легче.

Умеем ли мы отмечать чужие победы, не боясь их переоценить, говорить человеку в его праздник добрые слова? Не всегда хочется? Не всегда получается? Конечно, нелегко себя пересилить, нелегко заглушить досаду: «Почему успех достался не мне — другому!» Но кто мешает его догнать, попробуй, поставь перед собой такую цель. Может быть, тогда справишься с неприятными чувствами?

Между нами, девочками, говоря, если ты человек воспитанный, чужая радость может доставить столь же хорошие минуты, как и своя. Вот таким воспитанным можно и позавидовать.

«ПОДРУЖКА»

Твоей выпускной

Эти письма из почты «Подружки» слились для меня в одно, смешав север и юг, морозы и оттепели, Дудинку и Ташкент, поселок в Приморье и курортный городок в Литве. Слились, потому что отличаются друг от друга разве что запятыми: «Здравствуй, Подружка! Через три месяца мы сдадим экзамены. Впереди — выпускной вечер. Так хочется, чтобы прошел он необычно и запомнился. Пожалуйста, посоветуй, как к нему подготовиться: как подобрать ткань и фасон для платья, какую причешку сделать, как пользоваться косметикой...»

На память мне приходит недавняя встреча с ребятами, окончившими школу два-три года назад. Неизбежное: «А помните?..» И воспоминания о конкурсах и диспутах, собраниях, спектаклях.

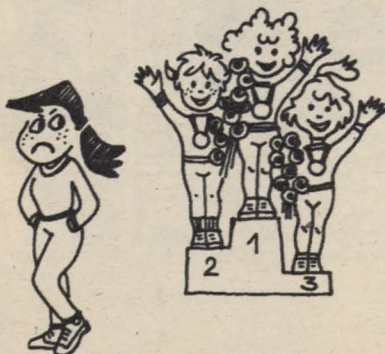
— Ну, а выпускной? — останавливаю я этот поток.

— У Ленки платье было из зеленого крепдешина, в «люксе» шила... А у Марины — бежевое с туникой, как у древней гречанки...

Воспоминания становятся похожими на сопроводительный текст при демонстрации моделей одежды. И это у ребят — умных, изобретательных, неистощимых на выдумку! Почему же так вышло? Быть может, потому, что и они в свое время думали не о том, как провести выпускной бал, а в чем?

Конечно, девочки, понятно ваше желание быть неотразимыми, «самыми-самыми» на первом взрослом празднике. Хочется войти в знакомый зал — и чтобы все ахнуло! И, представьте себе, ахают! Ахают, увидев, как до неузнаваемости изменила девушку ее новая, взрослая прическа. Учителя тактично промолчат, а подружки наивно воскликнут: «Ирка! Это ты или твоя мама?»

Красивыми и нарядными хочется быть всегда, на любом вечере. Так почему же эта проблема становится единственной, когда речь идет о вечере выпускном? Я не утрирую. Об этом свидетельствуют и письма в редакцию и беседы с ребятами. Десятиклассники пишут и говорят, что хотели бы видеть свой вечер «не

таким, как другие школьные вечера», «замечательным», «самым счастливым» и т. д., а волнует их прежде всего то, «какую сделать прическу», «где можно сшить бархатный костюм», «где купить туфли цвета бирюзы». У меня в запасе множество подобных мануфактурно озабоченных писем-близнецов.

И собираются необычайно красивые — в бархатных костюмах и босоножках цвета бирюзы — на самый необычный школьный вечер, а о том, как пройдет он, отвечают: «Обыкновенно...»

По какой-то странной традиции выпускной вечер ребята, как правило, не готовят сами. И зачастую выходит, что к себе в школу они приходят гостями. Учителя отвечают за официальную часть. За подготовку ужина берется родительский комитет. Куда деваются строгие, сдержанные, разумные мамы и папы! Трещит семейный бюджет, и без того расшатанный тратами на наряд к вечеру. Неумным и не туда направленным энтузиазмом родители — из лучших побуждений! — иной раз превращают единственный в своем роде праздник в обыкновенное застолье.

Но пожелаем всем родительским комитетам десятых классов благоразумия и чувства меры и подумаем, что же могут сделать сами ребята, имеющие опыт проведения интереснейших и разнообразных школьных вечеров, все лучшие «ноты» которых могут войти в заключительный «аккорд» вечера выпускного?

Предвижу возражения: когда же им? Экзамены, напряженный труд... Но готовь сани летом, а... выпускной вечер — зимой. Это, кстати, поняли во многих школах. Так, в московской 268-й его программу обдумывали задолго до экзаменов — наспех ничего интересного не выйдет. И вот та же неизбежная форма: торжественная часть, ужин, танцы, прогулка на теплоходе. Но выпущены стенгазеты «Здесь десять классов пройдено», с выдумкой украшен зал, играет школьный ансамбль, переливается цветомузыка. И на протяжении всего вечера идет передача школьного радиозула. В ней стихи об учителях, песни, написанные в их честь, шуточные интервью, смешные случаи из старого — с первого по десятый — школьного и новейшего экзаменационного фольклора. Эта радиогазета стала как бы невидимкой — распорядителем вечера. Ведущие выходили в эфир всегда вовремя, улавливая, когда затягиваются паузы в беседе за праздничным столом, или понимая, что ребята устали от танцев.

На мой взгляд, совершенно необходимо, чтобы кто-то «правил бал». Вспомним ведущего в известных телепраздниках, к примеру, в «Голубом огоньке»: он объявляет исполнителей, приглашает к танцам, предлагает темы

разговора, словом, дает направление вечеру, ведет его за собой. Уверена, что в каждой школе есть эдакий «душа общества», знающий всех, всем симпатичный, умеющий держаться непринужденно, веселый и находчивый. Он и представит выступающих, и проведет игру или аттракцион, и пригласит к столу, и объявит «белый танец», заметив, что девушки ждут его, и первым закружится в вальсе.

С современными танцами проще. Кажется, воздух в зале переливается, музыка переплетается со светом, с ритмичными движениями — танцуют все! Но не стоит превращать бал в танцевальный марафон, замыкая его четырьмя стенами — пусть и просторного — зала.

Выпускной — это прощание, расставание. Пусть завтра вы встретитесь на улице, в институтской аудитории, в проходной завода или в гостях у любимой учительницы, сегодня вы расстаетесь. А при прощании надо, просто необходимо поговорить — о том, что было, что будет и как...

В зале под топот ног и гром музыки это невозможно. Но представьте: классные комнаты, превращенные в нечто вроде мини-клуба. Полумрак, свечи... Здесь читают стихи.

Детство, детство... Утренними росами
Отзвенело ты давным-давно.
Многое пришлось постичь мне, взрослому,
Из того, что в детстве не дано.

А на горы взгляд нет-нет да брошу я,
И теплей становится в груди.
Ведь на свете самое хорошее —
Это знать: вершина впереди.

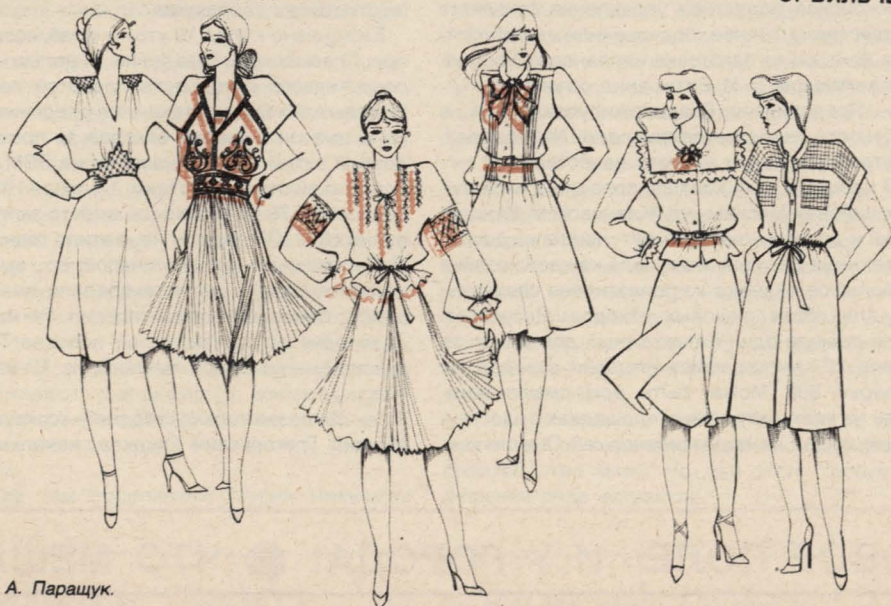
В этой классной комнате переборы гитары, негромкие голоса.

А в соседней — горячий спор о выборе пути, о завтрашнем дне. С выпускниками сегодняшними делятся опытом, рассказывают о своих «победах и пробелах» выпускники прошлых лет, которые с радостью приходят в школу на такие вечера.

За следующей дверью — взрывы смеха. На доске — «перлы» из школьных сочинений, на стенде — выставка шаргалок. Учителя и ученики вспоминают экзамены, подтверждая истину древних мудрецов, что приятны воспоминания о прошедших печалях.

А дальше... А дальше я не буду подсказывать, ибо не сомневаюсь, что в каждой школе найдутся ребята, выдумщики и фантазеры, они сумеют изобрести что-то свое, что, понравившись, приживется и станет традицией. И никому не придется скучать на выпускном. И всем будет весело и радостно даже без бархатного костюма или туфель цвета бирюзы.

О. ВИЛЬЧЕК

Модели А. Парашук.

В. И. Тер-Маркарян, В. И. Аралова
и Н. А. Савельева
получили награды КСЖ.
Фото В. ГРЕВЦОВА.

В ФОНД МИРА

Москва, Украинский бульвар, 12, — адрес выставочного зала, где время от времени экспонируются произведения живописи, графики, скульптуры, средства от продажи которых поступают в Фонд мира. Устраиваются выставки Комиссией содействия Советскому фонду мира при Московском отделении Союза художников.

Заместитель председателя этой комиссии В. Тер-Маркарян рассказала: «С какой-то особенной теплотой и чувством гражданского долга отдают безвозмездно и по пять, и по десять, и по двадцать работ многие наши художники. Вдова народного художника СССР Н. Н. Жукова дважды сдала по двадцать графических листов. Есть у этих выставок и такие почетные участники, как Герои Социалистического Труда, академики М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов, известные всей стране Кукрыниксы. Выставки посвящались знаменательным событиям: Международному году ребенка, дню рождения В. И. Ленина, Дню Победы, недавнему Всемирному конгрессу женщин в Праге. Четыре последние выставки-продажи пополнили Фонд мира на 45,5 тысячи рублей».

На выставке-продаже, посвященной Всемирному конгрессу женщин, были представлены работы столичных художниц. Многие произведения получили высокую оценку зрителей. В зале царил особая атмосфера доброго единения тех, кто создавал произведения искусства, и тех, кто их приобрел. Их объединяла глубокая вера — мир будет сохранен, воля и разум победят. Средства от продажи картин решено направить на содержание детских домов Вьетнама и Кампучии.

Комитет советских женщин в канун 8 Марта отметил участников выставки медалями и грамотами. Среди награжденных заслуженный художник РСФСР В. И. Аралова, директор комбината прикладного искусства В. В. Лыжина, молодые художницы К. В. Нечитайло, Т. Д. Ковригина, Л. Ф. Решетникова и другие.

Почин, ставший в Москве доброй традицией, подхвачен художниками Симферополя, Волгограда, Красноярска.

В. АЛЕКСЕЕВА

А ЕСЛИ ОТХОДЫ- В ДОХОД

В этой пятилетке намечено увеличить производство мяса более чем на 2 миллиона тонн. ЦК КПСС призывает всячески поддерживать инициативу, предприимчивость на местах, чтобы удовлетворить продовольственные нужды народа. И опыт убеждает: использование пищевых отходов для откорма свиней — один из путей увеличения производства мяса.

Каждая хозяйка должна знать, что два ведра пищевых отходов (25 кг), пущенных на корм, — это в будущем килограмм свинины! В прошлом году 200 тысяч тонн свинины было получено в стране только за счет пищевых отходов. В совхозе «Детскосельский» Ленинградской области, например, где пищевые отходы включают в рацион кормления свиней, себестоимость центнера свинины 75 рублей, в то время как в целом по области — 122 рубля!

Хороший опыт использования пищевых отходов накоплен и в Московской области. В двенадцать откормочных хозяйств вывозится и сдается до одного миллиона тонн таких отходов в год. Обратный поток: на прилавки магазинов поступает свинина, а с мясокомбинатов — колбасы, ветчина... Пищевые отходы, сданные Москвой за год, заменяют 200 тысяч тонн зерна. А по стране эти так называемые неплановые корма позволяют ежегодно экономить до одного миллиона тонн фуражного зерна. Чтобы вырастить столько, понадобилось бы отвести под пашню дополнительно свыше 600 тысяч гектаров земли.

Для организации сбора, вывоза и использования пищевых отходов в РСФСР создана межведомственная комиссия, в которую вошли представители Министерства торговли РСФСР, Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР и Министерства сельского хозяйства РСФСР.

— Все мы прекрасно понимаем, какой существенный резерв кормов для животноводства — пищевые отходы, — говорит член рабочей группы этой комиссии, главный экономист Главжилуправления Минжилкомхоза РСФСР Лидия Поликарповна Асташева. — Поэтому держим под постоянным контролем сбор, вывоз и использование пищевых отходов, проводим смотр-конкурсы в городах на лучшую организацию этого дела. И результаты есть: за последние десять лет сбор пищевых отходов по Российской Федерации утроился. Но все же, как считают ученые Академии коммунального хозяйства, города могли бы давать в два раза больше этого дешевого корма. Если бы все отходы шли в дело, мы могли бы иметь

ежегодно дополнительно по стране не 200, а 400 тысяч тонн мяса! За чем же дело? Не везде есть областные конторы по заготовке неплановых кормов, некому организовать сбор пищевых отходов. Далее, не хватает специальных автомашин для их вывоза, емкостей и оборудования для хранения и переработки. Некоторые хозяйства Воронежской, Липецкой, Тамбовской и других областей отказываются принимать пищевые отходы, так как у них нет кормоцехов.

— Недовольны и мы «урожайностью» городского «кормового поля», — добавляет начальник Управления свиноводства Министерства сельского хозяйства СССР Борис Андреевич Плаксин. — Вот две цифры: 58 и 10 килограммов. Первая — количество собранных за год отходов на одного жителя города Зеленограда, относящегося к зоне Москвы, вторая — годовой сбор на одного горожанина в Литве. Разница в цифрах, как видите, разительная. Значит, есть резервы у «кормового поля» города!

Итак, о резервах и о том, что мешает их использовать.

В московских домах далеко не везде на лестничных площадках можно увидеть специальные емкости для пищевых отходов, хотя каждые полтора года тару (ведра и баки) меняют. Куда же они деваются?

— Три месяца послужат — и выбрасываем, — проясняет ситуацию И. А. Канаева, работница по дому № 8-а на 3-м Нижне-Лихоборском проезде (так называют теперь тех, кто следит за чистотой в подъездах), — дольше жестяные ведра не выдерживают — начинают протекать. Видать, для отходов из отходов же и делают.

Обеспечивает жилые дома столицы тарой Московское областное управление сельского хозяйства, а точнее, подчиненная ему областная контора по заготовке неплановых кормов. Управляющий В. И. Евтушенко объясняет:

— Предприятия Главмосжилуправления, в частности, завод металлоизделий № 3, бывает, поставляют ведра низкого качества.

В прошлом году контора провела в нескольких районах Москвы — в Ждановском, Кунцевском и других — эксперимент: пошла на дополнительные расходы и вручила каждой хозяйке небольшое ведерко из полиэтилена специально для сбора пищевых отходов. Результат: если прежде один пятиэтажный дом давал за месяц 227 килограммов пищевых отходов, то теперь — 800. Может быть, есть смысл заменить на всех лестничных площадках существующие ведра на полиэтиленовые? Они легкие,

прочные, их не надо красить, и служить будут несколько лет. Дороже обойдется, но ведь оправдается с лихвой!

Сборщице пищевых отходов (правда, официально такой должности не существует — сбором занимаются на добровольных началах, но за дополнительную оплату, дворники, лифтеры, работницы по дому) нужны не только ведра, баки, но и тележка, чтобы довести отходы до контейнера. Такая тележка есть «Неудобная она да и тяжелая — в пустую надо вдвоем впрягаться» — таково единодушное мнение сборщиц. Но, допустим, дотащила женщина тележку с баком до контейнера, а дальше что? Бак с отходами весит не менее 20 килограммов, его надо приподнять, опрокинуть в контейнер. А сборщицы, как правило, люди пожилого возраста. Такая тяжесть им не под силу...

Под пищевые отходы приспособлены обычные контейнеры для сбора бытового мусора емкостью 550 литров и больше. Чтобы заполнить такой контейнер, одному сборщику потребуется пять-шесть дней. А за такой срок пищевые отходы портятся. Тогда решили: пусть несколько сборщиков из разных домов свозят отходы в один контейнер, а вознаграждение делится поровну. Спрашиваем у работницы по дому Е. В. Кузнецовой:

— Сколько вы получаете в месяц за сбор пищевых отходов?

— Не больше трех рублей... — И добавляет смущенно: — Понимаете, по-разному люди относятся к своим обязанностям, а получают одинаково. Никакой материальной заинтересованности.

Надо ли удивляться, что в Москве не хватает шести тысяч сборщиков.

Ежедневно с 9 до 10 утра в штаб, созданный при Главмосжилуправлении с целью «более оперативного руководства работой по сбору пищевых отходов», стекаются сведения о сборе и вывозе пищевых отходов за прошедший день, а затем обрабатываются на ЭВМ. Берем один такой отчет. Смотрим: 1 ноября 1981 года вывезено 536 тонн отходов вместо запланированных 920. Оказалось, не хватило транспорта. В Гагаринском районе, например, вместо 7 машин вышли 3, да и те сделали по одному рейсу. Советский район просил 14 машин — дали одну. И совсем уж не повезло Тимирязевскому — ни одной машины из 12 не получил.

— Да разве только сегодня? — сокрушается Михаил Григорьевич Грудков, начальник Уп-

● ЕСТЬ «КОРМОВОЕ ПОЛЕ» И У ГОРОДА! ● ЧТО МЕШАЕТ

Каждая хозяйка знает: прежде чем обед появится на столе, куча очисток наберется в кухне. Да и после обеда кое-что останется. На селе это добро аккуратно сложат в ведро и вынесут на подворье, где водится живность. А в городе? Здесь все остатки зачастую выбрасывают в мусоропровод. Между тем пищевые отходы — отнюдь не мусор, это хороший корм для скота.

Больше собирать отходов, лучше их использовать в животноводстве — это в немалой степени зависит и от горожанок и от сельских тружениц. Вот почему журналы «Работница» и «Крестьянка» решили объединиться и посмотреть, что мешает пищевым отходам в лучшем виде и побыстрее преодолевать путь от лестничной площадки городского дома до свиноплеменника в деревне.

правления благоустройства Главмосжилуправления, он же начальник штаба. — Случается иной раз, что пищевые отходы приходится прямым ходом везти на свалку. Тысячами тонн!

Почему же не принимаются меры? Ведь штаб призван «оперативно руководить работой по сбору пищевых отходов...». Оказывается, специальные машины-контейнеровозы находятся в ведении не Главмосжилуправления, а Главмосдоруправления. Поэтому требования начальника штаба, его просьбы нередко транспортниками не выполняются. Возникает вопрос: нужен ли штаб, который не наделяется необходимыми полномочиями?

Следить за распределением транспорта обязана и Московская контора неплановых кормов. Но и она, имея график вывоза пищевых отходов, воздействовать на автобазы неправомочна.

В Москве за сбор и вывоз неплановых кормов отвечают и штаб, и контора, и межведомственные комиссии в районах. Но, как мы убедились, в итоге оказывается, что «у семи нянек — дитя без глаза». В течение прошлого года Главмосдоруправление не дало городу более 5 тысяч машин, необходимых для доставки пищевых отходов в откормочные хозяйства.

Мы в совхозе имени Тимирязева Московской области. Это — одно из хозяйств, где пищевые отходы используются для откорма свиней. Технология несложная: сначала отходы пропускают через дробилки, затем варят в специальных котлах, «варку» обогащают различными питательными добавками и по трубам подают в кормушки.

Кавалер ордена Трудового Красного Знамени, мастер животноводства I класса Мария Ивановна Шведова ведет нас в свой корпус. Начинается кормление свиней. Свет лампочек едва пробивается сквозь клубы пара. С непривычки трудно дышать. Заметив наше состояние, Мария Ивановна поясняет:

— Корма влажные, воды в них процентов восемьдесят. В сутки свинья съедает до 16 килограммов «варки», а если переработать ее на сухой корм — хватило бы четырех килограммов. Я слышала — есть такой опыт в Белоруссии, в совхозе «Селюты». Там пищевые отходы обезвоживают, смешивают с концентратами, получают гранулы. В свинарниках чисто, сухо, хоть в тапочках ходи! Вот бы и у нас так сделать...

Между тем подопечные Марии Ивановны

заканчивали свой «обед». На дне кормушек четко обозначился мусор: кости, железки, стекло, полиэтиленовые пакеты, тряпки, то, что оказалось не «по зубам» дробилке.

— Ну почему хозяйки в ведра для отходов бросают что попало? — с обидой говорит Мария Ивановна. — Больше часа приходится чистить кормушки. А будь отходы чистыми да сухими, я бы не 700, а 1000 свиней обиходила. Вот вам и резерв для роста производительности труда.

Права в своей обиде Мария Ивановна... И мы спрашиваем горожанок: почему в ведрах для отходов мусор?

В подмосковном совхозе «Останкино» такие же проблемы. Чтобы осушить помещения свиноплеменника, здесь пошли на дополнительные затраты — значительно увеличили мощность вентиляторов и калориферов. И все-таки воздух в помещениях, где скармливают пищевые отходы, тяжелый. И тут выслушиваем жалобы на чрезмерную засоренность пищевых отходов: до 150 килограммов на тонну.

— Выход один, — говорит главный зоотехник совхоза «Останкино» В. А. Тон, — перерабатывать пищевые отходы в гранулированные корма. Конечно, лучше бы делать это не в совхозе, а там, где собирают отходы. Но такого завода рядом с Москвой нет и неизвестно, когда будет. Вынуждены строить цех у себя. Собираемся пустить его к концу этого года.

— Вывозить пищевые отходы непосредственно на свиноплеменники — ничем не оправданное расточительство, — считает и Н. Г. Шамов, руководитель лаборатории Всероссийского НИИ механизации животноводства.

С группой специалистов Н. Г. Шамов только что вернулся из белорусского совхоза «Селюты», того самого, где, по словам Марии Ивановны Шведовой, в свинарниках «хоть в тапочках ходи». На основе разработанной там технологии Николай Гаврилович и его коллеги проектируют завод, способный каждые сутки превращать 500 тонн пищевых отходов в гранулированный корм. Три таких завода под Москвой, по их расчетам, полностью переработают «урожай» московского «кормового поля» в удобный для перевозки — легкий и сухой. Только от сокращения транспортных перевозок в первый же год экономия составит полтора миллиона рублей.

Итак, отходы с нашего стола могут дать ощутимые доходы, существенную прибавку в производстве мяса. Но для этого требуется решение ряда вопросов.

«РАБОТНИЦА» И «КРЕСТЬЯНКА» ПРОСЯТ ОТВЕТИТЬ:

ГОСПЛАН СССР

— Как решается вопрос изготовления тары из полиэтилена и пластмасс, тележек, необходимых для сбора пищевых отходов?

МИНИСТЕРСТВО СТРОИТЕЛЬНОГО, ДОРОЖНОГО И КОММУНАЛЬНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ СССР

— Какие меры принимаются для увеличения производства автомобилей типа М-30, которые сейчас используются на вывозе пищевых отходов? Что делается для создания принципиально новой специализированной машины?

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

— Как решаются вопросы проектирования и строительства заводов и цехов по переработке пищевых отходов в гранулированные корма?

ГОСКОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО ТРУДУ И СОЦИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ, МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ СССР

— Что делается для повышения материальной заинтересованности работников, занятых сбором пищевых отходов?

ИСПОЛКОМЫ МОССОВЕТА И МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

— Не стоит ли упростить систему организации сбора и вывоза пищевых отходов, сведя ее к двум звеньям — конторе, имеющей в своем подчинении спецавтобазу, и жилищно-коммунальной организации, как это сделано в Ленинграде?

Л. ЛЯНГЕ, корреспондент
журнала «Работница».

В. КОВАЛЕНКО, корреспондент
журнала «Крестьянка».

А ЧТО ЖЕ МЫ, МУЖЧИНЫ?

Поговорим о наших детях

Ничего необыкновенного не произошло в тот воскресный майский день. Я не открыл тогда новый закон физики и не купил автомобиль. Просто пошел с одноклассниками моего сына в поход. Поход — это, правда, название громкое для недалекой прогулки, которую мы совершили. От дома до места назначения надо было пройти километр. Один-единственный. «Таинственный остров» расположен в черте города, в пределах нашего микрорайона. Да и собиравшись мы в путешествие, надо сказать, недолго.

Утром сын сказал:

— Ты плохо, папа, себя чувствуешь. Значит, за город мы не поедим?

Жалко, когда пропадает целое воскресенье. И я решил, что если сил на дальнюю поездку не хватит, то небольшое путешествие я выдержу.

— Идем в Коломенское, — сказал я.

— Ура! — запрыгал от радости сын и спросил: — А можно пригласить Кольку?

— Хорошо.

Позвонили Коле. Коля тоже обрадовался, но, замаявшись, сказал, что не может идти без Бори и Владика, а Владик, как выяснилось по цепочке, хотел бы взять с собой Аню и Иру. Нечестно же, чтобы сам ты шел на такое интересное дело, а товарищи твои в это время зеленели от скуки! Мне ничего не оставалось, как согласиться: действительно, нечестно.

Через час выяснилось, что в «поход» (это слово родилось во время переговоров по телефону) пойдет еще девять ребят.

— Ну, раз поход, — решил я, — значит, надо печь картошку.

И по цепочке был передан приказ:

— Взять по пять небольших картофелин, соль и воду для питья. Сбор возле нашего дома в три часа дня.

В условленное время возле дома сгрудились «походники», причем их было явно больше, чем девять. Когда мы с сыном спустились к ребятам, выяснилось, что Жене жаль было оставлять младшего братика, а девочки пригласили подружек из другого класса. По виду девочек я понял, что в походы им ходить едва ли приходилось: одеты они были так, будто собрались на бал, — белые гольфы, туфельки, нарядные платья. У некоторых в руках — сумочки (не спортивные). Но в этих сумочках, как оказалось, лежали картофелины. Мальчишки были одеты более походно. Но не они, а наши «барышни» предложили изменить маршрут и пойти в Коломенское не по асфальтовому тротуару, а через пустырь, который остался на месте снесенной деревеньки.

Было солнечно и жарко, но прошедшие недавно дожди превратили пустырь в болотце. И вот это-то обстоятельство и доставило громадное удовольствие участникам похода. Правда, в самых опасных местах я перетаскивал ребят на себе. Так что можете представить, в каком виде добрались к месту назначения. Обосновались мы в овраге, на берегу ручейка. Собрали хворост, развели небольшой костерок, пекли картошку, пели «раз словечко, два словечко — будет песенка», даже танцевали. Около нас остановились взрослые и дети и чуть-чуть с удивлением, чуть-чуть с завистью смотрели на нашу компанию, в которой были мальчишки и девочки восьми-девяти лет и дядя неопределенного (судя по поведению) возраста.

Домой вернулись мы часам к восьми. И девочки и мальчишки получили задание вычи-

стить обувь, выстирать уже не белоснежные гольфы, носки, тренировочные штаны и так далее.

И тут же в нашей квартире затрещал телефон. Первое, что я подумал: не потерял ли кто из девочек сумочку? Нет, меня благодарили родители, причем так благодарили, будто я за свои деньги свозил ребят в Крым. И вот тут-то мне стало грустно, хоть весь день был таким светлым, что я забыл и об усталости и о нездоровье. А невесело стало оттого, что прогулку с группой детей люди посчитали чуть ли не за подвиг. Да было ли мне трудно в «дальнем» пути? Единственная трудность — перенести ребят через лужу. Но, если бы сил у меня на это не хватило, мы добрались бы другим путем. В крайнем случае можно было собраться в скверике, тихонько попеть песни, рассказать друг другу истории, разгадать замысловатый кроссворд, поиграть в шашки — да мало ли интересных занятий возникает, когда вышли ребята погулять в солнечный день! А если ненастье, можно картошку спечь дома, в плите. Мы, кстати, так уже делали — ребятам ужасно нравится.

Весь мой «подвиг» заключался в том, что с ребятами был мужчина, папа. Тут весь секрет успеха. Оказывается, папы редко, очень редко проводят свое свободное время с детьми. Ну, во-первых, нечего греха таить, есть папы, у которых на первом плане — бутылка, им не до детей. А во-вторых, немало внешне благополучных семей, где папа и с работы приходит вовремя, а все равно для детей он как бы отсутствует — у него дела, мол, поважнее. Мужского воспитания, увы, не дает и сегодняшняя школа, в ней от силы пять-шесть мужчин: физкультурник, военрук, учитель труда, возможно, учитель физики или математики. Этого явно мало.

Наши прекрасные мамы шьют, готовят, стирают, хорошо работают на производстве и при этом воспитывают детей. А что же мы-то, отцы? Не знаю, как вам, а мне так редко удается увидеть во дворе взрослого мужчину в общем занятии или игре с ребятами. По пальцам их перечислю.

Живет у нас по соседству солидный дядечка, который играет с ребятами в футбол. Я вижу его каждую субботу и воскресенье на спортивной площадке. Я незнаком с ним, как-то не решился познакомиться, но знаю, что он никакой не тренер, а просто папа одного из маленьких футболистов. Этот человек, который даже не знает, что я его очень уважаю, не применяет никаких педагогических новшеств. Однако педагогический эффект от самого его присутствия налицо: невзирая на погоду, собираются команды, игра идет по правилам, над площадкой не слышно бранных слов. Никто не хохочет, если кто-то из мальчишек крепко ударится (а обычно, да будет известно, не сочувствуют — хохочут). Вот и весь на сегодня видимый результат влияния на ребят этого моего неизвестного мне доброго человека.

Однажды заметил, как какой-то папа катал на «Жигулях» мальчишек — вероятно, товарищей своего сына. Проедет по кольцу километра два, возвращается к «остановке», а там его ждут другие нетерпеливые пассажиры.

Я не призываю всех пап — владельцев машин заниматься перевозками детей. Но если едешь в воскресенье за город и в машине осталось незанятое местечко — почему бы не взять чужого, но нашего ребенка? Или везешь

Первое дежурство.

дочку в музей — что, трудно взять с собой ее подружку? Почему бы не пригласить товарища сына вместе посмотреть по телевизору хоккейный матч?

Ответ на подобные вопросы чаще всего такой: да просто не приходило в голову! А ведь любим порассуждать: наши дети, дескать, зачатую единственные в семье, растут какими-то разобщенными, пассивными. А разве не известно: природа не терпит пустоты. Дефицит общения с мужчинами из числа близких или знакомых часто заполняется для ребят общением с «мужчинами» улицы. Сначала это может быть подросток, а потом дядя, непонятно где и когда работающие.

На моих глазах из-под моего влияния уходит мальчишечка, назовем его Петя. Петя еще мал, он ничего плохого не совершил и, надеемся, не совершит. Он только исчез из компании моего сына и начал водиться с ребятами, которые старше его лет на семь-восемь. Он буквально липнет к ним, хотя они, бывает, и гонят его. Чем же привлекательны для Пети великовозрастные «озорники»? Псевдосмелостью — могут «поддать» кому-нибудь, пустить солёное словечко. Закон вечный: хорошему надо долго и терпеливо учить, а плохое само прилипает.

Мы говорим про иных ребят — педагогически запущен. Да, педагогически запущен, но кем? И нами тоже. Если у ребенка нет выраженных способностей, его могут не взять в

ЗАПАХ СОСНОВОЙ СМОЛЫ

Фотоэтиюд В. МАРИНЬО.

спортивную секцию или в кружок фото, а вот улица не отказывается от него. «Педагоги» улицы объясняют такому неохваченному, что теперь у него будет все: признание, дружки, веселая жизнь и минимум дисциплины. А маленькому пацану, который не защищен ни природной силой воли, ни воспитанием, такие перспективы очень нравятся.

За мальчика Петю я, конечно, еще подерусь. Но у меня немного свободного времени, да и педагогического таланта тоже вроде нет, как нет и специальных знаний. Я инженер. Вот если бы меня поддержал сосед слева — художник, да и сосед справа — немногословный, сдержанный парень, у которого в руках притягательная для мальчишек профессия — столяр.

Убежден: в любом микрорайоне есть много настоящих мужчин — спортсменов и умельцев, певцов и радиотехников, к которым я и обращаюсь за подмогой. Мы научились хорошо коллективно работать на производстве, заниматься общественными делами. А почему нам не объединиться в таком наиважнейшем деле, как воспитание нашей смены?

И я бы за победу свою посчитал, когда бы у меня в квартире раздавался звонок и чей-то папа сказал: «Вы знаете, я еду с сыном на рыбалку, не отпустите ли и вашего сынишку со мной?»

Т. ВАХНИН, инженер

Москва.

В последнее время я стал замечать, что меня не оставляет чувство тревоги. Словно чего-то важного недоделываю, упускаю. И это не профессиональная неудовлетворенность, когда хочется работать лучше. С ней, хорошей и беспокойной неудовлетворенностью, учитель не расстается никогда. Нет, здесь тревога вроде бы из-за пустяков: то ребята класс убрали неважно, то за дежурство замечание получили, то стенд тематический который уж день прибить не удосужатся.

Мелочи? Но в воспитании детей нет несущественного, потому что в будничных школьных заботах создается характер, происходит становление личности. А раз так — нельзя сбрасывать со счетов и небрежную уборку класса, и растоптанный у доски мел, и равнодушие к засыхающему на подоконнике цветку.

Многолетний учительский опыт позволяет сопоставлять и обобщать. И когда начинаешь соединять разбросанные по дням случаи в одно целое, когда прислушаешься в перемену к взволнованным высказываниям других классных руководителей, — тревога усиливается. Почему у нынешних ребят так часто наблюдается пренебрежение к будничному труду, к хозяйственным поручениям и заданиям, к тому, что мы называем самообслуживанием?

...Сотни мальчиков и девочек проходят через школьную столовую: завтракают, обедают, покупают в буфете молоко, компот, пирожки. Казалось бы, чего проще: поел — отнеси свою тарелку и стакан в мойку. А посмотришь к концу перемены: на каждом столе — груды грязной посуды, разбросанные куски хлеба, надорванные пакеты из-под молока. «Забывчивых» останавливает дежурный учитель: «Вернись!» Мальчики и девочки неохотно собирают стаканы и тарелки да еще с обидой поглядывают на педагога: «Ну чего придирается... Есть дежурный класс — он и уберет».

...Полы намазали мастикой, теперь их надо натереть, чтобы блестели, чтобы приятно и радостно было входить утром в свою школу. Но стоит учителю отлучиться — мальчишки сбиваются стайкой, и начинается оживленная беседа. Причем речь идет о вещах серьезных: о факультативе по физике, о «дне открытых дверей» в военном училище, о статье из научно-популярного журнала... Когда же в коридоре появляется воспитатель, старшеклассники продолжают натирку полов, но с таким видом, будто они делают одолжение.

Не сомневаюсь, в каждом классе есть замечательные ребята — энтузиасты по своей душевной сути, которые все сделают на совесть, справятся с любым поручением, даже если учителя нет рядом. Но получается подчас, что на таких и ложится большая доля всех работ и поручений, а за счет их стараются отсидеться «в тени» остальные.

— А у меня стол шатается — писать нельзя! — встречает учителя в дверях кабинета широкоплечий юноша — спортсмен и поэт.

Он искренне огорчен: сейчас сочинение, а стол шатается.

— Подтяни болт, — советует учитель.

— А чем?

— Да возьми что-нибудь... ну, монету.

Юноша недоумоенно смотрит на учителя, затем достает из кармана двухкопеечную монету и закрепляет болт. Недоверчиво трогает стол: больше не качается.

— Значит, сочинение напишешь хорошо, — улыбается учитель, но улыбка немного

грустная: почему же старшеклассник не догадался сам, что надо сделать?..

И сколько таких примеров приносит каждый школьный день!

Было бы несправедливо говорить мне про своих ребят, что они «ленивы и нелюбопытны». Я ежедневно вижу их в труде, настойчивом, целеустремленном. Забывая про время и усталость, они ломают голову над сложной задачей, увлеченно занимаются на факультативе по химии. Стоит только заглянуть в научные доклады старшеклассников, как воочию убеждаешься, какой огромный труд вложен в них. Не случайно многие юные химики нашей школы удостоены почетных дипломов и грамот. То же можно сказать и про любителей спорта. Уж они-то знают, что победа в соревнованиях зависит от тренировок, от готовности к преодолению трудностей. Нет, в бездеятельности, в отсутствии энергии и инициативы ребят не упрекнешь. Но откуда же такая неохота взяться за швабру, откуда такое высокомерное отношение к черновой работе, которой никогда не стыдится и не чурается хорошо воспитанный человек?

Кое-что помогла нам прояснить проведенная среди старшеклассников анкета. Оказалось, больше половины учащихся освобождены дома от бытовых работ. Значит, всю тяжесть семейных дел приняли на свои плечи родители. Причем зачастую папы и мамы объясняют это заботой об учебе своих детей: «Пусть лучше уроками занимается! Пусть лишнюю книгу прочитает!» Когда же на родительском собрании такое положение подвергается критике, тотчас же выдвигается возражение: «Вы же знаете, какая у детей нагрузка! Где уж им помощниками быть! Вот выучатся — и тогда...»

Такая «забота» оборачивается тем, что сыновья и дочери вырастают белоручками, эгоистами, которые на первый план выдвигают свое благополучие, свое личное удовольствие. Представьте, каково придется такому в студенческом или рабочем общежитии? А в собственной семье, которую он создает? Привычка хозяйственные заботы перекладывать на другого порой становится и характером и судьбой. Выходит, вырастили человека, не подготовленного к жизни. Приучили его надеяться на других, с детства отстраняли от домашнего труда, в котором может проявиться самое лучшее в человеке — доброта, внимательность, готовность прийти на помощь ближнему.

Справедливо писал в свое время А. С. Макаренко: «Нам не нужны люди, воспитанные на молчаливом подвиге матерей, обормотленные их бесконечным жертвоприношением».

Не могу забыть случай во время моего дежурства по школе. Я остановил перед первым звонком в вестибюле девушку-девятиклассницу: уж очень бросилось в глаза неопрятное, неглаженое платье. Когда я тихонько сказал об этом, девушка вспыхнула и зло произнесла:

— Ну, задам ей сегодня...

— Какую? — удивился я.

— Как кому?.. Матери... Ведь говорила ей вчера!..

Эту девушку хвалят за незаурядные математические способности, за эрудицию и начитанность. Что ж, вероятно, так и есть. Но не потеряны ли ею в успешном восхождении к вершинам знаний ценные душевные качества? Восполнить их намного труднее, чем растерять. И право, у меня не вызывает восторга юный

вундеркинд, углубленный в чтение учебника Ландсберга в то время, когда мать убирает квартиру, а отец с большим сердцем передвигает мебель. И сколько бы ни ссылались на требования научно-технической революции: «Нужны люди одержимые... На мозг молодых обрушился бурный поток информации, с которым нелегко справиться,—электроника, бионика, атомная энергетика, космонавтика, кибернетика...»,—я уверен, что никакие научные открытия не отменили сердечности и светлой радости от честно исполненного долга. «Рукам и душе работа—человеку праздник»,—говорит народная поговорка. Праздником могут стать и скромная домашняя работа, и уборка урожая на совхозном поле, и ремонт школьной парты. Главное—уважать любой труд.

У Лены К. умер отец. Тяжелая болезнь приковала мать к постели. Но Лена не пала духом и с домашними делами справлялась и блестяще училась. Не помню случая, чтобы она отказалась от общественных поручений. А когда мы выходили на трудовой субботник, Лена показывала пример другим. Она мечтала стать врачом, однако не смогла сразу поступить в институт. Два года работала санитаркой в больнице. И не просто отбывала время, а работала с душой, с искренним желанием помочь людям, попавшим в беду. Ее приходом на дежурство ждали больные, ее ласково называли «наша Леночка». А теперь с таким же теплым чувством говорят: «Наш доктор!»

Не могу не вспомнить еще один случай. Мои ребята проходили производственную практику на текстильной фабрике. Дали задание—разобрать склад, разложить по порядку шпули. Дело не особо сложное, надо лишь быть внимательным и терпеливым, чтобы не напутать. Не все выдержали монотонность работы, стали отвлекаться, устраивать «перерывы». Тогда настрой всему классу дали братья Герасимовы—Борис и Виктор. «А ну, кто первый выдаст тысячу шпуль?»—с вызовом спросили они. И своим азартом невольно заразили других, и скоро в соревнование включился весь класс. «Молодцы! Здорово помогли!»—поблагодарил тогда комсомольцев начальник цеха. Мне захотелось познакомиться с Герасимовыми поближе, и я пошел к ним домой...

То, что я увидел, лучше всяких слов объяснило, в чем истоки трудолюбия учеников. В квартире пахло свежераспиленными досками. Отец с сыновьями на самодельном верстачке подгоняли полочки стеллажа. Работали они весело, увлеченно, помогая друг другу. И чувствовалось, что рассыпанная на блестящем паркете стружка ничуть не портит настроение матери. И очень живили комнату развешанные на стене картины, искусно сделанные из различных пород дерева. Сделанные руками мужчин...

Незаметно пролетел вечер в этой дружной семье. Слушая рассказы родителей, я понял, что именно от старших передались детям уважение к труду, ответственность за любое порученное дело. А сыновья в это время убрали комнату и засели за уроки. Прощаясь с ними, я подумал, что, какую бы профессию юноши ни избрали, эту «привычку к труду благородную» они сохраняют навсегда. И навсегда останется в их памяти родной и волнующий запах сосновой смолы, что проступала янтарными капельками на распиленном бруске.

Тепло и благодарно думаешь о таких семьях. Но много ли их? Не уменьшается беспокойство в сердце: а все ли сделал я, чтобы каждый мой воспитанник выходил в жизнь настоящим тружеником, не мысля своего счастья без честного самоотверженного труда? Ведь будущее моих учеников зависит и от меня...

И. ДРУЖИНИН,
учитель

Ленинград.

ЕСТЬ ТАКОЕ СЛОВО— ЭТЭК

— Экибастуз стал для меня родным,—говорит Ольга Романовна Гаршина, портрет которой вы видите на вкладке. И хотя сотни километров от Экибастуза—города на севере Казахстана—до Алма-Аты, где Ольга Романовна Гаршина руководит лабораторией в Казахском отделении института «Энергосетьпроект», это правда: от того, как работает она и тридцать сотрудников ее лаборатории, очень многое зависит в судьбе Экибастузского топливно-энергетического комплекса.

— Все крупнейшие реки страны,—поясняет Ольга Романовна,—ее богатейшие угольные месторождения расположены к востоку от Урала, а три четверти населения живет к западу от него—в европейской части, этим промышленным районам энергии не хватает. Перенести топливно-энергетическую кладо-

вую страны из Восточной части в Западную невозможно. Зато можно перенести выработанную на тепловых и гидроэлектростанциях электроэнергию.

ЭТЭК—так сокращенно называется Экибастузский топливно-энергетический комплекс. Богатейшее Экибастузское месторождение угля, залегающего близко к поверхности, известно давно. Но уголь здесь высокозольный, и перевозить его на большие расстояния невыгодно. Поэтому в непосредственной близости от карьеров, где уголь добывают открытым способом, размещаются пять электростанций мощностью 4 миллиона киловатт каждая. Это значит, что общая мощность всех станций ЭТЭКа будет равна мощности четырех Братских ГЭС. Станции здесь сооружаются по поточно-скоростной системе. Сейчас на Экибастузской ГРЭС-1 уже введены в действие четыре энергоблока по 500 тысяч киловатт каждый. В мае войдет в строй пятый, а до конца 1982 года—шестой, и начнется монтаж седьмого. К концу 11-й пятилетки дадут ток первые агрегаты Экибастузской ГРЭС-2. Энергия ЭТЭКа уже пошла к промышленным гигантам Казахстана—Соколовско-Сарбайскому горнообогатительному комбинату, металлургическим предприятиям Джезказгана и Балхаша, а скоро эта энергия вольется в общий поток Единой энергетической системы страны.

— Я считаю, что мне и моим коллегам из Казахского отделения института «Энергосетьпроект» очень повезло,—говорит Ольга Романовна Гаршина.—Мы с первых дней участвуем в разработке основных принципов формирования ЭТЭКа и его связей с Единой энергетической системой страны.

Если представить ЭТЭК мощным и жизнестойким организмом, то смысл работы лаборатории управления режимами можно определить как планирование обеспечения жизнестойкости этого организма. Именно здесь, в лаборатории, исследовали, как разместить все пять электростанций ЭТЭКа, учитывая

Наука... Новости...

ТЕПЛО ЗЕМЛИ. КАК ЗАСТАВИТЬ ЕГО СЛУЖИТЬ ЧЕЛОВЕКУ? В 1967 году в СССР была введена в строй первая Паузецкая геотермальная электростанция мощностью в одиннадцать тысяч киловатт. Эта станция использует пар, поступающий по скважинам из подземных пластов Земли. Сейчас Паузецкая геотермальная обеспечивает электроэнергией промышленность и население северо-запада Камчатки.

Используя опыт первой станции, ряд конструкторских и проектных организаций страны разработал технико-экономическое обоснование строительства еще одной геотермальной станции на Камчатке—недалеко от Петропавловска, в районе вулкана Мутновский. Ее предполагаемая мощность—210 тысяч киловатт. В этой пятилетке будет пущена первая очередь—50 тысяч киловатт. Станция не только улучшит электроснабжение края, но даст огромную экономию, ведь сейчас топливо приходится везти сюда морем.

Но может быть, геотермальные станции возможны только на Камчатке? Ведь такого богатого гейзерами и вулканами края в Союзе больше нет. Можно ли строить геотермальные электростанции в других районах?

Вот что рассказывает заведующий лабораторией геотермальной энергетики Государственного энергетического научно-исследовательского института имени Г. М. Кржижановского В. А. Васильев:

— Разработан проект геотермальных электростанций нового типа. Они могут распола-

гаться в Крыму, в предгорьях Северного Кавказа, в Закарпатье. Пока планируется построить их в Ставропольском крае и в Дагестане. Дело в том, что горные породы на глубине пяти тысяч метров нагреваются до 170—200°C. Задача станции—«снять» это тепло. Для этого по скважинам, пробуренным в породе до горячих пластов, закачивается холодная вода, затем нагревшаяся вода перекачивается на поверхность, пар поступает в турбины электростанции. Это принципиально новый тип станции, подобных на земном шаре еще нет.

Строительство геотермальных станций вообще перспективно. Работают они почти полностью в автоматическом режиме, не требуют большого числа рабочих. Не загрязняют окружающую среду, что тоже немаловажно.

ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ ГЕЛИОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА РАБОТАЕТ В КАЗАХСТАНЕ. Она расположена в отрогах гор, недалеко от Алма-Аты. Здесь специальные солнечные установки используются для лечения бронхиальной астмы, хронической пневмонии, бронхита, заболеваний кожи, периферической нервной системы. Благоприятно влияет гелиотерапия и на состояние сердечно-сосудистой системы—у пациентов улучшается легочная вентиляция, восстанавливаются капиллярное кровоснабжение, тонус и эластичность периферических сосудов, в крови повышается содержание гемоглобина.

Прибор, с помощью которого проводится лечение, сравнительно прост. В рефлектор вмонтированы зеркала так, что отражающиеся от них лучи концентрируются в одной точке—фокальном пятне. Большого помощника в

множество требований — технических, экономических, охраны природы.

— Двадцать вариантов электротехнических схем для ЭТЭКа разработали мы, — рассказывает Ольга Романовна, — чтобы выбрать единственно верную, оптимальную схему. С технической стороны выгоднее разбросать электростанции комплекса на большом расстоянии: при аварийных ситуациях повреждения линий вблизи электростанций всегда более опасны. Но с точки зрения экономики да и в интересах охраны окружающей среды (а это очень важно учитывать) комплекс должен быть компактным. Вот тут-то и понадобились все двадцать вариантов схем будущего комплекса, предложенных нами: была возможность выбрать наилучшую. И выбрали — все станции расположены рядом. А чтобы бороться с токами короткого замыкания, которые возникают при аварийных обрывах проводов или при повреждении оборудования, в нашей лаборатории разработано специальное противоаварийное устройство — электронный советчик диспетчера.

ЭТЭК — комплекс уникальный, раньше таких не было. И, естественно, для его ГРЭС и линий электропередач нужно новое оборудование, многие виды которого наша электротехническая промышленность начинает осваивать и выпускать впервые. В разработке конкретных требований к этому оборудованию принимала непосредственное участие и лаборатория, руководимая Гаршиной.

Недавно Ольге Романовне Гаршиной присвоено почетное звание «Отличник энергетики СССР». А друзья и коллеги-энергетики называют ее полшутя, но и с большой долей серьезности и уважения «повивальной бабкой Экибастуза». Ольга Романовна не обижается — человек она с юмором и молодым задором, и отвечает так: «ЭТЭК — общее дитя, наше и пятилетки!»

Е. ГУСЛЯРОВ

Наука...

специальную кабину напротив рефлектора, раскачивающегося с определенной частотой. Фокальное пятно скользит по телу больного, не задерживаясь на одном месте, чтобы мощный поток концентрированного солнечного света не вызвал ожогов.

Курс лечения состоит из 20—30 «солнечных сеансов» продолжительностью 10—15 минут. Лечебница действует круглый год, только за летний сезон обслуживает около 1000 человек.

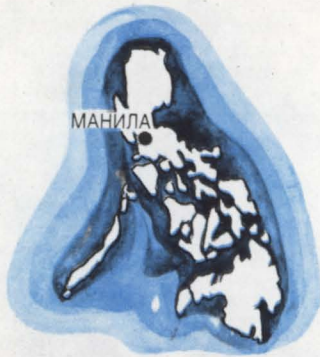
ПЕРВАЯ В СССР ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ СОЛНЕЧНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ СООРУЖАЕТСЯ В КРЫМУ. Потоки солнечного тепла будут восприниматься гелиостатами, расположенными на башне высотой в 70 метров. Движением 1600 гелиостатов, каждый с зеркальной поверхностью в 25 кв. м, управляет ЭВМ, заставляя их поворачиваться так, чтобы уловить максимум солнечных лучей. Отраженные лучи направляются на парогенераторы, а пар используется, как в обычной ГРЭС.

Место для таких станций выбирается с учетом наибольшего количества солнечных дней в году. Но это вовсе не значит, что в пасмурную погоду станция будет простаивать — выработка электроэнергии в эти дни будет происходить за счет тепла, накопленного аккумуляторами.

Широкая программа исследований, которую проведут ученые на этой экспериментальной станции, позволит разработать типовой проект солнечных станций. Ученые предполагают, что станции, построенные по этому проекту, сэкономят десятки миллионов тонн условного топлива.

ФИЛИППИНЫ

Так, всей семьей, сажают крестьяне рис.

В деревенском доме.

Маленький ныряльщик.

Республика Филиппины — государство в Юго-Восточной Азии, расположенное на 7107 островах Филиппинского архипелага, из которых обитаемы около 800. Здесь живут 49 миллионов человек разных национальностей: висайя, тагалы, илоки, моро и другие. В XVI веке страна подпала под власть Испании, в начале XX века здесь установили свой диктат американские империалисты, в годы второй мировой войны острова оккупировала Япония. В 1946 году Филиппины были провозглашены независимой республикой. Но американский милитаризм простирает и сюда свои руки: на филиппинской территории расположили США свои военные базы.

Филиппины — бедная страна, хотя недра ее богаты медью и хромом, золотом и железом, марганцем и ртутью. Транснациональные капиталистические корпорации занимают в экономике страны господствующее положение. Более половины всех капиталовложений приходится на долю американского капитала. Значительная часть населения — до 40 процентов — живет в бедности.

Автор очерка Владимир Иванович Григорович был первым советским журналистом, аккредитованным в Республике Филиппины. Корреспондент «Правды», он имел возможность близко познакомиться с жизнью филиппинского народа, встречался с рабочими и крестьянами, студентами и интеллигентами, торговцами и рыбаками. Был свидетелем упорной борьбы, которую ведет филиппинский народ за действительное освобождение родины от иностранной зависимости.

В очерке «Простое счастье» рассказывает о подлинных событиях. С согласия тех, о ком идет речь, сохранены их настоящие имена. Уже после возвращения на Родину автор узнал о печальной судьбе Силии — ее пристанищем стал так называемый «ночной клуб».

Я опять проснулся ни свет ни заря. Вот уже который день мне не спится. То не дают покоя вечные корреспондентские заботы — нет им ни начала, ни конца, то бередают память воспоминания, гложет душу тоска по дому. А тут еще эта невыносимая жара. Если бы только жара! Липкая, изматывающая тело и мозг влажность, от которой нет спасения ни днем, ни ночью. Еще и этот озон. Его резкий, специфический, сладковато-приторный вкус я постоянно чувствую на губах, во рту, в легких. Это от постоянных гроз все вокруг наэлектризовано. Я всегда любил дожди и грозы. Но эти катастрофические низвержения воды из хлябей небесных успели изрядно надоесть.

Да, только здесь, в тропиках, на краю всегда перегретого и насквозь пропитанного беспощадным солнцем океана можно по-настоящему оценить, что это за великое чудо природы, что за прелесть наша русская зима. Красивая, здоровая, бодрая, с ее сказочными метелями и скрипучими морозами. Как я мечтаю о ней здесь, в этом вечном однообразии!

Вот и этой ночью, разбросав липкие сырые простыни, опять видел во сне снег, поземку... Наверное, от этого и проснулся.

Но что же делать? Вставать вроде бы еще никак не время, но и заснуть не удастся. А день сегодня, похоже, будет, наконец, ведренный — очень птицы за окном распелись. Ну просто как майским утром под Москвой. Если закрыть глаза и заставить себя не думать об окружающем, можно мысленно перенестись домой. Вот сейчас распахнется дверь на веранду и вбегут, нет — влетят как угорелые Оля и Катя: станут тормошить меня, с утра пораньше

В. ГРИГОРОВИЧ

ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ

тащить на речку купаться или кататься на лодке. Лихие у меня девчонки!

Соскучился я по своим озорницам дочкам, по семье, по дому. Тяжело все-таки русскому человеку жить далеко от России. Вот уж действительно страшная это штука — ностальгия. А еще труднее жить в чуждом нашей психологии мире. Здесь, за рубежом, начинаешь особенно ясно и глубоко понимать, как далеко ушли мы вперед в нашей жизни, в своем общественном развитии. Начинаешь в полную меру ценить наши гуманные и справедливые, действительно демократические порядки и понимать, сколько же миллионов и сотен миллионов людей во всем мире может нам только завидовать...

Интересно, сколько сейчас времени? Должно быть, рано. Солнце еще только-только выкарабкивается из-за нерезких в предутрен-

ней дымке далеких гор. Впрочем, со двора уже доносятся голоса. Женский, мягкий — это Силия. Хрипловатый, мужской — Ано.

Сейчас Ано, вероятно, подметает рисовым веником дворик, дорожки вокруг бассейна, площадку под манговым деревом. Потом примется за уборку здания корреспондентского пункта.

Трудная судьба у этого, еще нестарого, но уже сморщенного и всегда виновато улыбающегося человека. Много лет он живет отдельно от своей семьи. Жена и не то десять, не то двенадцать детей обитают где-то далеко в затерянной на севере от Манилы деревне. Там у него крохотный клочок земли, доставшийся его отцу от деда, а ему — от отца. Есть у него и кормилец — вол. По местным нормам это целое сокровище. Ано любит с гордостью говорить, что когда-то он уплатил за него всего 300 песо, а теперь такого красавца не купишь и за тысячу. Вот только стареет, но еще потрудится на рисовом поле. Есть у Ано также свинья и несколько кур. Словом, по здешним понятиям, Ано — серьезный, а может быть, даже «самостоятельный» хозяин. Во всяком случае, миллионы батраков и мелких арендаторов, не говоря уж о бездомных и безработных, о таком и мечтать не могут.

Но прокормить семью это «самостоятельное» хозяйство не может. Своего риса хватает от силы на полгода, потом приходится прикупать. А ведь к рису требуется еще и рыба и соль. Опять же нужны и керосин и одежда... Без денег никак не обойтись. А откуда их взять?

И Ано вынужден был отправиться в город на заработки. Так делают многие. Но далеко не всем везет. Ему же повезло: нашел место прислуги. С тех пор минуло пятнадцать лет, а он так и не может вернуться к своей семье, к земле. Пытался было пристроить в городе вместо себя старшего сына, да ничего не получилось: не знает тот английского. А хоть и знал бы? Разве сейчас найдешь место, когда охотников до любой работы пруд пруди. Сотни тысяч бездомных и голодных только в самой Маниле. У сына и специальности-то никакой — не мог учиться. А здесь, в городе, полно безработных с образованием.

«Отдам ему землю, — говорит Ано, — и пусть будет за хозяина. А сам останусь подрабатывать в городе». Так и живут: жена и дети сами по себе, а он сам по себе, один у чужих людей. Два-три раза в год отпросится на несколько дней в деревню, поможет там убрать скромный урожай или высадить рассаду, оставит в семье заработанные в городе песо, подсобит, чем успеет, по хозяйству и назад — «в люди».

...Незаметно к оглушающему гаму птиц примешивается какой-то другой, нудный и тяжелый звук. Он доносится откуда-то издалека, из старой части города — оттуда, где порт, а может быть, от пивного или цементного завода. Едва уловимый сначала, он постепенно становится все громче и все назойливее. Сперва вроде бы о чем-то просил. Потом стал звать, а теперь требует и даже угрожает. Постепенно им заполняется все вокруг: улицы, площади, бухта, небо... Да это же рабочий гудок, догадываюсь я наконец. Пожалуй, пора и мне подниматься, половина седьмого — самое прекрасное время для работы: еще не жарко, и уже нет проклятых mosquitos.

Правда, сегодня суббота, но разных дел хоть отбавляй. Только что получил из профилактики машину корпункта, а она не хочет заводиться, не работает спидометр, отказал сигнал, пропал колпак, подменили аккумулятор... Беда с этими «солидными» компаниями: пока вербуют тебя в свои тенета, ис гекают медом. В ход пускают все: и хитроумную рекламу, и щедрые посулы, и совершенно неправдоподобные «гарантии». Но стоит только клюнуть на их удочку, — а куда, собственно, деваться? — и все мгновенно меняется. Теперь задача компании — по возможности крупнее тебя надуть:

денег выманить побольше, а сделать поменьше, кое-что и кое-как. Бизнес есть бизнес, смысл его — прибить, и чем выше, тем лучше.

Не забыть бы, нужно что-то решать с Силией. Не знаю, что и делать! В прошлое воскресенье надо было пригласить на обед несколько местных коллег-журналистов. Понадобилась помощь: приготовить обед, накрыть на стол, убрать и помыть посуду. Кто-то из них прислал знакомую девушку — Силию. А когда гости разошлись вечером по домам, выяснилось, что Силии некуда деваться. За нее пришел просить Ано. Он-то и рассказал ее историю — для здешних мест довольно обычную, но от этого не менее грустную.

Силии 23 года. Окончила школу, потом училась в колледже у себя в провинции. В Манилу приехала сдавать экзамены на учителя начальной школы. Но на экзаменах провалилась и вот оказалась без работы, без денег. Возвращаться домой? Стыдно: родители столько лет отказывали себе во всем и платили за ее учебу, чтобы потом она могла помочь им. А она? Кроме родителей, дома еще восемь ртов. Братья и сестры тоже надеются на нее: ей ведь одной из всей семьи посчастливилось учиться в колледже. Что же ей теперь делать? В городе сколько таких, как она, готовых работать только за рис, за ночлег, за каких-нибудь 15—20 песо в месяц, то есть за 2—3 американских доллара. Некоторое время она жила у дальних родственников, но те сами еле концы с концами сводят. Задолжала им за постой и за еду 300 песо, и вот теперь...

Ано попросил разрешения остаться ей в корпункте до конца недели — может, за это время удастся найти хоть какой-нибудь заработок. Она ведь все может и на все согласна. И по-английски говорит и пишет хорошо.

Сегодня истекает эта «неделя надежды». Никакого заработка она, конечно, не нашла. В корпункте для нее работы нет. Нужно уходить, а куда? Ума не приложу, что с ней делать.

...Входит Силия и молча протягивает почту. Ну, конечно же, она ждет какого-то решения. Но что я могу ей посоветовать, чем помочь в чужом для меня городе, в чужой стране? Чтобы как-то сгладить неловкость и выиграть время, медленно достаю из пачки сигарету, беру спички. Любопытная попалась коробка: на этикетке знак Либры — по нашему Весов. Я родился в октябре — значит, это мой знак. Посмотрим, что меня ждет. Открываю страницу с гороскопом в газете — советы штатного попа на сегодня. Этот «пророк» рекомендует «терпение» и обещает за это все то же — «лучшую жизнь потом», «там, где будут равны и счастливы все». Спасибо, папаша, за совет. Никак не могу смириться с мыслью, что есть люди, которые могут верить всем этим авантюристам и проходивцам! А вот Силия верит и в бога, и в его земных наместников, хотя на помощь от них не рассчитывает.

Чтобы прервать тягостное молчание, спрашиваю у Силии, какой у нее знак Зодиака?

— Отец говорил, что родилась под звездой счастья, — отвечает она.

Я смотрю в ее темное скуластое лицо и машинально поправляю:

— Под счастливой звездой.

Она согласно кивает головой.

— Ну, и что же, — срывается у меня бестактный вопрос, — вы счастливы?

— Не знаю, сэр, — искренне признается она. — Священник сказал, что я должна быть счастливой, потому что я молода и здорова. Может быть, найду работу, и тогда я стану счастливой.

Оттягивая еще на несколько минут огорчительный для Силии разговор, открываю одно из писем и читаю — это очередное приглашение выступить с рассказом о нашей стране. На этот раз перед студентами. Просят рассказать, как мы, коммунисты, понимаем «свободу, демократию и равенство». Это приглашение с подвохом. Молодежь хотя «поднатаскать» по

этим вопросам, так сказать, выработать у них иммунитет против «коммунистической пропаганды». После встречи с советским журналистом им долго будут потом «промывать мозги» с помощью лжи и религии, подтасовок и запугиваний. Аудитория, перед которой приходится выступать, в политическом отношении в лучшем случае малограмотна. До наивности. Но раздражает не столько политическое невежество. В конце концов это не их вина, а их беда. Меня возмущает какой-то удивительный, абсолютно ничем не оправданный инфантильный апломб, с которым они судят обо всем. Вот уж действительно: «Знать не знаю, а сказать могу». Небось, та же Силия искренне считает, что «самая лучшая», самая что ни на есть «подлинная и полная демократия» существует, конечно же, в США; «все люди равны» опять же только в пресловутом «свободном мире». Слепленная всеразъедающей демагогией, она не видит той страшной правды, что единственная ее свобода — подышать с голоду или идти на панель. А ее равенство? С кем? С миллионером, которому за гроши прислушивают дюжины таких Силий и Сюзанн? Их демократия... В чем она? В том, что забытые судьбой, такие люди, как Ано, в этом их «безумном, безумном мире» имеют право раз в несколько лет выбирать между двумя «господами-хозяевами» — между тем, который чуть-чуть «левее», и тем, что ровно настолько же «правее»? Вот сдохнет у Ано кормилец — вол или смоем очередным наводнением его хижину, что тогда? По миру идти? Ни их «демократическое» государство, ни самый что ни на есть «радикальный» кандидат не даст тому же Ано

бесплатной квартиры — держи карман шире. И Ано это, естественно, знает, но все же, думаю, не очень верит, когда я говорю ему, что обычная крестьянка в нашей стране может быть депутатом парламента, что не человек у нас ищет работу, а, наоборот, работа ищет человека, что наживаться одному за счет труда другого запрещено законом, что... Прищурив свои хитрые карие глаза, он вежливо слушает меня в таких случаях, а сам — вижу по его лицу — думает: «коммунистическая пропаганда».

...А Силия не уходит. Стоит поодаль от стола и ждет. Что ей сказать?

И вдруг мне становится невыносимо тошно и противно. Я готов послать ко всем чертям с матерями этот несправедливый, корыстный, подлый мир с его ханжеским боженкой, лицемерием, демагогией и продажностью!

— Вот что, Силия, — говорю я неожиданно для себя. — Вы можете, если, конечно, хотите, остаться здесь до следующей субботы... Нет, до конца месяца! А там посмотрим, может быть, что-нибудь все-таки удастся придумать. Не идти же вам, в самом деле, на улицу!

Она смотрит на меня черными, как тропическая ночь, немигающими, широко открытыми глазами и молчит. «Почему она молчит?» — не понимаю я и, пытаясь как-то заполнить эту невыносимую паузу, добавляю:

— Только, пожалуйста, имейте в виду, я не располагаю возможностью уплатить вам более ста песо. Это все, что я имею сейчас, после отпуска.

Она открывает рот и, словно глотая воздух, едва внятно произносит:

— Вы согласны, сэр, чтобы я... разрешаете мне, сэр, остаться здесь до конца месяца?..

Голос ее дрожит. Чего доброго, еще разрешается — этого только не хватало. Но она не плачет. И не благодарит. Глядя в пол, все так же тихо добавляет:

— Это ужасно, сэр. Но я не знала, куда идти. Это почти конец для меня. Оставалась панель... Извините...

Она не договаривает, резко поворачивается и, закрыв лицо ладонями, убегает во двор дома.

А через минуту оттуда уже доносится ее голос и смех. Потом долетает голос Ано. Они о чем-то оживленно говорят по-тагальски, потом опять смеются.

Я высовываюсь в дверь и спрашиваю:

— Чему вы так радуетесь?

— Я же сказала, сэр, что родилась под звездой счастья.

— Под счастливой звездой, — снова поправляю я.

Она смеется:

— Да, сэр.

Восую улыбается Ано.

Улыбаюсь и я. Про себя. И думаю: «Все-таки это чертовски здорово — подарить кому-нибудь хоть кусочек счастья. Хотя бы ненадолго!» И я иду к себе в кабинет — начинается очередной рабочий день, еще день на Филиппинах. Сегодня я обязательно должен написать о Силии и об Ано. И еще о свободе и о справедливости, о простом и ставшем уже привычным счастье, которое постоянно живет рядом с нами, советскими людьми, и которого мы часто не замечаем.

Встреча через годы

Письмо в редакцию

В вашем журнале в 1975 году было напечатано письмо Пастора Берталана, в котором учитель из г. Дунауйвароша рассказал историю спасения двух советских солдат жителями нашей деревни Надвеним. Этими солдатами были сержант Николай Богданов и гвардии старшина Владимир Бухарин.

Было это в январе 1945 года. Помню, я возвращалась домой от роженицы, принимала новорожденного (я акушерка). Слышу стон: неподалеку от дороги ле-

жал раненый советский солдат. Остановила лошадь, помогла солдату подняться, втащила его на повозку, прикрыла соломой и мимо немецких патрулей, танков привезла к себе в деревню. Молнар Фридеш, Фабиан Иштван и Михаил Фаркаш помогли мне занести раненого в помещение школы. Там односельчане укрывали еще одного советского бойца, он был тяжело ранен. Мы промыли солдату раны и, разорвав на биты принесенные сельчанами простыни, перевязали их. Наши женщины принесли одеяла, подушки, еду. Поили раненых горячим молоком. Через три дня пришли к

нам советские танки, раненых отправили в санчасть. Мы узнали, что солдата, которого я привезла, зовут Владимир, фамилия его Бухарин, а второй солдат — Николай Богданов. Об их дальнейшей судьбе нам ничего не было известно. И вот после письма Пастора Берталана мы в вашем же журнале прочитали, что оба солдата живы, откликнулись на письмо. «Встретиться бы снова» — под таким заголовком помещены были в «Работнице» письма и отклики.

И с одним из них встречи состоялись, встречи через тридцать с лишним лет. С радостью и любовью, как самых дорогих гостей, встречали мы всем селом инженера из Новосибирска Владимира Бухарина и его жену Валентину. Вспоминали о пережитом, рассказывали о сегодняшней жизни. В 45-м наша деревня насчитывала всего 40 дворов, крестьяне имели очень мало земли, постоянно бедствовали. Теперь Надвеним — село в 900 дворов, крестьяне объединены в сельскохозяйственный кооператив — хозяйство крупное, высокотехнизированное, богатое. Все это мы показали нашим гостям. Каждый дом, каждая семья непременно хотели видеть их у себя. Дочь Розы Керек (Роза тоже ухаживала тогда, в 45-м, за раненым) Гизелла специально взяла от-

пуск, чтобы сопровождать гостей по местам боев, в которых участвовал старшина Бухарин. Мы постарались сделать все, чтобы Владимир и Валентина увидели, какой стала Венгрия за годы народной власти, как она расцвела, набрала сил.

А потом в гостях у Бухарина в новосибирском Академгородке побывали Гизелла Мария Радвани и Иштван Хорват, это уже наши дети. Выросли они в социалистической Венгрии, получили образование, хорошую специальность. О войне знают по книгам да нашим рассказам. Они, как и мы, высоко ценят дружбу с советским народом.

Недавно и мы с мужем посетили Академгородок в Новосибирске, жили в семье Имре (мы называли так Владимира по-мадьярски). Принимали нас как самых близких, как родных. Увидели мы, какая она, Сибирь. Академгородок великолепный, лес кругом, воздух чистый-чистый, дома, дороги красивые. А жители! Русские очень милые, дружелюбные люди.

Дружба, родившаяся в далеком 1945-м, крепнет и развивается. Молодые подхватили эстафету старших. Я знаю: сейчас многие наши школьники, рабочие, члены кооператива переписываются с новосибирцами, ездят друг к другу в гости, делятся своими радостями, мыслями и опытом. Это хорошо. Очень хорошо. Пусть так будет всегда.

Хорват ЛАСЛОНЕ

с. Надвеним, обл. Фейер, Венгрия.

На снимке: В. Н. Бухарин с теми, кто помог ему остаться в живых. Слева направо: Роза Керек, Ласло Йожефне, Хорват Ласлоне.

Фото В. ЛЮБИМОВОЙ.

Читает Антонина Кузнецова

Антонина Кузнецова, артистка Московской государственной филармонии, занимает сегодня достойное место в ряду наших лучших чтецов. Творческий диапазон ее очень широк. Она читает Пушкина и Грибоедова, Гете и Беранже, Герцена и Кюхельбекера, Цветаеву и современных советских поэтов.

Понятие «творчество» непременно таит в себе «смелость»: работа Антонины Кузнецовой отмечена смелостью подлинного творчества.

Создавая композицию по трагедии Гете «Фауст», проще всего было бы положить в ее основу любовную линию. Но артистка не идет к слову проторенным путем, легко обеспечившим бы сценический успех. Она стремится с наибольшей полнотой открыть слушателям глубину и величие творения Гете. Она читает историю человека, мучительно постигавшего смысл жизни и нашедшего его в созидательном труде на благо людей.

Поэтов пушкинской поры — Баратынского, Дельвига, Языкова, Дениса Давыдова, Вяземского — легче читать, как бы не помня, что рядом с ними жил Пушкин. Но Антонина Кузнецова не просто доносит до нас сокровенный смысл и очарование поэтических строк, созданных пушкинскими современниками: мы как бы слышим дыхание самого Пушкина и, сопрягая с ним созданное его товарищами, глубже познаем самоценность их поэзии и суть поэзии вообще.

И Герцен в ее новой программе — не только «былое» (как ни увлекательны под пером великого писателя эти страницы), но прежде всего — «думы». Думы Герцена о судьбах своего поколения и тех, кто придет на смену, о революции, о прошлом, настоящем и будущем России.

Творческая смелость артистки не в том, что она берется за «трудных» авторов и «трудные» произведения, но прежде всего в значительности поставленной задачи. Рассказывая о работе над композицией о Грибоедове, названной «Итог жизни», Антонина Кузнецова признается, что ее мысли и чувства занимает не один главный герой композиции. Вместе с ним «я, Антонина Кузнецова, размышляю о своей жизни: что же я такое? И зрители вместе с Грибоедовым и со мной думают каждый о своей жизни...».

Наверно, именно благодаря такой сверхзадаче, программы Антонины Кузнецовой очень современны. Их современность не приноравливание текста и манеры исполнения к сегодняшнему вкусу, к моде. Их современность — от постоянного стремления артистки к достижению высоких идеалов, составляющих смысл творчества для тех, чьи произведения она читает, и от осознания себя активным участником сегодняшней духовной жизни общества.

На встрече в журнале «Работница» Антонина Кузнецова читала отрывки из нескольких своих программ, но что бы она ни читала — Франсуа Вийона, Гете, Грибоедова или Цветаеву, слушателей покоряла наполненность каждого произнесенного слова смыслом и чувством...

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

Отцы, дети и бухгалтерия

Дела о взыскании алиментов относятся, пожалуй, к разряду тех судебных дел, которые по окончании процесса оставляют у всех его участников ощущение горечи. И если у иного ответчика эта горечь будет вызвана лишь сожалением об утраченной доле заработка, то для остальных — и для судьи, и для народных заседателей, и для истца — за словом «алименты» всегда встает семейная драма. Как возместишь детям уход отца, кем заменишь мать! Закон, даже самый гуманный, тут бессилён помочь. Но если к нравственным потерям прибавляются еще и материальные? Если не только от воспитания устраняется родитель, но и от минимальной обязанности материально помогать ребенку хочет себя избавить? Вот тогда возникает дело о взыскании алиментов. В результате его рассмотрения на белый свет появляется исполнительный лист. Выданный нарсудом, он теперь должен следовать за своим обладателем всюду — где бы тот ни работал, какое бы место жительства себе ни подыскал.

Должен. А на самом деле? Отцы-беглецы не зря ведь так часто становятся героями фельетонов (и мы в своем журнале их вниманием не обошли). Но, несмотря на все ухищрения, догнал бы исполнительный лист такого путешественника, если б не одно обстоятельство. На помощь не слишком ответственному алиментоплательщику приходят порой люди, по должности вполне ответственные.

Дело, которое слушалось в народном суде Московского района г. Риги, было несколько необычным. В роли ответчика выступал не отец-алиментоплательщик, а солидная администрация комбината банно-прачечных предприятий «Варавиксне».

Рута Яновна Лиепина обратилась в суд с иском о взыскании с комбината, где ее бывший муж проработал около года, образовавшейся задолженности по алиментам.

...Они разошлись 10 лет назад. На вопрос «почему?» Рута отвечает одним словом — пил. Что добавить? Не расскажешь ведь за пять минут, как несколько лет изо всех сил боролась за него, боролась с ним! Как ждала из заключения, куда угодил спяну за хулиганство. Как читала сквозь слезы его письма, добрые и нежные, как верила, что вернется и все пойдет хорошо, по-новому, и как, едва вернулся, поняла, что спасать надо уже не его — детей, спасти себя. Она осталась с двумя детьми, старший сын — инвалид с детства. А муж, Грицанс, уехал. Алименты? Раз в три-четыре месяца получала перевод. Иногда не было алиментов и по полгода. Его привлекли к уголовной ответственности. Отбыл срок. Но алименты продолжали поступать нерегулярно.

Рута знала, что в январе 1980 года Грицанс устроился на работу в комбинат «Варавиксне». В мае получила оттуда первый перевод: за апрель — май 84 рубля. Потом еще один: за июнь — июль 69 рублей. Больше не получала ничего.

В ноябре 1980 года из «Варавиксне» Грицанс уволился. Судебному исполнителю об этом не сообщил. Исполнительный лист в нарсуд не вернулся. Хотя в Гражданском кодексе как Латвийской, так и других союзных республик сказано четко: администрация должна «в трехдневный срок сообщить судебному исполнителю об уходе с работы лица, уплачивающего алименты», бухгалтерия комбината этого не сделала. Увы, не проявил должной настойчивости и судебный исполнитель, за что, впрочем, уже получил дисциплинарное взыскание. И лишь спустя 8 (!) месяцев после увольнения Грицанса, в августе 1981 года, на запрос нарсуда бухгалтерия комбината, наконец,

призналась — лист потерял. Только тогда судом был выдан его дубликат. Подсчитаем: 11 месяцев проработал Грицанс, а алименты получены лишь за 4. Восемь месяцев после увольнения — не получено ничего. 15 месяцев задолженности. По чьей вине?

До недавнего времени в бухгалтерии комбината «Варавиксне» творились вещи весьма странные. Например, в январе 1981 года судебному исполнителю Кировского нарсууда г. Риги, выясняя обстоятельства аналогичного дела, пришлось в присутствии специальной комиссии вскрыть стол старшего бухгалтера Силане, где были обнаружены 63 просроченных за долгие годы исполнительных документа. Исполнительного листа Грицанса не было и там. Бухгалтер Силане уже не работает, в связи со вскрывшимися на комбинате нарушениями возбуждено уголовное дело.

Но вернемся к иску Руты Лиепиня. Имеет ли он юридическое основание? — спросила я в Министерстве юстиции Латвийской ССР.

— Конечно, — ответила главный консультант Управления судебных органов З. Х. Мита, раскрыв том Гражданского кодекса Латвийской ССР на статье 466. — «Организация обязана возместить вред, причиненный по вине ее работников при исполнении ими своих трудовых (служебных) обязанностей». Вот на основании этой статьи, а также статьи 413, ч. II Гражданско-процессуального кодекса республики суды принимают к рассмотрению дела, подобные этому.

Есть аналогичная статья и в Гражданском кодексе РСФСР и в кодексах многих других союзных республик. Но применительно к взысканию алиментов пользуются ею редко.

В Латвии же справедливо полагают: раз виновата администрация, с нее и взыскивать. Ну, а что же сам должник? Его карман не пострадает?

— После выплаты долга, — объясняет З. Х. Мита, — администрация вправе обратиться в суд с иском о взыскании этой суммы либо с алиментоплательщика, либо с конкретного виновника нарушений, либо с них обоих. Это в каждом отдельном случае решает суд. Важно, что интересы матери, интересы детей не страдают.

Итак, народный суд Московского района Риги своим решением обязал администрацию комбината «Варавиксне» выплатить Руте Лиепиня 525 рублей 69 копеек; задолженность по алиментам за 15 месяцев. Так закончилось это дело. Для комбината, кстати, не первое. В апреле 1981-го с него уже была взыскана в пользу другой женщины задолженность по алиментам в размере 488 рублей 47 копеек. Причина та же.

Взыскание алиментов... В судебные органы и органы прокуратуры страны, в редакции газет и журналов идут и идут письма, просьбы, жалобы: «не получаю алиментов», «пропал исполнительный».

В чем же дело? Как считают в Министерстве юстиции Латвии, одна из причин тому — халатность работников бухгалтерии. Многочисленные проверки, проведенные в республике судебными органами и Министерством юстиции, показали, что алименты часто удерживаются из зарплаты несвоевременно, получают их взыскатели со значительным опозданием. Бывает, что и начисление производится неправильно, на почтовых переводах не указывается сумма заработка. Администрация высылает нарсууду исполнительный лист уволившегося плательщика алиментов с опозданием, иногда на месяц, а то и позднее.

Взыскание алиментов требует строгого порядка, а каким он должен быть, этот порядок, работники бухгалтерии часто не знают. Отсю-

да и многие ошибки. Чтобы исправить положение, Министерство юстиции Латвийской ССР разработало «Памятку бухгалтеру», своеобразный свод законов и правил. Теперь эта книжка есть в каждой бухгалтерии. Систематически Министерство изучает работу нарсуудов специально по вопросам выполнения судебных решений о взыскании алиментов. Материалы рассматриваются на коллегии.

— Проблема эта нуждается в самом пристальном внимании, и не только судебных органов, — говорит заместитель министра юстиции Латвийской ССР В. Ф. Наумов. — Мы обратились ко всем республиканским министерствам, госкомитетам и управлениям при Совете Министров Латвийской ССР с просьбой проанализировать существующее положение дел, нарушения, которые допускаются особенно часто. Высказали такое предложение: обязать все предприятия, учреждения и организации регулярно, раз в месяц, сообщать нарсуудам о размерах удержанных алиментов и об их отправлении взыскателям. Такая ежемесячная сводка не составит для бухгалтера особого труда, зато позволит судебному исполнителю лучше контролировать правильность удержания алиментов. Почти все министерства и ведомства прислушались к нашей просьбе. Контакт судебных органов с бухгалтериями довольно успешно налаживается. Однако еще многие вопросы, связанные с взысканием алиментов, нуждаются, на наш взгляд, в доработке. Вот хотя бы пример с «Варавиксне». Ведь сам порядок взыскания ущерба с предприятия, вероятно, можно было бы упростить. О том, что женщина длительное время по вине бухгалтерии не получает алименты на детей, народному суду становится известно, как правило, из акта судебного исполнителя, но сколько еще времени уйдет на подготовку исковых материалов, направление их в суд, на само рассмотрение в суде первой и кассационной инстанций. А ведь часто женщина с детьми живет за сотни километров от места, где должно рассматриваться дело. Мне кажется, разумнее было бы взыскивать такой ущерб по постановлению народного судьи, которое принималось бы на основании акта судебного исполнителя, составленного в присутствии представителя организации и им подписанного. Если организация обжалует это постановление, его исполнение должно быть приостановлено. И еще один вопрос. Во многом могли бы помочь нам профсоюзные организации. В свое время секретариат ВЦСПС принял постановление (от 18.XII.1953 года) «Об усилении контроля профсоюзных организаций за своевременным удержанием алиментов, выплачиваемых отдельными рабочими и служащими». Это постановление никто не отменял, его просто забыли. Мы обратили на это внимание Республиканского совета профсоюзов. Надеемся, что местные профсоюзные комитеты проявят необходимую инициативу...

...На комбинате «Варавиксне» теперь другой главный бухгалтер, почти полностью обновлен коллектив бухгалтерии. На столе Аллы Бабахиной, ведающей начислением алиментов, знакомая уже «Памятка». Рядом сейф, в котором аккуратно заполненные и подшитые хранятся исполнительные документы. Каждый месяц в адрес нарсууда высылает бухгалтерия сводку: что начислено, что отослано. Строгий контроль, строгий учет.

Что ж, возможно, иск Руты Лиепиня станет для комбината «Варавиксне» последним уроком. А для других?

И. ЖУРАВСКАЯ

г. Рига.

Пригревает весеннее солнышко. Пройдет совсем немного дней — и зазеленеют всходы, бело-розовой пеной покроются сады, раскроют тугие бутоны весенние цветы.

Но все это, конечно, не появится само собой, без труда, заботы, знаний. Надеемся, советы специалистов, которые мы печатаем, помогут вам, садоводы.

ПРИГРЕВАЕТ СОЛНЫШКО

КАК ТОЛЬКО СОЙДЕТ СНЕГ

Надо сразу же обработать сад, чтобы предохранить его от вредителей и болезней.

Плодовым деревьям вредят плодожорка, плодовые клещи, яблонный пилильщик, долгоносик-цветоед, тли, медяница, из болезней особенно опасна парша. Смородине и крыжовнику угрожают почковый смородиночный клещ, огневка, паутинный клещ; они нередко заражаются мучнистой росой. На землянике и малине паразитирует долгоносик, их поражает серая гниль.

До того, как распустанся почки, надо провести так называемое «иско-реняющее» опрыскивание растений (его повторяют раз в три года) препаратом ДИНОК (однопроцентный раствор) или железным купоросом (пятипроцентный) или нитрафеном (трехпроцентный). Это опрыскивание уничтожает зимующие яички тли, медяницы, клещей, щитовок, возбудителей парши.

Когда начинают распустанся почки, сад опрыскивают хлорофосом (0,2 процента), или хлорокисью меди (0,5 процента), или карбофосом (0,2 процента), чтобы уничтожить личинки и гусеницы вредителей. В этот же период очищают от отмершей коры стволы и основные сучья, обрезают и сжигают сухие и больные ветви, весь садовый мусор.

Внимательно осмотрите штамбы молодых яблонь: нет ли трещин? Их нужно вылечить, не теряя времени: счистить ножом больную кору до живой ткани, промыть раны пятипроцентным раствором железного купороса и замазать садовым варом. Затем побелить стволы известью или мелом — белый цвет отражает солнечные лучи, штамбы не перегреваются, и кора не растрескивается.

Как только позволит почва, приступайте к обработке приствольных кругов деревьев, и прежде всего отгребайте землю, которой было окучено

Рисунки Э. РАПУТОВОЙ.

дерево на зиму, чтобы корни лучше прогревались. Для того чтобы сохранить в почве необходимое количество влаги, ее рыхлят: сначала перекапывают лопатой, затем мотыгой примерно в радиусе одного метра вокруг молодого дерева.

Удобрения придется вносить несколько раз, но важнее всего ранняя весенняя подкормка азотными удобрениями при самой первой перекопке: 50 г на приствольный круг молодого дерева. В зависимости от возраста дерева, а значит, от диаметра приствольного круга количество удобрения увеличивается: при диаметре 3 м вносят 120 г удобрений, при диаметре 4 м—200 г, 5 м—340 г.

САД ЦВЕТЕТ

Весеннее пробуждение и рост происходят за счет питательных веществ, накопленных с осени. Но запасы эти не бесконечны. Хорошо, если их хватит еще на образование завязей плодов, а потом растение начинает остро испытывать их недостаток. Чтобы этого не случилось, постарайтесь перед цветением или сразу после него подкормить все растения в вашем саду.

Земляника. Кусты очищают граблями от старых, отмерших и поврежденных листьев. Затем междурядья рыхлят на глубину 6—8 см и кустики немного окучивают. Земляника даст новые дополнительные корни, улучшится питание куста.

Еще до новой посадки земляники внесите в почву торф, торфонавозные компосты. А уже имеющиеся плантации подкормите навозной жижой. Ее разводят водой (1:5) и поливают между рядами из расчета 10 л на 10 погонных метров. Для подкормки используют также плодово-ягодную смесь. Рецепт применения обычно указан на пакете. Удобрения лучше вносить в бороздки глубиной 6—8 см, сделанные по обеим сторонам рядов на расстоянии 5—6 см. После внесения подкормок бороздки надо заровнять.

Малина. Среди кустов могут быть растения с оголенной корневой системой. Их надо опрavit и присыпать землей. Почва в малиннике должна быть рыхлой, без сорняков—это обеспечит рост сильных молодых побегов, которые уже на второй год дадут урожай. Перед цветением или сразу после него на расстоянии 15—20 см от кустов делают бороздки глубиной 10—15 см и вносят минеральное удобрение—плодово-ягодную смесь, затем бороздки засыпают почвой. После рыхления и подкормки поверхность почвы около кустов покрывают навозом, торфокомпостом или перегноем слоем 3—4 см—это предохраняет поверхность почвы от иссушения, от образования корки, сдерживает рост сорняков.

Смородина и крыжовник. Кусты смородины и крыжовника дают высокие урожаи лишь на рыхлой почве,

содержащей достаточное количество влаги и питательных веществ. На более легких (песчаных) почвах достаточно разрыхлить мотыгой почву под кустами. На более тяжелых (суглинистых) придется ее перекопать. Корневая система смородины и крыжовника располагается мелко—не глубже 10 см. Поэтому обработку почвы под кустами надо проводить осторожно.

Органические удобрения—навоз, компост—вносят под смородину и крыжовник при посадке, затем их можно вносить через 2—3 года.

Для подкормки используют быстродействующие удобрения: навозную жижу, птичий помет, плодово-ягодную смесь. При внесении жидких подкормок делают бороздки глубиной 8—10 см вокруг молодых кустов, а на взрослой плантации вдоль ряда с двух сторон, отступая от края кроны куста на 20—25 см. В эти бороздки выливают раствор (полведра на молодые кусты и по ведру на взрослые). Плодово-ягодную смесь можно вносить в сухом виде, но лучше делать это после хорошего дождя или полива.

Яблоня и груша. На среднепитательных почвах, где осенью было внесено основное удобрение (органическое и фосфорное), после цветения делают подкормки селитрой или плодово-ягодной смесью. Подкормку можно провести жидкими удобрениями—навозной жижой, птичьим пометом. Разводят их так же, как и для

ягодных кустарников, а бороздки делают глубиной до 15 см, на расстоянии 1—2 м от штамба дерева. На 5-летнее дерево надо 2—3 ведра разведенного раствора, на 10-летнее—4—6 ведер. Перед подкормкой, если почва сухая, ее поливают. После подкормки бороздки заделывают.

Вишня и слива. Лучшее удобрение для косточковых культур—навоз и компост. Кроме них, применяют и минеральные удобрения. После цветения можно подкормить деревья азотными удобрениями. Дозы их зависят от возраста растений и плодородия почвы—в среднем 100—150 г смеси на квадратный метр по приствольному кругу.

Л. ПАТУТИНА, кандидат сельскохозяйственных наук

ЖИВАЯ ЗАЩИТА САДА

В помощь химическим препаратам, охраняющим сад от вредителей, можно использовать и растения (их называют инсектицидными), настои или отвары из которых убивают клещей и других вредных насекомых.

Заведите на своем участке аконит, или борец, из семейства лютиковых. Это многолетнее высокое, до 1 м, растение с плотными, темно-зелеными листьями. Цветки синие или фиолетовые, цветет с июля по сентябрь. Размножается аконит клубнями рано

весной или осенью, можно размалывать и семенами. Он морозостоек, хорошо растет в полутени, не требователен к почве.

В начале цветения собирают растения аконита с цветами, листьями, корнеклубнями, их сушат и измельчают. Для приготовления настоя 1 кг сухого измельченного сырья заливают 10 л воды и настаивают 48 часов. Перед опрыскиванием разбавляют водой до 15 л и добавляют 50 г хозяйственного мыла. Это для уничтожения насекомых. А для уничтожения мышей смешивают 1 кг пищевой приманки с 50 г порошка из клубней аконита.

На многих участках растет декоративный дельфиниум—многолетнее травянистое растение с синими, голубыми, фиолетовыми, белыми цветами. Листья, стебли, цветки дельфиниума собирают в начале цветения, корневища выкапывают осенью или рано весной, высушивают и хранят в сухом помещении.

Для настоя 400 г измельченных семян, или 1 кг сухой травы, или 100 г сухих измельченных корней доведут до кипения в 10 л воды. Для отвара берут те же компоненты, настаивают 10—12 часов и кипятят 1—2 часа. Готовые отвары и настои фильтруют. Настои и отвары дельфиниума убивают гусениц кольчатого шелкопряда, боярышницы, молей, капустной и репной белянок, личинок листогрызущих жуков.

Против тлей, медяниц и клещей применяют настой из одуванчика: 200—300 г измельченных корней или 400 г измельченных листьев (свежих) настаивают 1—2 часа в 10 л теплой (не выше 40°C) воды. Первый раз обрабатывают распускающиеся почки, вторую обработку проводят сразу после цветения, и еще раз через 10—15 дней.

Собирать инсектицидные растения лучше в сухую, ясную погоду, когда роса высохнет, корневища и корни тщательно очистить от земли и промыть в холодной воде. Сушат растения сразу после сбора в тени на ветру, лучше под навесом, раскладывая тонкими слоями или развешивая на веревках. Чем быстрее растения высохнут, тем больше в них сохранится действующих веществ.

При работе с инсектицидными растениями соблюдайте меры предосторожности: храните препараты в хорошо проветриваемом помещении в мешках, посуду промывайте раствором кальцинированной соды (50 г на 1 л воды) или влажной древесной золой. Выжимки уничтожайте, закапывая вдали от жилья, водоемов, выпасов домашнего скота. После работы с препаратами необходимо тщательно мыть руки.

Кроме инсектицидных растений, можно использовать и растения фитонцидные, которые угнетают или убивают возбудителей многих болезней растений.

Растения календулы, высаженные среди роз, уберегают их от многих болезней. Высокие сорта тагетиса (бархатцы) сажают среди плодовых деревьев и кустарников, они отпугивают вредителей своим специфическим запахом.

Найдите в саду место для посадки куста красной бузины, ее яркие плоды красивы, служат хорошим кормом птицам, листья, опадая, удобряют почву, а запаха бузины не переносит крыжовниковая огневка. Рядом с бузиной кусты крыжовника и смородины вне опасности. Отпугивает запах бузины и косяк.

Г. Ф. СВЕТОЗАРСКАЯ, агроном

СВАДЬБА

Алие-апа проснулась в это утро рано — на небе, перемигиваясь, прощались до следующего вечера звезды.

Она любит это время суток. Воздух свеж и терпок. Работает легко. Сегодня у Алие — счастливый, но беспокойный день. Женится старший сын Юнус. Спасибо заводу — очень помогли со свадьбой. Да и автопредприятие, где муж Норходжа с сыновьями Юнусом и Юсуфом работают, в стороне не осталось. Отзывчивые люди.

— Чай я вскипятила. Позавтракайте, — говорит она мужу, который тоже уже встал и умывается под краном. — Малышей в школу отправьте, а я побегу на работу — посмотрю, как там дела, заодно и приглашения на свадьбу раздам. Скоро вернусь.

Такой уж беспокойный характер у Алие-апа — даже в день свадьбы сына не утерпела, пошла на работу. Она технолог фруктового цеха консервного завода. Завод — часть большого агропромышленного комплекса. Сейчас в разгаре заготовительный сезон. Как же не беспокоиться?

— Ну зачем вы пришли, Алие-апа? — увидев ее, всплеснула руками одна из работниц. — Думаете, сами не справимся?

— Справитесь, справитесь, — улыбается Алие-апа, заметив в

глазах девушки недоумение. — Не забудь, сегодня к семи — на свадьбу...

...Торжественные и чуть смущенные, молодые проходят на почетное место во главе стола. Все рассказываются. Первое слово на свадебном вечере — почетному гостю, директору Ходжабадского аграрно-промышленного комплекса, ветерану войны Масадыку Мадьярову.

— Первый бокал — за родителей молодых. Я знаю родителей жениха, поэтому хочу сказать о них. Норходжа Икрамов — узбек, Алие Асанова — татарка. 25 лет назад, встретившись и полюбив друг друга, они создали дружную семью. Сейчас их сын Юнус женится на прекрасной девушке из Киргизии. И я думаю, что новая семья будет такой же дружной. Но особо мне хочется сказать о матери Юнуса. Алие работает у нас давно, и все мы ее отлично знаем: мать семерых детей, прекрасная труженица, в третий раз подряд избирается депутатом областного Совета, возглавляет партийную организацию на консервном заводе. Хочу сообщить радостную весть. — Директор вынул из кармана сложенную газету. — Сегодня опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. За успехи в работе Алие Асанова награждена орденом Трудовой Славы III степени.

Когда стихи аплодисменты, директор продолжал:

— Мое искреннее пожелание молодым — быть во всем похожими на маму.

...Свадьба в самом разгаре. Алие-апа, незаметно встав из-за стола, выходит на улицу. Подставляет разгоряченное лицо ветру. Какой удивительный день! Столько событий. И все сразу... Сзади слышны шаги. Это Норходжа.

— Устала, мать? Ну, ничего, завтра отдохнешь. А как красивы наши молодые. Знаешь, невестка чем-то на тебя похожа.

— Я думаю ее к себе в цех позвать, как ты считаешь?

— Что ж, правильно решила.

Камиль СУЛТАНОВ

Ходжабадский район,
Андижанская область.

ПРОШЛО СОРОК ЛЕТ

Прочла о конкурсе «Наш общий дом» и захотелось поделиться воспоминаниями о далеких днях войны.

1941 год. Фашистские орды рвутся к Москве. Работала я в то время воспитателем Загорского детского дома №1, а затем и его директором. Все детские учреждения из-под Москвы должны были эвакуироваться. А к нам пришло еще и пополнение — ребята из Дмитровского детского дома.

Спешно шла погрузка продуктов питания, детской одежды, постельных принадлежностей.

Началась посадка детей по вагонам. А тут новые попутчики — сорок ребятишек из детского санатория города Бронницы. Дошколята. Больные, совсем беспомощные. Наши старшие ребята сразу же взяли над ними шефство: помогали одеваться, кормили, рассказывали сказки... Седьмого декабря наш состав был направлен в далекий Казахстан.

Что мы вынесли за сорок пять долгих дней дороги! Везли нас окольными путями, по несколько дней стояли на разъездах. На пятые сутки с ужасом узнали, что два вагона с продуктами и одеж-

дой потерялись где-то в дороге. Зима, морозы. Чем кормить, во что переодевать детей? Приходилось довольствоваться продуктами, которые выдавались на эвакуационных пунктах. Таких, как мы, в то тяжелое время было много. Наши сотрудники меняли свои личные вещи на хлеб, кукурузу, рис, пшеницу, варили жидкую похлебку и по кружке делили на всех...

Наконец прибыли на станцию Акыр-Тюбе Джамбулской области. Разместили нас в школе-интернате.

Местные жители приняли в нашей судьбе самое горячее участие. Десятки мужчин и женщин приходили к нам и просили отдать им ребятишек на воспитание. Они бережно брали на руки, нежно прижимали к груди, целовали больных, истощенных малышей, что-то ласково говорили на непонятном нам казахском языке.

Все одиннадцать близлежащих колхозов помогали: кто пришлет барана, кто мешок картошки...

Шло время. Нежность и доброта окружающих людей залечили хвори, помогли забыть страшную дорогу. Ребятишки из Подмосковья привязались к своим новым папам и мамам. Многие из них навсегда нашли здесь родной кров.

Минуло сорок лет, но такого забыть нельзя. Встречаясь со своими бывшими воспитанниками, вспоминаем людей, согрехших теплом своих сердец осиротевших ребятишек, их доброту и нежность, которые помогли превозмочь все невзгоды того страшного для страны времени. И у всех сегодня одно желание: сохранить мир на планете.

З. КУШНЕР

пос. Новый,
Загорского района,
Московской области.

Отважная четверка — А. Ермолаева, Л. Елизарова, Е. Барсукова, С. Петрова.
Фото автора.

решить четверке лыжниц подняться на знаменитую своими трудностями горную вершину.

Да, не повезло с погодой! Но четверка — Екатерина Барсукова, Александра Ермолаева, Любовь Елизарова, работницы Лениногорского полиметаллического комбината, и анестезиолог городской больницы Светлана Петрова — и не думает сдаваться. Походы на труднодоступную вершину стали традицией у спортсменов Лениногорска, их повторяют ежегодно. Неужели сорвется это восхождение?

Лыжи тонули в глубоком свежем снегу, идти было трудно. Спугнули целое семейство зайцев. Один из беляков со страху наскочил на терева, глубоко зарывшегося в снег. Черная птица взлетела, разбрызгивая белые хлопья, скрылась в ветвях заснеженных пихт.

Лес остался позади. Лыдный наст. Лыжи стали скользить, разезжаться. Вот он, голый треугольник каменной стены, который называют «Куриной грудкой». Идти дальше на лыжах невозможно.

Скинули их, надели «кошки», утеплились как могли, чтобы укрыться от пронизывающего ветра. Но снежная крупа сечет лицо, затрудняя движение. Чем выше, тем круче. В руках алый вымпел. Его надо водрузить над пиком в честь восхождения. Ртутный столбик термометра резко падает. Сковывает льдом ресницы.

Победный бросок. Дошли! Ветер рвет одежду, но спортсменки все же не могли не полюбоваться с заоблачной высоты панорамой индустриального Лениногорска, замкнутого цепью гор.

Веселый, но очень трудный спуск. А внизу, у огромного костра, терпеливо ждали отважных лыжников мужья. Среди них альпинисты Борис Петров и Валентин Елизаров. На костре прильпсывала крышка чайника. Вкусно пахло шашлыком.

Так было совершенно традиционное восхождение в честь 8 Марта.

П. АЛТАЙСКИЙ

г. Лениногорск,
Восточно-Казахстанская обл.

Пик «Зоя Космодемьянская», что на Алтае, еще скрывается в утреннем тумане. И здесь, у его подножия, царит тишина. Лишь поскрипывают по снегу лыжи да доносится издали шум порогов речки Колотушки. Но вот растворилась дымка, и на перевале Ивановского белка (белок — это открытая вечным снегом горная вер-

шина) показались снежные вспышки — предвестники ураганного ветра. Обстановка на лезвии хребтины вызывала тревогу.

А вчера погода не обещала никаких неприятных сюрпризов. Самым сложным было уговорить МКК (маршрутно-квалификационную комиссию) лениногорского туристского клуба «Искра» раз-

Болят голова

Трудно найти человека, который ни разу в жизни не страдал бы от головной боли. Совершенно здоровые, полные сил люди и то нет-нет да пожалуются: голова болит, попросят таблетку. Такую боль врачи называют болью напряжения. Чаще всего возникает она у молодых женщин с неустойчивой нервной системой как следствие чрезмерного эмоционального напряжения: конфликтных ситуаций, сильных переживаний. Голова может разболеться от духоты, от жары, от переутомления, бессонницы или недосыпания. Приступ головной боли бывает своеобразным предвестником резких изменений погоды — если, конечно, человек вообще отличается повышенной чувствительностью к скачкам атмосферного давления, температуры воздуха, влажности.

Вредные привычки — курение, употребление алкоголя — вызывают отравление организма и могут стать причиной головных болей. Ведет к этому также нарушение режима питания, перегревание на солнце, еще множество причин.

Мучительна головная боль при мигрени. Вдруг среди полного благополучия возникает боль в лобно-височной области, обычно с одной стороны. Боль носит пульсирующий характер, интенсивность ее быстро нарастает, иногда она сопровождается тошнотой, рвотой, головокружениями, ознобом. Приступ длится от получаса до 1—2 суток, потом ослабевает, больной обычно засыпает, а после пробуждения остается только тяжесть в голове.

До сих пор медицина не может точно определить причину возникновения этого заболевания. Раз начавшись, оно преследует человека долгие годы. Известно, что страдают мигренью, как правило, девушки и молодые женщины, с возрастом приступы ослабевают, а потом и вовсе бесследно проходят. Видимо, определенную роль здесь играют наследственные факторы, заболевания кровеносных сосудов, расстройство обмена веществ, нервные расстройства, аллергия на некоторые пищевые продукты, запахи. Мигрень может возникать в предменструальный период или во время менструации, быть следствием сильных эмоций, переживаний.

Конечно, не следует думать, что головные боли — удел молодых. Страдают от них и пожилые люди, но характер болей иной, они обычно бывают спутниками основного заболевания.

Длительные, продолжающиеся по несколько дней боли, которые носят разлитой характер или сосредотачиваются в области лба, виска, — обычный симптом атеросклероза сосудов головного мозга. Они, как правило, усиливаются к концу дня, сопровождаются головокружением, шумом в ушах. Если боли сосредоточены в области затылка, у них пульсирующий характер, и беспокоят они в основном по утрам, днем слабеют, а к вечеру опять нарастают — это признак гипертонической болезни. При гипотонии (пониженном артериальном давлении) голова тоже болит по утрам, человек ощущает слабость, не может справиться с зевотой. Тошнота вместе с острой головной болью сопровождается обычно и резкие колебания, как говорят, «скачки» давления.

Как же поступать, когда разболелась голова? Если это случается редко, эпизодически, не сопровождается тошнотой, рвотой и явно вызвано переутомлением, бессонницей, — специального лечения не потребуются. Достаточно отдохнуть, выспаться, погулять на свежем воздухе, переключиться с одного вида деятельности на другой. Очень хорошо, если вы вообще возьмете за правило гулять перед сном, спать при открытой форточке или хотя бы как следует проветривать на ночь комнату — это

надежная профилактика головных болей. Важно и налаживать рациональное питание (когда ешь всухомятку, от случая к случаю, с утра до вечера не успеваешь пообедать, — непременно разболится голова), следить за нормальной работой кишечника. Если на головную боль жалуются дети — проверьте, не нуждаются ли они в очках, и ограничьте время, проводимое перед телевизором.

Это, так сказать, естественная, гигиеническая профилактика, пригодная для практически здоровых людей. Если же головная боль возникает часто и вы замечаете ее связь с изменением погоды, с употреблением какого-то определенного пищевого продукта или лекарственного вещества, необходимо обратиться к врачу, в каждом конкретном случае нужно специальное обследование.

При возникновении головной боли, особенно при мигрени, надо постараться создать себе максимальный комфорт. Зашторить окна, закрыть двери (яркий свет, шум, резкие запахи усиливают приступ) и лечь или сесть в кресло — большие обычно сами выбирают то положение, в котором им легче. Иногда помогает легкий массаж висков или затылка, тугое бинтование головы, прикладывание ко лбу и вискам холодных или горячих компрессов (отжатая салфетка, сверху клеенка). Рекомендуются также горячие ножные ванны (40°) в течение 10—15 минут. Тошнота уменьшается, если сосать кусочек льда.

Ну, а как же таблетки и порошки, за которые мы привычно хватаемся при первых же признаках боли? Нет средств, пригодных одинаково для всех. То, что помогает одному, может быть бесполезно, а то и вредно для другого. Что именно принимать — должен решать врач. Обычно, если нет индивидуальных противопоказаний и головная боль не связана с каким-либо другим серьезным заболеванием, врачи назначают лекарственные средства, содержащие кофеин: кофетамин, аскофен, анкофен, цитрамон (особенно при мигрени). Эффективны также анальгетики: анальгин, амидопирин (пирамидон), ацетилсалициловая кислота (аспирин) и сосудорасширяющие (но-шпа). Имеется ряд комплексных препаратов, содержащих эти средства в различных сочетаниях.

Но ни в коем случае не надо злоупотреблять таблетками, глотать то одну, то другую. Это может повести к отравлению, обострению хронических заболеваний желудочно-кишечного тракта, вызвать аллергическую реакцию.

При головных болях, связанных с повышением артериального давления, до прихода врача рекомендуется поставить горчичники на затылок, принять горячие ножные ванны в течение 15 минут, сделать легкий массаж головы, шеи. Боли, вызванные понижением давления, — гипотонией, можно облегчить, даже снять, если выпить чашку горячего крепкого кофе или чая, принять таблетку, содержащую кофеин. Помогает также прием пантокарина или экстракта элеутерококка (по 30 капель).

Для профилактики приступов головной боли, возникающей вследствие атеросклероза сосудов, народная медицина рекомендует настаивать на водке соцветия клевера лугового с листочками (20 г на бутылку водки). Через десять дней, когда наступится, принимать по столовой ложке один раз в сутки до обеда или перед сном. Или сделать настой пустырника с мятой (по десертной ложке сухой травы залить 3 стаканами крутого кипятка, настаивать 2 часа, процедить) и пить по стакану 3 раза в день до еды, добавляя в стакан чайную ложку меда. Многим помогают сеансы иглоукалывания.

А. ПАНКРАТОВ, врач

ПРОФЕССИЯ: МОДЕЛЬЕР

Свет погас. опустел подиум. Манекенщицы ушли снимать свои красивые платья.

Теперь она им не нужна. Она вышла в зал, устало опустилась в одно из кресел. Все аплодисменты относились к ним, живому воплощению моды. Ей не было обидно, все в общем-то естественно: модельер всегда за кулисами. Чьи это модели, что думал, вкладывал в них художник, если разобраться, неважно, важен результат. Она это знала и, глядя на покидающих зал зрителей, думала сейчас о другом: любая женщина может быть красивой, обретая свой стиль, отыскав безошибочно саму себя.

...Если вы бывали в Третьяковской галерее и в Русском музее, то, возможно, вам знакома фамилия Александра Осмеркина. Прекрасный художник, тонкий лирик. «Его живопись так похожа на него... Артист, лишенный какого бы то ни было делячества, самозабвенно влюбленный в искусство, для которого оно было чем-то неизмеримо большим, чем любые практические соображения, он прошел среди нас Дон-Кихотом в искусстве, многое ему казалось лучше, чем на самом деле, на многое он смотрел с возвышенным восторгом», — писал об Александре Осмеркине в своих воспоминаниях народный художник СССР А. А. Дейнека. Отец не знал, что дочь станет художником, он не учил ее рисовать — учил видеть красоту. Учил любить книги, без которых сам не мыслит своей жизни. — Пушкина, Толстого, Достоевского....

Когда отца уже не было, Татьяна Александровна Осмеркина поступила в текстильный институт с намерением заняться росписью тканей. О профессии модельера не шло и речи — что за работа такая, не очень серьезная. Ей надо было приблизиться к этому делу, чтобы увидеть, какое высокое искусство — моделирование. Модельер одновременно и график (модель ведь начинается с эскиза!), и живописец (требуется цветовое решение костюма); и скульптор (он как бы отсекает все лишнее, «вылепливая» идеальную форму)...

Но моделирование — это еще и наука. Философы, социологи, искусствоведы — кто только не пытался разгадать феномен моды, понять, откуда она приходит и почему уходит. Тут множество теорий и мнений, которые в чем-то спорят, дополняют или опровергают друг друга — но в общем-то мало что объясняют.

Вы знаете, например, что будут носить завтра, через год, через час? Я не знаю. А вот Осмеркина знает. Она убеждена: несмотря на то, что со страниц модных журналов не сходят модели с утрированно широкими, массивными плечами, вводить эту моду в промышленность не стоит, у нее короткий век. Легкие платья, блузки с

подплечиками неудобны и нелогичны, следовательно, некрасивы.

Еще один прогноз: платьям, по мнению Осмеркиной, будут постепенно уходить из нашего гардероба, уступая место всевозможным комплектам — юбкам, блузкам, брюкам, курткам, пиджакам, жилетам и так далее. Возможность комбинировать, сочетать разные варианты отвечает духу времени. Логично, следовательно, красиво.

Профессия модельера такова, что поневоле заставляет поинтересоваться: уча одеваться других, как он одевается сам?

Осмеркина отшучивается, приводя французскую поговорку: одеваться по моде — значит, не уметь одеваться. У нее в гардеробе нет ни одной «острой» вещи, способной удивить. Она считает, что ей это не нужно. Каждый человек — индивидуаль-

ность, именно индивидуальность становится точкой отсчета, а не «модные» стандарты. Женщина должна знать, что ей идет, а что — противопоказано. Если «не мое» — значит, лучше отказаться. «Мое» и «чужое», инородное и органичное, необходимое и лишнее — вот набор мерок, имеющих прямое отношение к моде. Так считает Осмеркина.

В любом из залов — в Москве, Брно, Софии, Париже, где демонстрировались модели Татьяны Осмеркиной, отмечались они дипломами, медалями, премиями. Но главное даже не в этом. У Осмеркиной — художника Специального художественно-конструкторского бюро Министерства легкой промышленности РСФСР — репутация самого «внедряемого» модельера. По количеству вещей, принятых промышленностью для массового производства, она среди первых. За-

дача художника-модельера, по ее мнению, в том, чтобы уметь предложить женщине нечто такое, что будет достаточно высоко, «грамотно» с точки зрения моды и достаточно реально для повседневной жизни. На какую бы фигуру ни моделировала Осмеркина — на высокую, тонкую или на нелюбимую модельерами полную, для какого бы случая изделие ни предназначалось, его приятно и удобно носить. Коллеги-модельеры всегда определяют «почерк» Осмеркиной. Есть в ее вещах то самое «чуть-чуть» — расположение петель, форма карманов, размер воротника — полсантиметра плюс три миллиметра минус, та единственная пропорция, которая, наверное, и называется вкусом. А вкус ее безупречен — идет ли речь о выставочных моделях, существующих в одном-единственном экземпляре, или о промышленном эталоне, который стократно, тысячекратно тиражирует конвейер.

И еще потому нравятся ее вещи, что привлекает неизменный сквозной образ, созданный художницей: женщина современная, деловая, но всегда непременно женственная. Нынешняя мода диктует мамам и дочкам почти бесполой облик, который Татьяне Осмеркиной определенно не нравится. Она убеждена, что любая, самая нисовременная «брючная», «джинсовая» девушка не откажется от возможности оставаться собой и будет благодарна художнику, который поможет ей в этом.

К образу, который бывает решен порой всего несколькими штрихами, художница идет медленно и трудно. Осмеркина меньше всего работает над эскизом, он лишь для того, чтобы оттолкнуться, начать. Решение ищется уже в самой вещи. Только в работе рождается «живая» одежда.

Ее импровизации, бывает, раздражают тех, кто работает рядом. Она отвечает: «Мне тоже значительно легче работать иначе, но... Давайте попробуем этот карман положить вдоль. Мне кажется, так будет лучше».

И мастера, и конструкторы, и манекенщицы вновь перетерпят это. Если им уж совсем невмоготу, она сама возьмет платье, распорет, переделает по-новому. Но это в крайнем случае. С Осмеркиной работать трудно, это знают все. Но работают с ней охотно. Истинное желание человека хорошо, как можно лучше выполнить свое дело рождает уважение, больше того, заражает других.

Еще в институте их учили, что вещь, над которой работаешь, надо любить. Она поняла это буквально. Ей говорят: «Это же массовка, не бойся отча-

янно над оборкой, чуть выше — чуть ниже — ну и что? Твой мучительно найденный сантиметр потеряется, его никто не заметит». А она не хочет работать иначе. Среди немногих, в чем она уверена в жизни, есть такое вот соображение: маленький компромисс, чуть-чуть уступка, слегка халтура, а потом дело обязательно расплывется с тобой как минимум потерей мастерства.

Осмеркина любит работать «на риске». Есть десятки беспроигрышных вариантов решения модели, но она отправится еще одной, новой дорогой. Результат, как правило, интересен, а если речь идет о массовом производстве — экономически целесообразен. Из узкого вельвета, к примеру, по традиции шили только прямые, скрепленные по долевой нити вещи. Осмеркина предложила класть ткань по косой, соединяя куски вельвета в шахматном порядке. Вещи стали современнее, и отходы ткани сведены к минимуму.

Такая же история произошла с мелкой по размерам норкой. Из маленькой шкурки не получалось модного воротника. А что, если положить мех не вдоль, а поперек? Сделать стойку, «хомут»? Сейчас многие фабрики шьют пальто с такими нетрадиционными воротниками.

Охотно подхватила промышленность недавнее предложение художника использовать обрезки шелковых и подкладочных тканей для изготовления маленьких стеганых двусторонних жилетиков, которые нравятся многим девушкам.

Диапазон творчества Татьяны Осмеркиной широк. С моделей выставочных, нарядных, которые иначе как праздником моды не назовешь, она органично переходит к одежде для будней. Потом обращается к театральному костюму. И снова возвращается к моде массовой. Она считает: подобные выражения для художника необходимы.

...В опустевшем зале сидит усталая женщина. Праздник моды окончен, будней в жизни, как известно, куда больше, чем праздников. У нашей героини есть компенсация за обязательную эту усталость. Она точно знает, что надо и не надо ей в жизни.

Э. ЩЕРБАНЕНКО

На фотографиях несколько последних моделей Осмеркиной. Все они (кроме черных комплектов с ситцевой отделкой, получивших Гран-при на недавней международной выставке в Брно) приняты промышленностью для массового производства.

На первой странице обложки: В. Яценко. Весна (фрагмент).

В приложении к этому номеру: Модели и выкройки летних сарафанов; поделки из лоскутков.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

В. М. БАШАРИНА (отв. секретарь),
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Л. А. ЛЕСОВАЯ,
М. И. РОЖНЕВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, ГСП, Москва,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; публицистики и международной жизни — 250-44-80; коммунистического воспитания — 212-22-23; литературы и искусства — 250-12-30; семьи и быта — 250-11-93; науки и атеистической пропаганды — 212-22-03; художественного оформления — 212-14-13; писем — 250-57-38; массовой работы — 212-23-73; «Подружка» — 212-22-03; зав. редакцией — 212-20-39.

Сдано в набор 24.02.82.
Подписано к печ. 18.03.82. А 00339.
Формат 60×90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Усл. кр.-отт. 12,84. Тираж 13 500 000 экз.
(1-й завод: 1—8 898 646 экз.).
Изд. № 839. Заказ № 2139.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени
В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

Главный художник
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.
Оформление
Т. Р. ГОРЕЛОВОЙ.
Технический редактор
Г. Н. СИДОРОВА.

Фото Н. МАТОРИНА

Модели выполнены
конструкторами Г. Жегаловой,
А. Юрасовской,
Н. Большевой, Л. Соломатиной,
Н. Раковой.

526

Автограф
для
РАБОТНИЦЫ

Сказка.

Имя этой художницы широко известно в Литве, да и не только здесь. Работы Сургайлене неизменно привлекают внимание ярким национальным колоритом и высокой культурой исполнения, неповторимостью только ей присущего праздничного мироощущения.

Удивителен мир ее образов, словно явившихся из древних литовских преданий. Они заговорили с нами языком современным и понятным. Мир Сургайлене светлый и гуманный. В нем царят верность и дружба, красота и любовь, справедливость и трудолюбие.

Двадцать лет отдано художницей, закончившей Вильнюсский государственный художественный институт, графике. За эти годы она проиллюстрировала десятки книг, создала несколько циклов гравюр на темы литовских народных песен и сказок.

Художница как-то сказала: «Детство я вспоминаю как залитый

весна, щедрое лето, задумчивая осень, голубовато-прохладная зима. И в каждой свое неповторимое настроение, выраженное прежде всего в цвете.

Техника, в которой с особым удовольствием работает художница,—линогравюра. Сама техника линогравюры требует выразительной лаконичности и некоторой условности. В композициях Сургайлене преобладают крупные планы, фигуры, как правило, статичны, автор отдает предпочтение фронтальному изображению. И при этом каждая работа столь глубоко осмыслена, что нельзя убрать ни одной детали, так же как невозможно выбросить слова из песни... Нередко выразительным элементом композиции становится шрифт, вводимый автором естественно и непринужденно. Это может быть и строка из песни или какого-нибудь прозаического произведения.

Работы А. Сургайлене не раз отмечались дипломами на всесоюзных и международных выставках. Побывали они в Чехословакии, Бельгии, Канаде и других странах. И повсюду находили признание.

Г. БАЛЬЧЮНЕНЕ

Зима.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: АСПАЗИЯ СУРГАЙЛЕНЕ

солнцем цветущий сад. И первые тропинки своей жизни я проложила—в буквальном смысле этого слова—среди яркого созвездия цветов. Очень любила слушать волшебные сказки. Они учили меня добру...»

Тот, кому привелось хотя бы однажды увидеть красочное мерцание вит-

ражей, созданных литовскими художниками, наверняка захочет сравнить их с эстампами Сургайлене. В ее работах та же звонкая сила цвета, та же архитектоника, та же обобщенность формы.

Герои художницы—благородные юноши, нежные девушки-лилии, мудрые старцы, ласковые матери. А рядом с ними—добрые звери, русалки, ласковое солнце, луна, звезды...

Природа в работах Сургайлене добра и понятна. Могучее дерево дает отдых усталым птицам, цветы склоняются к ногам трудолюбивой девушки, словно благодаря ее. Весело звенят голубые колокольчики, алеют тюльпаны, сияют солнышки ромашек. Поэзией пронизаны все ее работы, посвященные временам года. Ликующая

Лето.

Осень.

Индекс
70770.
Цена
25 копеек.